THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00012504113

U
14863.
11.2
2479.

XIII

OCHERK

ОЧЕРКЪ

MEDITSINSKOÏ

МЕДИЦИНСКОЙ И ГОСПИТАЛЬНОЙ ЧАСТИ

РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ КРЫМУ

въ 1854—1856 г.

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/ocherkmeditsinsk00fong

DK 215.95
.F65
1870

ОЧЕРКЪ
МЕДИЦИНСКОЙ И ГОСПИТАЛЬНОЙ ЧАСТИ
РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ КРЫМУ
ВЪ 1854—1856 Г.

Приложеніе къ «ОПИСАНІЮ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ».

СОСТАВИЛЪ
ПРОФЕССОРЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА Х. ГЮББЕНЕТЪ.

БИБЛІОТЕКА АКАДЕМІИ ВОЕНУШНОГО ЗДОРОВЬЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Н. Неклюдова (Офицерская, № 7—14).
1870.

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Дп 134.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Матеріаломъ для этого сочиненія послужили отчасти оффиціальные документы, отчасти же мои собственныя замѣтки, въ которыя я вносилъ видѣнное во-очію и пережитое мною лично. Неизбѣжные въ подобнаго рода источникахъ пробѣлы и противорѣчія, вытекающіе изъ самаго свойства обстоятельствъ, заставили меня подвергнуть явленія критическому разбору, чтобы такимъ образомъ, по возможности, оставаться безпристрастнымъ и вѣрнымъ истинѣ.

Несмотря на все желаніе не переступать за область фактовъ, я не могъ однакоже не провести мѣстами свои личные взгляды, въ надеждѣ, что они не покажутся читателямъ односторонними и излишними.

Такъ какъ задача моя — изобразить самую печальную сторону войны, а именно страданія и гибель людей, равно какъ и принятыя противъ того и другаго мѣры, то здѣсь, конечно, никто не станетъ ожидать привѣтливой, свѣтлой картины. Это было бы столь же неосновательно, какъ неосновательно было бы требовать, чтобы художникъ, задумавшій нарисовать волнующееся море и кораблекрушеніе, представилъ намъ море, озаренное солнечными лучами, съ

тихо скользящимъ по его ровной, гладкой поверхности судномъ. Никакая война не мыслима безъ кровопролитія и ранъ. Но если уже леченіе и утоленіе боли требуютъ прежде всего осмотра раны, то тѣмъ смѣлѣе слѣдуетъ снимать повязку, какъ скоро дѣло идетъ объ остановленіи кровотеченія. Еще бо̀льшая рѣшимость, быть можетъ, нужна для того, чтобы раскрыть раны общества, къ излеченію которыхъ желаемъ приступить. Скрывать истину въ подобныхъ случаяхъ значитъ скрывать зло и утаивать раны. Скрытныя, незамѣтныя для глазъ разрушенія, проистекающія отъ подобнаго утаиванія, тѣмъ опаснѣе, что они всѣ открываются разомъ и вдругъ, и притомъ въ такое время, когда помочь имъ уже слишкомъ поздно!

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ I

ЧАСТЬ I. Отъ высадки союзниковъ до отъѣзда князя Меншикова, отъ $\frac{2}{14}$ сентября 1854 г. по $\frac{18 \text{ февраля}}{2 \text{ марта}}$ 1855 г.: Состояніе госпиталей до высадки. — Раненые при Альмѣ.—Число раненыхъ. — Начало осады. — Первое бомбардированіе. — Безпомощное положеніе раненыхъ. — Мѣры для облегченія этого положенія. — Участіе всей Россіи. — Симферополь.—Его значеніе для больныхъ Крымской арміи и вспомогательныя средства, которыми онъ располагалъ. — Обзоръ госпиталей. — Балаклава и Инкерманъ. — Пироговъ. — Сестры милосердія.—Врачи и фельдшера. — Администрація. — Средства для транспортированія больныхъ. — Перевязочныя средства. — Лекарства. — Инструменты. — Число больныхъ $\frac{1}{13}$ декабря. — Перевязочные пункты. — Гангрена и піемія. — Временное перенесеніе перевязочнаго пункта.—Третій перевязочный пунктъ. — Неодинаковыя условія различныхъ перевязочныхъ пунктовъ.—Неравномѣрное распредѣленіе врачей.— Устройство перевязочныхъ пунктовъ и предложенія по этому поводу.—Результатъ операцій.—Перевязочный пунктъ на Корабельной 1

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Развитіе госпитальной и медицинской части съ конца февраля 1855 г. до отступленія изъ Севастополя: ГЛАВА I (съ $\frac{19 \text{ февраля}}{3 \text{ марта}}$ 1855 г. до втораго бомбардированія $\frac{28 \text{ марта}}{9 \text{ апрѣля}}$).

Врачебныя силы госпиталей.—Команды выздоравливающихъ.—Мѣры новаго главнокомандующаго.—Возрастающія затрудненія. — Перевозка больныхъ. — Инструкція при перевозкѣ.—Денежныя пособія раненымъ.—Вылазка впереди Камчатскаго люнета $\frac{10}{22}$ марта.—Механизмъ перевязочнаго пункта.—Число операцій.—Результаты.—Состояніе и улучшеніе госпиталя на Корабельной.—Ревизія госпиталей 50

ГЛАВА II (отъ втораго бомбардированія до перваго штурма, съ $\frac{28 \text{ марта}}{9 \text{ апрѣля}}$ по $\frac{6}{18}$ іюня 1855 г.). Второе бомбардированіе.—Положеніе перевязочнаго пункта на Корабельной.—Перемѣщеніе перевязочнаго пункта въ магазины Павловскаго мыска.—Улучшеніе госпиталя.—Удаленіе раненыхъ изъ Севастополя.—Приказъ графа Остенъ-Сакена.—Вылазка съ 6-го бастіона.—Появленіе холеры.—Паденіе Камчатскаго люнета.—Недостатокъ помѣщенія.—Уборка раненыхъ.—Плѣнные французы.—Операціи.—Перемѣщеніе перевязочнаго пункта на Сѣверную сторону.—Обзоръ нашей потери до $\frac{1}{13}$ іюня 77

ГЛАВА III (отъ перваго штурма до отступленія изъ Севастополя, отъ $\frac{5}{17}$ іюня по $\frac{28 \text{ августа}}{9 \text{ сентября}}$ 1855 г.). Распредѣленіе больныхъ.—Транспорты.—Госпитали. — Расположеніе, численность и сила ихъ.—Попеченіе о больныхъ.—Затрудненія и злоупотребленія.—Перевязочный матеріалъ и инструменты.—Первый штурмъ на городъ.—Раненые.—Операціи.—Перевязочные пункты.—Раненіе Тотлебена.—Перенесеніе главнаго перевязочнаго пункта.—Описаніе Николаевскихъ батарей.—Перемѣна въ медицинскомъ управленіи.—Смерть Нахимова.—Іюль мѣсяцъ.—Сраженіе при Черной рѣчкѣ.—Перевязочный пунктъ.—Бомбардированіе города. — Хирургическая дѣятельность. — Раны. — Усиленное бомбардированіе. — Послѣдній штурмъ. — Отступленіе. — Цифра раненыхъ и операцій, по книгамъ перевязочныхъ пунктовъ.—Вычисленіе нашихъ потерь.—Число операцій и исходъ ихъ 103

ЧАСТЬ I.

ОТЪ ВЫСАДКИ СОЮЗНИКОВЪ ДО ОТЪѢЗДА КНЯЗЯ МЕНШИКОВА.

Отъ $\frac{2}{14}$ сентября 1854 г. по $\frac{18 \text{ февраля}}{2 \text{ марта}}$ 1855 г.

Состояніе госпиталей до высадки. — Раненые при Альмѣ. — Число раненыхъ. — Начало осады. — Первое бомбардированіе. — Безпомощное положеніе раненыхъ.—Мѣры для облегченія этого положенія. — Участіе всей Россіи.—Симферополь.—Его значеніе для больныхъ Крымской арміи и вспомогательныя средства, которыми онъ располагалъ. — Обзоръ госпиталей. — Балаклава и Инкерманъ. — Пироговъ. — Сестры милосердія. — Врачи и фельдшера. — Администрація.—Средства для транспортированія больныхъ. — Перевязочныя средства. — Лекарства. — Инструменты. — Число больныхъ $\frac{1}{13}$ декабря. — Перевязочные пувкты. — Гангрена и піемія. — Времевное перенесеніе перевязочнаго пункта. — Третій перевязочный пунктъ. — Неодинаковыя условія различныхъ перевязочныхъ пунктовъ. — Неравномѣрное распредѣленіе врачей. — Устройство перевязочныхъ пунктовъ и предложенія по этому поводу. — Результатъ операцій. — Перевязочный пунктъ на Корабельной.

Въ ту пору, какъ непріятель появился въ Крыму, медицинская часть у насъ была поставлена только на мирную

*

ногу, разсчитана была лишь на мирное время, и едва удовлетворяла нуждамъ всѣхъ войскъ, сосредоточенныхъ на полуостровѣ. Въ это время въ Крыму имѣлось всего 5 военно-сухопутныхъ и 1 морской госпиталь,

а именно:

военно-сухопутные госпитали

1	въ	Севастополѣ на.	610	кроватей
1	»	Симферополѣ »	310	»
1	»	Ѳеодосіи »	310	»
1	»	Керчь-Еникале »	160	»
1	»	Перекопѣ (полугоспиталь) на .	60	»
морской госпиталь въ Севастополѣ на			500	»
		Итого . . .	1.950	кроватей.

Сверхъ того, въ небольшой городской больницѣ въ Симферополѣ могло быть помѣщено до 100 больныхъ. И такъ, Крымъ готовъ былъ пристроить около 2.000 больныхъ. Правда, нѣкоторые изъ госпиталей обладали запасными средствами настолько, что въ состояніи были призрѣвать еще по 100 больныхъ, а въ полкахъ имѣлись врачи и извѣстное количество лазаретнаго матеріала. Но всѣ эти вспомогательныя средства должны были оказаться ничтожными при первомъ внезапномъ и значительномъ накопленіи больныхъ, какъ это бываетъ на театрѣ войны. Много, если ихъ достало бы на 3.000 больныхъ.

Альма. Сраженіе при Альмѣ дано было $\frac{8}{20}$ сентября. Количество оставшихся послѣ него раненыхъ превзошло наши ожиданія. Весь уронъ нашъ въ этомъ дѣлѣ простирался до 5.709 челов. Если вѣрить имѣвшимся въ нашихъ рукахъ даннымъ, то съ поля битвы при Альмѣ доставлено въ Севастополь болѣе 2.000 раненыхъ, которые, съ $\frac{20 \text{ сентября}}{2 \text{ октября}}$, были мало по малу транспортируемы въ Симферополь. До перваго бомбардированія $\frac{5}{17}$ октября вывезено изъ Севастополя въ Сим-

ферополь до 4.000 больныхъ и раненыхъ. И такъ, если правда то, что раненыхъ было 2.000, то больныхъ, страдавшихъ внутренними болѣзнями, набралось въ Севастополѣ по крайней мѣрѣ до 2.000. Эта послѣдняя цифра однако весьма неправдоподобна и врядъ-ли согласуется съ другими данными, такъ какъ въ Севастополѣ имѣлось помѣщеніе приблизительно только для 1.000 больныхъ. Это тѣмъ невѣроятнѣе, что въ Севастополѣ около этого времени находились два неоткрытые временные сухопутные госпиталя на 400 кроватей. Стало быть, если страдавшихъ внутренними болѣзнями было бы дѣйствительно болѣе 1.000, то эти госпитали непремѣнно были бы открыты еще до высадки. Изъ этого можно вывести только то заключеніе, что число раненыхъ, привезенныхъ въ Севастополь, далеко превышало цифру 2.000. До чего доходила общая сумятица или по крайней мѣрѣ неизвѣстность насчетъ ближайшей участи Севастополя, видно уже изъ того, что раненыхъ несли какъ разъ по направленію къ театру войны, вмѣсто того, чтобъ удалять ихъ оттуда.

Легко себѣ представить, какой уходъ и какое леченіе выпали на долю этихъ раненыхъ. Не было достаточно ни помѣщенія, ни кроватей, ни бѣлья, ни даже необходимой для больныхъ пищи. Къ тому же, число врачей было крайне ограниченно. Оно такъ мало соотвѣтствовало насущнымъ потребностямъ, что приблизительно на 300 больныхъ, и по преимуществу раненыхъ, приходилось всего по одному только врачу. Спрашивается, что въ состояніи былъ сдѣлать одинъ врачъ съ такимъ огромнымъ количествомъ больныхъ? И могъ-ли тутъ справиться даже самый искуснѣйшій хирургъ? Не должна-ли была его роль ограничиваться здѣсь почти исключительно одною нравственною поддержкой? Не должно-ли было всякое искусство оказаться безсиль-

нымъ тамъ, гдѣ чувствовался недостатокъ во всемъ, даже въ клочкѣ пространства для больнаго? Какую пользу принесло бы самое громадное количество рукъ, наловчившихся въ хирургическихъ операціяхъ, когда не были соблюдены даже самыя существенныя условія, требуемыя уходомъ за больными? Тутъ уже лучше вовсе обойтись безъ врача, лишь бы только удалось, взамѣнъ этого, пріобрѣсти помѣщеніе, бѣлье, холстъ, и необходимыя для больныхъ пищу и питье.

Всѣ эти недостатки, конечно, могутъ представиться во всякой войнѣ, а на театрѣ войны, возникшемъ неожиданно и вдругъ,—и подавно!

Участь раненыхъ подъ Альмой до сихъ поръ еще покрыта глубокимъ, непроницаемымъ мракомъ. Больные въ госпиталяхъ разсказывали, что они 5—6 дней пролежали на полѣ битвы, посреди степей, подъ открытымъ небомъ, безъ перевязки, ничѣмъ неприкрытые, лишенные воды и пищи. По ихъ словамъ, только впослѣдствіи имъ была подана нѣкоторая помощь со стороны англичанъ. Солдаты, въ своей наивности, единодушно разсказываютъ, будто англійская королева, окруженная генералами и блестящею свитой, посѣтила ихъ на полѣ битвы, обращалась къ нимъ со словами утѣшенія, ободряла ихъ, и подкрѣпляла пищей и питьемъ. Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что по истеченіи нѣсколькихъ дней найдены еще на полѣ сраженія и отправлены въ Севастополь 240 раненыхъ. Кромѣ того, на французскомъ пароходѣ перевезено въ Одессу 423 раненыхъ при Альмѣ.

$\frac{13}{25}$ сентября, когда для главнаго военнаго управленія болѣе выяснились и собственное положеніе и настоятельныя потребности больныхъ, въ Симферополь отправленъ былъ приказъ отыскать помѣщеніе не менѣе какъ для 6.000

раненыхъ. Въ то же время Херсонской коммисаріатской коммисіи поручено въ возможной скорости выслать въ Симферополь госпитальныхъ вещей для 2.000 больныхъ. Эти приказы сами изобличаютъ свою несостоятельность. Помѣщенія требовалось для 6.000, а между тѣмъ госпитальныхъ вещей только для 2.000 больныхъ. Но и эти приказанія исполнялись чрезвычайно плохо. Возможно-ли въ одно мгновеніе создать помѣщенія для 6 тыс. больныхъ въ городѣ, считающемъ не болѣе 15—18 тыс. жителей? Подобныя вещи гораздо легче приказываются, нежели приводятся въ исполненіе. Что касается доставки госпитальныхъ вещей въ Симферополь, то и это дѣло шло чрезвычайно вяло. Херсонская коммисаріатская коммисія состояла въ вѣдѣніи князя Горчакова, находившагося въ Молдавіи. Приходилось, слѣдовательно, ожидать разрѣшенія оттуда. Другимъ препятствіемъ къ немедленному исполненію этого приказанія служило плохое состояніе путей сообщенія. Такимъ образомъ вещи, потребность въ которыхъ возрастала съ каждымъ днемъ, прибыли только въ концѣ октября, т. е. въ такое время, когда ихъ понадобилось въ количествѣ, приблизительно, въ 5 разъ большемъ противъ прежняго.

Мы оставляемъ участь раненыхъ подъ Альмой, по недостатку точныхъ свѣдѣній и достовѣрныхъ источниковъ, и переходимъ къ дальнѣйшимъ судьбамъ Крымской кампаніи и съ тѣмъ вмѣстѣ къ тѣсно связанной съ ними судьбѣ больныхъ и раненыхъ.

Начало осады.

Въ то время, какъ въ беззащитномъ почти Севастополѣ, едва могшемъ противопоставить непріятелю какія-нибудь препятствія, ожидали со дня на день его вторженія съ сѣвера, послѣдній, сверхъ чаянія, перейдя Черную рѣчку, $\frac{13}{25}$ сентября, повелъ правильную осаду съ юга.

Число раненыхъ.

Съ $\frac{26 \text{ сентября}}{8 \text{ октября}}$ назначены были въ Севастополѣ особые перевязочные пункты. По спискамъ ихъ оказывается, что, начиная съ этого дня вплоть до $\frac{1}{13}$ декабря, на нихъ перебывало раненыхъ:

офицеровъ.		175
нижнихъ чиновъ	морскихъ. . .	2.451
	сухопутныхъ	1.837
	Итого	4.463 челов.

Эти числа показываютъ, что на первыхъ порахъ убыль въ морскихъ силахъ далеко превосходила потерю сухопутнаго войска, по той простой причинѣ, что бо̀льшую часть гарнизона составляли первыя и что почти всѣ моряки состояли на батареяхъ. Но эти цифры, извлеченныя изъ книгъ перевязочныхъ пунктовъ, гораздо ниже дѣйствительной потери гарнизона. Это произошло отъ того, что: 1) не всѣ раненые поступали на перевязочные пункты, устроенные на Южной сторонѣ, а многіе были прямо отвезены въ госпитали, находившіеся на Сѣверной сторонѣ; 2) при огромномъ скопленіи раненыхъ, легко-раненые не были отмѣчаемы; наконецъ 3) многіе легко-раненые вовсе не являлись на перевязочные пункты. По рапортамъ, доставлявшимся ежедневно въ гарнизонный штабъ, число убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ простиралось

съ $\frac{5}{17}$ октября	по $\frac{1}{13}$ ноября	до	7.695	челов.
» $\frac{1}{13}$ ноября	» $\frac{1}{13}$ декабря	»	791	»
		Итого . . .	8.486	челов.

Далѣе, изъ книгъ перевязочнаго пункта видно, что въ первый день бомбардированія едва сдѣлано до 30 большихъ операцій и что въ теченіе всего этого періода, вплоть до декабря, такихъ операцій произведено не болѣе 385.

Какъ донесенія очевидцевъ, такъ вообще всѣ имѣющіеся

объ этомъ періодѣ источники, единогласно свидѣтельствуютъ, что и средства и пособія были крайне недостаточны. Недоставало рукъ и въ особенности опытныхъ рукъ. Каждый врачъ поневолѣ долженъ былъ становиться операторомъ. Тѣ, которые никогда не дѣлали, и быть можетъ никогда и не пытались бы дѣлать разрѣзъ, принуждены были рѣшаться на производство самыхъ трудныхъ большихъ операцій.

Первое бомбардированіе. Безпомощное положеніе раненыхъ.

Уже въ первое бомбардированіе $\frac{5}{17}$ октября, непріятельскія бомбы посыпались вблизи и даже на самый перевязочный пунктъ. Морской госпиталь, расположенный на Корабельной, былъ поврежденъ бомбами и пожарами. Сухопутный госпиталь, между 5-мъ и 6-мъ бастіонами, брошенъ былъ еще въ самомъ началѣ. Больныхъ и раненыхъ нужно было транспортировать впопыхахъ и форсированными средствами. Морской госпиталь перенесли на Сѣверную сторону, въ провіантскіе магазины на Михайловскую батарею и въ бараки. Другая часть бараковъ была занята больными, перевезенными изъ Севастопольскаго сухопутнаго госпиталя. Медицинской администраціи не было никакой; въ особенности же недоставало единства въ администраціи. Генералъ-штабъ-доктора еще не было назначено. Одинъ только флотъ имѣлъ медицинскаго начальника въ лицѣ медицинскаго инспектора Севастопольскаго порта, управлявшаго медицинской частью флота.

Участіе всей Россіи.

Вскорѣ вся Россія сочувственно откликнулась на вопль своихъ раненыхъ воиновъ. На Крымскій полуостровъ посыпались пожертвованія со всѣхъ сторонъ; отовсюду стали присылать деньги, бѣлье, подкрѣпляющія и перевязочныя средства. Каждый спѣшилъ принести свою лепту на дѣло облегченія человѣческихъ страданій. Во всей Россіи, въ каждомъ кружкѣ общества, женскія руки приготовляли корпію, кроили бинты и холстъ для перевязокъ. Первый при-

мѣръ подала Императорская фамилія. Покойная Императрица пожертвовала изъ своихъ имѣній значительныя количества разнаго рода винъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ составилъ особый комитетъ, куда стекались пожертвованія, назначенныя преимущественно для морскаго вѣдомства. Онъ отправилъ въ Крымъ надежныхъ чиновниковъ, для облегченія участи близкихъ его сердцу раненыхъ морскихъ воиновъ. Они не только снабжали страдальцевъ деньгами, но доставляли имъ также хорошій присмотръ, пищу, питье, табакъ, и другіе тому подобные предметы. Неудивительно, что при такомъ высокомъ покровительствѣ и сравнительно меньшемъ числѣ, на долю морскаго вѣдомства, особенно въ началѣ войны, выпали гораздо лучшій жребій и бо̀льшія привилегіи, чѣмъ сухопутному войску. Для послѣдняго, особенно въ началѣ, было сдѣлано, сравнительно, гораздо меньше. Правда, и здѣсь флигель-адъютанты и другія нарочно-командированныя лица раздавали деньги, но помощь эта распредѣлялась неравномѣрно и безъ надлежащей системы. Особенно высокіе подвиги человѣколюбія въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ оказала Великая Княгиня Елена Павловна. Благодаря ея покровительству и энергіи, уходъ за больными получилъ надлежащую организацію и опредѣленный характеръ, выразившійся преимущественно въ образованіи женскаго общества для призрѣнія больныхъ, подъ названіемъ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. Впослѣдствіи, подъ покровительствомъ Государыни Цесаревны, нынѣ Государыни Императрицы Маріи Александровны, учреждена была другая община сестеръ милосердія, дѣйствовавшая внѣ Севастополя. Но еще до учрежденія этой общины, Государыня Цесаревна снарядила въ Крымъ особую коммисію, состоявшую изъ графовъ Віельгорскаго, Палена и Остенъ-Сакена, и снабженную значительными средствами. На нихъ

возложено было дать дѣлу призрѣнія больныхъ болѣе благотворное направленіе и сдѣлать для всей арміи то, что съ самаго начала еще съ такимъ успѣхомъ было достигнуто для морскаго вѣдомства. Только въ глубоко чувствующемъ и дышащемъ любовью сердцѣ могли зародиться такія гуманныя цѣли и такая возвышенная задача, какія начертаны были для руководства коммисіи. Назначеніе послѣдней состояло не только въ томъ, чтобы подавать страждущимъ матеріальную помощь, доставлять имъ все что̀ только возможно было при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и вообще удовлетворять всѣмъ требованіямъ медицины и гигіены, — нѣтъ, она имѣла гораздо высшее назначеніе. Коммисія, отъ имени Государыни, должна была, сообща съ сестрами милосердія, какъ бы замѣнять собою Провидѣніе для всего страждущаго воинства. Члены ея обязаны были доставлять нравственную поддержку и утѣшеніе изувѣченнымъ и умирающимъ, служить для нихъ какъ бы душеприкащиками, выслушивать ихъ послѣднія завѣщанія и желанія, съ участіемъ разспрашивать объ ихъ семейныхъ обстоятельствахъ и поселять въ умирающихъ увѣренность, что близкіе ихъ сердцу родные, — будь эта покинутая мать, осиротѣвшій братъ или сестра, или наконецъ дряхлые, безпомощные родители, потерявшіе послѣднюю опору, — ни въ чемъ не будутъ нуждаться послѣ ихъ смерти. Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, въ бытность свою въ Севастополѣ, ободряли и утѣшали раненыхъ, раздавали имъ значительныя денежныя пособія.

Одновременно съ проявленіемъ этого всеобщаго, неподдѣльнаго участія къ судьбѣ раненыхъ, два профессора изъ различныхъ университетовъ,—а именно: профессоръ Пироговъ, изъ С.-Петербургской Медико-Хирургической академіи, и я, изъ Кіевскаго университета св. Владиміра,—изъ-

явили готовность ѣхать въ Крымъ, чтобы принести раненымъ посильную помощь. Пироговъ отправился на театръ войны въ сопровожденіи нѣсколькихъ врачей, большей частью его учениковъ, покровительствуемый Великою Княгиней Еленой Павловной, снабдившей его денежными средствами и отдавшей въ его распоряженіе сестеръ милосердія. Я же отправился въ Крымъ въ сопровожденіи четырехъ самыхъ надежныхъ изъ своихъ слушателей (*).

Это краткое изложеніе достаточно показываетъ, какое участіе, какую готовность къ пожертвованіямъ обнаружили и народъ и высоко-поставленныя лица въ дѣлѣ облегченія страданій, причиненныхъ войною. Какіе же результаты, какіе плоды принесло это участіе? Откуда эти повсемѣстныя жалобы, эти вопли, нахлынувшіе подобно лавинѣ на всю Россію?

Вначалѣ, когда событія въ Крыму слѣдовали одно за другимъ съ изумительной быстротою, высшая мѣстная военная власть не имѣла ни досуга, ни средствъ устроить дѣло призрѣнія раненыхъ на болѣе широкихъ основаніяхъ. Къ тому же, тотчасъ послѣ высадки непріятеля на крымскій берегъ, какъ-то еще надѣялись на скорое окончаніе войны и всѣ помыслы устремились только къ тому, чтобы собраться съ силами и перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Но громадный уронъ, понесенный арміею въ Инкерманскомъ сраженіи, поставилъ нашу медицинскую часть въ самое затруднительное положеніе. Нѣсколько дней послѣ этого сраженія Севастополь былъ буквально наводненъ ранеными, которые долго оставались не только безъ перевязки, но даже безъ крова и пищи, несмотря на всѣ усилія начальства, на самую неутомимую дѣятельность врачей.

(*) Гарнье, Маровскій, Вишневскій и Выводцовъ.

Необходимо было удалить эту массу раненыхъ и больныхъ отъ осажденнаго города. Главнымъ сборнымъ пунктомъ для помѣщенія ихъ избранъ былъ Симферополь. Городъ этотъ болѣе другихъ мѣстъ соотвѣтствовалъ этому назначенію, какъ по своему географическому положенію въ центрѣ Крымскаго полуострова, такъ и по тому обстоятельству, что на всей линіи сообщенія съ остальною Россіей это былъ единственный городъ съ сколько-нибудь значительнымъ населеніемъ. Первый страхъ, обуявшій всѣхъ и каждаго послѣ высадки непріятеля, вызвалъ со стороны жителей немедленныя приготовленія къ оставленію этого города. Прежде всего стали перевозить изъ города присутственныя мѣста, съ ихъ архивами, и публичныя заведенія, со всѣми ихъ принадлежностями. Впрочемъ, мѣра эта была потомъ пріостановлена. Что касается жителей, то каждый, хотя сколько-нибудь достаточный человѣкъ бѣжалъ изъ Симферополя. Такимъ образомъ, чрезъ бѣгство части жителей и перенесеніе публичныхъ заведеній очистились помѣщенія для раненыхъ. Всѣ публичныя зданія, присутственныя мѣста, школы, благотворительныя заведенія, а также болѣе удобные частные дома, сараи, и нарочно для этой цѣли выстроенные бараки и палатки, — все это вскорѣ переполнилось больными, такъ что цѣлая половина города обратилась въ громаднѣйшій госпиталь. Число раненыхъ въ этомъ городѣ доходило до 18.000; больныхъ же, въ мартѣ 1855 г., набралось въ немъ до 9.000, а въ сентябрѣ — до 13.000. Всѣ они были размѣщены на 64 различныхъ пунктахъ. Но и здѣсь, по недостатку госпитальныхъ и врачебныхъ средствъ, больные находились въ самомъ печальномъ положеніи. Часто приходилось имъ, по прибытіи въ Симферополь, проводить на повозкѣ полдня и болѣе. Не снимая съ нихъ окровавленнаго платья, ихъ укладывали на полу, на рогожи

Симферополь.

или на солому, за неимѣніемъ постелей. Госпитальная прислуга была въ высшей степени неудовлетворительна. Хотя служителей считалось болѣе 1.000, но постоянныхъ было не болѣе 100, остальные же назначались только временно, изъ выздоровѣвшихъ отъ болѣзни или изъ музыкантовъ. Но едва послѣдніе успѣвали привыкнуть къ госпитальной службѣ, ихъ тотчасъ же удаляли и замѣщали другими личностями, опять-таки ничего несмыслившими въ уходѣ за больными, такъ какъ выздоровѣвшіе поступали опять во фронтъ, а музыканты, съ перемѣщеніемъ войскъ, тоже перемѣщались. Для стирки госпитальнаго бѣлья требовалось до 300 прачекъ, но всѣ усилія добыть ихъ и удержать на мѣстѣ остались безуспѣшными. Оставался одинъ исходъ—предоставить стирку бѣлья, въ безводной подъ часъ рѣчкѣ Салгирѣ, той же незнакомой съ дѣломъ госпитальной прислугѣ.

Князь Меншиковъ потребовалъ отъ Херсонской и Кременчугской коммисаріатскихъ коммисій немедленнаго усиленія старыхъ и открытія новыхъ госпиталей. Но въ обоихъ этихъ коммисаріатскихъ депо всѣ запасы были уже истощены. Еще въ сентябрѣ 1854 г. Херсонская коммисія, по приказанію военнаго министерства, отправила госпитальныхъ вещей на 5.000 челов. въ Брестъ-Литовскъ, и на такое же количество—въ новороссійскія, кіевскія и подольскія военныя поселенія. Затѣмъ въ ней не осталось въ запасѣ никакихъ госпитальныхъ вещей. Очевидно, требованія вещей въ Крымъ могли быть удовлетворены только отчасти, исподоволь и крайне скудно, а между тѣмъ, силою быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ событій на театрѣ войны, запросъ увеличился вдвое, втрое больше противъ прежняго.

Обзоръ госпиталей.

Въ продолженіе всей войны, Херсонскій и Кременчугскій коммисаріаты должны были продовольствовать 74 госпи-

таля (*). Но въ распоряженіе Крымской арміи отдано было только 34 госпиталя, изъ которыхъ многіе, напр. Харьковскій, Переяславскій, Золотоношскій, Прилукскій, Роменскій и др., находились въ значительномъ отдаленіи отъ театра военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, крымскимъ больнымъ и раненымъ въ сущности предоставлены были только слѣдующіе госпитали (**):

1) Севастопольскій военно-сухопутный госпиталь.
2) » временный госпиталь.
3) Бахчисарайскій госпиталь.
4) Симферопольскій военный госпиталь.
5) » временный госпиталь № 14.
6) » » » № 21.
7) Баяучскій временный госпиталь.
8) Карасубазарскій госпиталь.
9) Временный госпиталь въ Ѳеодосіи.
10) Перекопскій госпиталь.
11) Временный госпиталь въ Алешкахъ.
12) Николаевскій временный госпиталь № 3.
13) » » » № 11.
14) Херсонскій госпиталь.
15) Бериславскій госпиталь.

Не нужно забывать, что всѣ эти госпитали были открыты не разомъ, а исподоволь, по мѣрѣ возраставшей потребности и перемѣщенія больныхъ и раненыхъ; вообще же они открыты были слишкомъ поздно. Притомъ, равномѣрнаго распредѣленія больныхъ между госпиталями тутъ не могло и быть, и больными переполнялись всегда лишь

(*) См. отчетъ Кременчугской коммисаріатской коммисіи 1859 г.

(**) См. отчетъ генералъ-штабъ-доктора Крымской арміи.

тѣ госпитали, которые расположены были вдоль большихъ дорогъ и по направленію главныхъ путей сообщенія.

Такъ какъ военныя дѣйствія совершались только на южномъ концѣ Россіи, на Крымскомъ полуостровѣ, то очевидно, что одинъ этотъ полуостровъ не въ состояніи былъ надолго удовлетворять нуждамъ арміи. Потому необходимо было озаботиться о перевозочныхъ средствахъ, для поддержанія постояннаго передвиженія больныхъ. Но такое отдаленное транспортированіе оказывало весьма вредное вліяніе на здоровье больныхъ. Не говоря уже о томъ, что путь для перевозки лежалъ черезъ опустошенный, до-тла разоренный край, черезъ пустынныя, безводныя степи,—тутъ еще чувствовался сильный недостатокъ рабочаго скота и даже удобопроходимыхъ дорогъ. Въ дождливую, ненастную погоду, т. е. поздней осенью, зимою и въ мартѣ 1855 г., сообщеніе съ Россіею, можно сказать, было совершенно прервано (*). Въ этомъ отношеніи русская армія, на своей родной почвѣ, была поставлена въ гораздо худшее положеніе, нежели непріятельскія войска. За союзниками находилось привольное море, по которому они безпрепятственно могли поддерживать непрерывное сообщеніе съ своими портами. Этою-то легкостью сообщенія они съумѣли воспользоваться какъ нельзя лучше и съ наибольшею выгодой для своихъ больныхъ. Ближайшимъ лазаретомъ для ихъ армій былъ назначенъ Константинополь.

(*) Въ какомъ состояніи находились тогда дороги, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра: въ началѣ декабря профессоръ Гюббенетъ, ѣхавшій изъ Симферополя въ Севастополь съ фельдъегеремъ, везшимъ Высочайшій приказъ, долженъ былъ употребить на эту дорогу полтора сутокъ, и на этомъ пространствѣ, на 60 верстахъ, онъ насчиталъ до 500 околѣвшихъ и лежавшихъ на дорогѣ лошадей и воловъ.

Но возвратимся къ Севастополю. Едва успѣли кое-какъ пристроить раненыхъ подъ Альмой и оправиться отъ перваго испуга, какъ вдругъ первое бомбардированіе, $\frac{5}{17}$ октября, опять повергло наши войска въ прежнее и даже еще большее безпомощное положеніе. Въ октябрѣ мѣсяцѣ число раненыхъ увеличилось: въ сухопутномъ войскѣ—на 5.683, а въ морскомъ вѣдомствѣ—на 2.451 челов., (*) не считая уже страдавшихъ внутренними болѣзнями, о числѣ которыхъ за этотъ періодъ времени неизвѣстно ничего положительнаго. Къ этому присоединилось еще дѣло при Балаклавѣ, $\frac{9}{21}$, октября, и сраженіе при Инкерманѣ, $\frac{\text{24 октября}}{\text{5 ноября}}$. Въ оба эти сраженія, судя по спискамъ, армія наша въ общемъ итогѣ понесла уронъ въ 11.341 челов., въ томъ числѣ 7.500 раненыхъ, такъ что въ октябрѣ мѣсяцѣ всего прибыло однихъ раненыхъ до 15.000 челов. Балаклава и Инкерманъ.

Какія же средства имѣлись въ это время для ухода за больными? Въ началѣ ноября, исключая морской госпиталь, въ Крыму были слѣдующіе госпитали:

Севастопольскій	на	2.000	больныхъ
Бахчисарайскій	»	300	»
Симферопольскій	»	2.300	»
Карасубазарскій	»	300	»
Перекопскій	»	60	» расшир. вскорѣ на 500 больн.
Керченскій	»	150	» » » » 400 »

Итого въ госпиталяхъ имѣлось мѣста: сперва — на 5.110, а потомъ — на 6.000 больныхъ.

Изъ вышеприведенныхъ чиселъ достаточно явствуетъ,

(*) Цифры эти заимствованы изъ списковъ, веденныхъ при полкахъ и въ морскомъ вѣдомствѣ, причемъ мы пользовались также книгами перевязочныхъ пунктовъ. Что касается ежедневныхъ рапортовъ въ гарнизонный штабъ, то они показываютъ только 5.658 раненыхъ и контуженныхъ.

какъ мало все это соотвѣтствовало настоящей цифрѣ больныхъ. Потому понятно, что симферопольскій госпиталь, устроенный всего на 2.300 кроватей, вмѣщалъ въ себѣ $\frac{15}{27}$ ноября 1854 г. 6.269 больныхъ.

Существеннымъ препятствіемъ для развитія и устройства госпиталей была слишкомъ большая, хотя и неизбѣжная поспѣшность ихъ открытія, а также бездѣйствіе и безпечность со стороны коммисаріата, какъ это дознано Высочайше утвержденною слѣдственною коммисіей. Херсонскій коммисаріатъ, вмѣсто того чтобъ озаботиться объ исправной доставкѣ госпитальныхъ вещей на мѣсто ихъ назначенія, довольствовался ихъ пересылкой въ Симферополь, и едва-ли кто повѣритъ, что въ то время, какъ въ госпиталяхъ чувствовался величайшій недостатокъ во всемъ, запакованныя вещи лежали въ Симферополѣ, разбросанныя тамъ и сямъ, подъ открытымъ небомъ, и такъ и погибли безъ всякаго употребленія. При этомъ оказалось, что ни коммисаріатъ, ни военныя власти не имѣли свѣдѣній не только о количествѣ вещей, но и о числѣ крымскихъ госпиталей. Коммисаріатскому департаменту можно вмѣнить въ вину его невѣроятную медлительность, простиравшуюся до того, что только $\frac{10}{22}$ декабря 1854 г. изданъ имъ приказъ о переименованіи симферопольскаго госпиталя въ высшій классъ (на 2.000 больныхъ), тогда какъ еще въ сентябрѣ тамъ лежало уже болѣе 2.000 больныхъ. Между тѣмъ, еще $\frac{28 \text{ ноября}}{10 \text{ декабря}}$ 1854 г. онъ донесъ военному министру, будто въ Симферопольскомъ госпиталѣ находилось вещей на 5.000 больныхъ и притомъ въ тройномъ комплектѣ, тогда какъ положительно извѣстно, что этихъ вещей прислано только на 3.000 больныхъ и, по собственному сознанію Херсонскаго коммисаріата, въ двойномъ только количествѣ.

Едва-ли еще нужно упоминать, что въ лекарствахъ, перевязочныхъ средствахъ и врачахъ ощущался такой же не-

БИБЛИОТЕКА

достатокъ, какъ въ помѣщеніяхъ и вообще въ хорошемъ устройствѣ госпиталей.

Къ этому-то времени, въ первой половинѣ ноября, прибылъ въ Крымъ профессоръ Пироговъ, съ сопровождавшими его врачами, а вслѣдъ затѣмъ прибыли туда и сестры Крестовоздвиженской общины, находившіяся въ его распоряженіи и снабженныя всѣмъ нужнымъ Великою Княгиней Еленой Павловной. Въ началѣ ноября, послѣ сраженія при Инкерманѣ, человѣческая кровь перестала на время литься въ такомъ большомъ количествѣ, какъ лилась до сихъ поръ. Наступило нѣкоторое затишье, и событія войны приняли болѣе медленное теченіе, уступая мѣсто продолжительной правильной осадѣ. Приращеніе больныхъ уменьшилось, такъ что при постоянномъ приливѣ новыхъ средствъ можно было надѣяться привести госпитальную часть въ порядокъ.

Пироговъ.

Назначеніе Пирогова состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобъ устроить надлежащимъ образомъ хирургическую часть, чтобы сортировать и отдѣлять разнородные случаи ранъ, чтобы высказать свое мнѣніе насчетъ важнѣйшихъ недостатковъ и несообразностей въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ, и своимъ авторитетомъ и неутомимой дѣятельностью поднять это послѣднее и довести до возможной степени совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кругъ его обязанностей входила научная и наставническая дѣятельность. Тутъ представилось его дарованіямъ и опытности широкое поле для введенія новыхъ, цѣлесообразныхъ способовъ операцій, тутъ открылась для него возможность уяснить значеніе многихъ явленій при леченіи ранъ, распространить и провести въ жизнь свои воззрѣнія насчетъ показаній къ операціямъ, насчетъ хирургической терапіи и послѣдовательнаго леченія. При немъ находилось нѣсколько уже опытныхъ хирурговъ, каковы: Обермюллеръ, Каде, Беккерсъ и др.,

БИБЛИОТЕКА

и въ распоряженіи его имѣлись довольно значительная сумма и запасъ употребительнѣйшихъ лекарственныхъ веществъ.

Сестры милосердія.

Необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ о сестрахъ милосердія. Первые слѣды женскаго присмотра за ранеными уже обнаружились въ самомъ Севастополѣ, гдѣ, еще въ самомъ началѣ войны, женщины всѣхъ слоевъ общества изъявили готовность подать руку помощи раненымъ, и съ безпримѣрной любовью отдались служенію несчастнымъ и страждущимъ. Съ образованіемъ Крестовоздвиженской общины сестеръ, организовавшейся въ Петербургѣ подъ покровительствомъ Великой Княгини Елены Павловны, уходъ за больными получилъ болѣе опредѣленный и постоянный характеръ, и принесъ самые благотворные плоды. Правда, община эта значительно отодвинула на задній планъ доброхотныхъ туземныхъ сидѣлокъ, но это учрежденіе само по себѣ принесло столько добра, что нельзя не простить ему нѣкоторыхъ недостатковъ. Вообще говоря, сестры своей дѣятельностью заслуживаютъ всякой похвалы, а нѣкоторыя изъ нихъ своей смѣлостью и самоотверженіемъ достойны даже удивленія. Сестры имѣли весьма важное значеніе не только по отношенію къ матеріальному уходу за больными, но также и въ нравственномъ отношеніи, вслѣдствіе теплаго участія и умѣнья утѣшать и ободрять больныхъ къ перенесенію страданій.

Только очевидецъ могъ составить себѣ вѣрное понятіе о самоотверженіи и героизмѣ этихъ женщинъ. Съ рѣдкимъ мужествомъ переносили онѣ не только тяжкіе труды и лишенія, но и явныя опасности. Онѣ выдержали бомбардированіе съ геройствомъ, которое сдѣлало бы честь любому солдату. На перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталѣ онѣ продолжали дѣлать перевязки раненымъ, не трогаясь съ мѣста, несмотря на то, что бомбы то и дѣло летали кру-

гомъ нихъ и наносили присутствующимъ тяжелыя раны. Еще болѣе удивленія достойны многія изъ нихъ (Барщевская, Мещерская и др.), съ истинно христіанской любовью ассистировавшія при самыхъ трудныхъ операціяхъ, перевязывавшія кровоточащіе сосуды съ величайшимъ хладнокровіемъ и вообще подававшія больнымъ всякаго рода помощь (*).

Присутствіе Пирогова и усовершенствованный уходъ за больными при содѣйствіи сестеръ безспорно составляли важный шагъ впередъ.

Врачи и фельдшера.

Такъ какъ число врачей было крайне недостаточно, то прежде всего предстояло озаботиться о надлежащемъ увеличеніи его, что̀ однакоже нелегко было привести въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что потребность эта явилась неожиданно и возрастала съ каждымъ днемъ. Этотъ недостатокъ сильно далъ себя почувствовать еще на Дунаѣ, вслѣдствіе чего правительство прибѣгло къ различнымъ мѣрамъ, оказавшимся, къ сожалѣнію, лишь пальятивными и давшимъ весьма скудные результаты. Со стороны правительства сдѣланъ былъ вызовъ туземнымъ, а посредствомъ посольствъ— и иностраннымъ врачамъ. Въ 1854 и 1855 г. г. изъ вольнопрактикующихъ и изъ другихъ вѣдомствъ поступило въ Крымскую армію 188 челов. Иностранныхъ врачей, откликнувшихся на этотъ призывъ, было также немного, потому что въ 1854 и преимущественно въ 1855 г. въ русскую службу поступило всего 114 челов., одни только нѣмцы и американцы. Часть изъ нихъ поступила на дѣйствительную службу, на одинаковыхъ правахъ съ рус-

(*) См. «Подробный отчетъ о дѣятельности сестеръ», Пирогова, въ «Морскомъ Сборникѣ».

скими врачами, другая же и притомъ гораздо бо̀льшая часть—по контракту. При этомъ правительство установило двѣ категоріи: къ первой принадлежали тѣ, которые выдержали въ Германіи такъ называемый *Staatsexamen,* ко второй—защищавшіе только диссертацію или имѣвшіе вообще какіе бы то ни было аттестаты. Первые получали содержанія вдвое больше нежели послѣдніе, т. е. одни получали 1.200 рубл. въ годъ, другіе—600 рубл. Не говоря уже о томъ, что и это жалованье было весьма ограниченно, особенно въ военное время, не слѣдуетъ опускать изъ вида еще и того, что даже жалованье второй категоріи было гораздо выше того, какое получали младшіе лекаря изъ русскихъ. Но эта мѣра, очевидно оскорбительная для нашихъ врачей, оказалась притомъ несостоятельною и въ другихъ отношеніяхъ. Германскіе врачи, между которыми хотя и было нѣсколько дѣльныхъ людей, уже по одному незнанію русскаго языка, не могли принести нашимъ больнымъ той пользы, какую приносили имъ наши врачи. Это были по большей части молодые, неопытные люди, часто даже необладавшіе необходимыми познаніями. Только весьма незначительная часть ихъ имѣла нѣкоторый навыкъ въ операціяхъ; опытныхъ же хирурговъ между ними не было ни одного. Американскіе врачи, хотя мало знакомые съ нашимъ госпитальнымъ устройствомъ и съ нашею рецептурой и фармакопеей, болѣе или менѣе всѣ пригодились для производства операцій. Впрочемъ, ихъ было мало, но всѣ почти они были джентльмены, каковы: *Turnepsed*, *Draper*, *Morton* и др. Вообще говоря, если бы наши врачи съ самаго начала были поставлены въ такія же условія какъ и иностранные, то вакансіи пополнились бы гораздо скорѣе и не было бы надобности прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. Такъ, рѣшено было приступить къ ускоренному выпуску врачей изъ Ме-

дико-Хирургической академіи и университетовъ, еще до окончанія ими курса наукъ. Это первое отступленіе отъ установленнаго порядка повлекло за собою впослѣдствіи другія, еще болѣе значительныя отступленія. Судя по отчету военно-медицинскаго департамента, такимъ образомъ было выпущено и отправлено на службу до 700 врачей (*). Нетрудно усмотрѣть, что русская армія мало выиграла отъ этой мѣры. Молодые люди, едва приступившіе къ изученію клинической науки, должны были оторваться отъ занятій и ринуться въ омутъ непривычной и трудной практической жизни. Почти всѣ они переболѣли тифомъ. Статистика показываетъ, что смертность между врачами была значительная. Изъ 1.231 вновь назначенныхъ врачей и 1.608 находившихся уже на службѣ умерло за все время войны 354 челов., т. е. $\frac{1}{8}$ или 12,5% изъ всего наличнаго числа врачей. Изъ этихъ 354 только пятеро погибло отъ оружія.

Другая мѣра, къ которой прибѣгнуло правительство, состояла въ прикомандированіи врачей изъ другихъ вѣдомствъ и изъ вольно-практикующихъ. Такимъ образомъ, въ армію перешло: изъ гражданскаго вѣдомства—139, изъ морскаго—18, а изъ вольно-практикующихъ—146 челов., всего — 303 челов.

Судя по приведеннымъ цифрамъ, казалось бы, во врачахъ не долженъ былъ бы ощущаться такой сильный недостатокъ, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ то и дѣло раздавались жалобы на недостаточную медицинскую помощь. Это отчасти объясняется упомянутымъ способомъ вербовки врачей изъ студентовъ, неэкзаменованныхъ иностран-

---

(*) Донесеніе медицинскаго департамента военнаго министерства отъ $\frac{11}{23}$ октября 1862 г.

ныхъ медиковъ и изъ врачей, безъ разбора прикомандированныхъ изъ другихъ вѣдомствъ. Притомъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ и подчасъ весьма форсированныхъ транспортовъ, случалось, что число врачей, достаточное для извѣстнаго пункта сегодня, оказывалось совершенно недостаточнымъ завтра и въ слѣдующіе дни. Другая болѣе важная причина заключалась въ дурной организаціи, преимущественно же въ отсутствіи всякаго единства въ медицинской администраціи.

Что касается лекарскихъ помощниковъ или фельдшеровъ, то въ нихъ чувствовался не меньшій недостатокъ.

Въ теченіе 4 лѣтъ, съ 1853 по 1856 г., на службу поступило 2.270 фельдшеровъ и 1.489 фельдшерскихъ учениковъ, всего 3.759 челов., изъ которыхъ 2.684 поступило въ трудное время 1854 и 1855 г. г.; но въ это же самое время выбыло ихъ 1.664 челов., какъ больными, такъ и умершими, т. е. до 50%. Этотъ недостатокъ въ лекарскихъ помощникахъ чувствовался постоянно, въ особенности же на первыхъ порахъ, такъ что Крымское медицинское управленіе вынуждено было набрать фельдшеровъ большей частью изъ войскъ, гдѣ ихъ и безъ того было не очень-то много, а подъ конецъ приходилось довольствоваться и цирюльниками 11-й, 12-й, 16-й, 17-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій.

Администрація

Въ первое время послѣ открытія непріятельскихъ дѣйствій въ Крыму, военно-медицинское управленіе было поручено дивизіонному врачу Ракуйтѣ. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ Пироговъ, передъ авторитетомъ котораго стушевывались всѣ тогдашніе медицинскіе чины, а генералъ-штабъ-докторомъ арміи былъ назначенъ докторъ Шрейберъ.

Медицинская часть морскаго вѣдомства стояла совершенно особнякомъ. Вѣдомство это имѣло въ своемъ распоряженіи не малое количество врачей. Всѣ флотскіе экипажи

имѣли своихъ врачей, которыми можно было вполнѣ располагать. Эти-то врачи употреблялись въ дѣло на перевязочныхъ пунктахъ Южной и Корабельной сторонъ въ Севастополѣ. Но послѣ того какъ перевязочные пункты стали мало по малу переходить въ руки другихъ врачей и особенно Пирогова, а морскіе врачи не получали другаго назначенія, послѣ того какъ послѣдніе буквально были вытѣснены съ своихъ мѣстъ,—они, какъ легко понять, частью сами отстали отъ своихъ занятій, чувствуя себя обиженными, частью же остались безъ назначенія, такъ какъ военно-сухопутное начальство хотя и знало объ ихъ существованіи, но не знало зато ничего ни объ ихъ числѣ, ни объ ихъ мѣстѣ нахожденія. Морскіе врачи имѣли особаго начальника въ лицѣ медицинскаго инспектора Севастопольскаго порта. Этотъ, въ свою очередь, былъ подчиненъ, съ одной стороны, Севастопольскому военному губернатору, съ другой—генералъ-штабъ-доктору флота, въ Николаевѣ, и медицинскому департаменту морскаго министерства, въ С.-Петербургѣ. Весь этотъ рядъ властей во время войны оставался безъ всякаго дѣйствія. Такимъ образомъ, часть морскихъ врачей оставалась безъ мѣстъ, не зная что̀ дѣлать, пока, наконецъ, они почти всѣ не переселились изъ Севастополя въ Николаевъ, гдѣ они и вступили въ регулярныя служебныя отношенія, вдали отъ дѣйствующей арміи.

Но обратимся опять къ Севастополю. Послѣ Инкерманскаго сраженія всѣ врачи были сосредоточены въ Севастополѣ и вокругъ него. Больные же и раненые были отправлены далѣе, такъ что число раненыхъ въ Севастополѣ, въ бѣдные событіями дни послѣ Инкерманскаго сраженія, сдѣлалось недостаточно для вновь прибывшихъ, способныхъ дѣлать операціи, рукъ, между тѣмъ какъ раненые внѣ Севастополя оставались безъ должнаго ухода. При этомъ ока-

залась значительная разница въ пользованіи раненыхъ и страдавшихъ внутренними болѣзнями. Все сгруппировалось около раненыхъ. Большинство врачей стремилось во что бы ни стало оказывать отечеству именно хирургическія услуги, и медицинское управленіе съ величайшимъ трудомъ вербовало и находило врачей для внутреннихъ болѣзней. Что подобный наплывъ врачебнаго пособія былъ очень мало полезенъ даже для раненыхъ, это видно изъ слѣдующихъ фактовъ.

По представленію генералъ-штабъ-доктора арміи, былъ назначенъ главнымъ хирургомъ арміи докторъ Райскій. Кромѣ того, въ Крымъ былъ посланъ главный хирургъ Южной арміи, докторъ Рудинскій. Къ довершенію излишества, въ Севастопольскомъ сухопутномъ госпиталѣ, какъ и во всякомъ другомъ, имѣлся еще главный докторъ, съ помощниками. Всѣ эти лица, согласно своему назначенію, желали принимать прямое участіе въ пользованіи раненыхъ, что̀, въ свою очередь, не могло не оказать вреднаго вліянія на леченіе ранъ.

Почти всякій врачъ желалъ по крайней мѣрѣ воткнуть свои пальцы въ огнестрѣльную рану. Такимъ образомъ выходило такъ, что врачъ-ординаторъ поутру осматривалъ и перевязывалъ своихъ больныхъ, но потомъ врачи-администраторы, по порядку, или какъ пришлось, вскрывали перевязки, не возобновляя ихъ какъ слѣдуетъ и безъ пользы мучили больныхъ. Къ этому присоединялось еще то, что для выигрыша времени главные хирурги назначали ординаторамъ часъ, въ который они посѣтятъ ихъ, и требовали, чтобы до ихъ прихода раны не были перевязываемы. Разумѣется, не обходилось безъ того, чтобъ они, по независящимъ обстоятельствамъ, не опаздывали нѣсколькими часами, что̀ опять-таки не мало вредило больнымъ. Конечно, извѣстный контроль и надзоръ со стороны болѣе опытныхъ хирурговъ были вообще полезны для раненыхъ

и рвеніе всѣхъ этихъ лицъ во всякомъ случаѣ дѣлаетъ имъ честь. Но нельзя не сознаться, что польза, которую могъ бы приносить больнымъ личный осмотръ опытныхъ хирурговъ, далеко не искупала проистекавшаго отъ того положительнаго зла. Я потому именно такъ сильно напираю на эти несообразности, что все это было настоящее варварство въ отношеніи къ больнымъ и что желательно въ будущемъ избѣжать подобныхъ ошибокъ.

Перевозочныя средства.

Въ это время необходимо было обратить вниманіе на изысканіе средствъ для удаленія больныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій. Въ повозкахъ вообще чувствовался сильный недостатокъ, а потому тутъ нельзя было разбирать, а оставалось прибѣгать ко всему, что только попадалось подъ руку. Такимъ образомъ, въ дѣло употреблены были обыкновенныя крестьянскія телѣги, полковые фургоны, и возвращавшіяся во внутреннія губерніи одноконныя и парныя подводы. Всѣ эти повозки состоятъ изъ простаго досчатаго ящика, сидящаго непосредственно на оси. Правда, для здороваго русскаго человѣка подобная ѣзда нипочемъ; въ патологическомъ же состояніи причиняемая ею тряска дѣйствуетъ на организмъ весьма разрушительно и вызываетъ воспаленіе, нервные припадки и кровотеченіе. Къ тому же, большая часть повозокъ была некрытая, а на такъ называемыхъ крытыхъ весь верхъ состоялъ изъ одной только дырявой, изодранной рогожи. Эти жалкіе, незавидные транспорты, съ которыми поневолѣ приходилось мириться за неимѣніемъ лучшихъ, представляли собою немаловажный источникъ смертности между ранеными и, причиняя имъ жестокую, нестерпимую боль, исторгали изъ ихъ груди вопли и стоны, оглашавшіе дороги и такъ и замершіе безслѣдно въ широкихъ крымскихъ степяхъ.

Чтобы вполнѣ обрисовать состояніе транспортированія въ это время, лучше всего привести здѣсь слово въ слово

донесеніе Высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи по госпитальному дѣлу: «*Больные вывозились изъ госпиталей Крымскаго полуострова съ большими усиліями, безъ всякой системы и только въ минуты крайней необходимости. Этаповъ не было вначалѣ устроено, а дурныя дороги и неудобныя подводы, недостатокъ медиковъ и фельдшеровъ, перевязочныхъ матеріаловъ, медикаментовъ и хирургическихъ инструментовъ, наконецъ теплой одежды и пищеварительныхъ котловъ, производили разрушительное вліяніе на здоровье страждущихъ, въ особенности при перевозкѣ ихъ въ глубокую осень и зиму. Бывали даже случаи, что десятая часть перевозимыхъ умирала въ пути, дѣлаясь жертвою страшныхъ лишеній и безпорядковъ, что слѣдуетъ отнести отчасти и къ небреженію военнаго начальства о сбереженіи здоровья нижнихъ чиновъ. Съ ноября 1854 г. по мартъ 1855 многіе транспорты прибыли изъ Севастополя и Симферополя въ Перекопъ и Ѳеодосію въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, безъ медиковъ, фельдшеровъ и необходимыхъ медицинскихъ средствъ; въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи транспортъ, отправленный 29 октября изъ Симферопольскаго госпиталя въ нѣмецкія колоніи Мелитопольскаго уѣзда, въ числѣ болѣе 1.500 раненыхъ. Въ транспортѣ этомъ, отправленномъ безъ осмотра врачей, по назначенію однихъ фельдшеровъ, оказались весьма тяжело-раненые, безъ зимней одежды и обуви, въ окровавленныхъ шинеляхъ и рубашкахъ, и даже съ пулями въ членахъ, которыхъ нѣчѣмъ было вынуть, по неимѣнію хирургическихъ инструментовъ. Этотъ транспортъ, испытавъ всевозможныя бѣдствія, прибылъ по назначенію 7 ноября; однако, необходимыя операціи произведены раненымъ уже въ концѣ декабря; лекарства же и перевязочные припасы пріобрѣтались для нихъ покупкою изъ вольной аптеки*».

Итакъ, транспортированіе больныхъ совершалось по всѣмъ возможнымъ способамъ, но, какъ уже замѣчено, безъ всякой системы и ни мало не достигая своей цѣли. Коми-

тетъ, специально назначенный въ 1855 г. для обсужденія этого вопроса, не пришелъ ни къ какимъ результатамъ и транспорты продолжались попрежнему безъ всякаго порядка и удобства для больныхъ.

Если вспомнимъ, что въ послѣднія европейскія войны опорожненію госпиталей много способствовали желѣзныя дороги, въ вагонахъ которыхъ для поврежденныхъ конечностей легко устраивать подвѣшивающіе аппараты, если вспомнимъ, что союзникамъ былъ открытъ другой удобный путь для перевозки своихъ больныхъ, а именно—море, то легко будетъ понять, почему, при стеченіи столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, смертность въ нашихъ рядахъ была гораздо значительнѣе, нежели у непріятеля. Изъ всего этого можно только вывести одно заключеніе, что для перевозки больныхъ и раненыхъ нужны иного устройства подводы, и что при войскахъ должны имѣться для больныхъ особаго рода повозки на рессорахъ и съ тюфяками, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ количествѣ.

Послѣ предписанія объ изготовленіи въ Херсонѣ и Николаевѣ 2.000 кроватей для больныхъ и раненыхъ Крымской арміи, установился довольно регулярный транспортъ раненыхъ изъ Севастополя и отчасти изъ Симферополя, продолжавшійся въ теченіе всего октября, несмотря на неимовѣрно дурное состояніе дорогъ. Полуостровъ вздохнулъ было свободнѣе, избавившись отъ такого тяжелаго бремени, какъ вдругъ роковое $\frac{\text{24 октября}}{\text{5 ноября}}$ опять обрекло его на прежнія бѣдствія. Погода стала прескверная, вездѣ господствовали сырость и холодъ, а внезапный наплывъ раненыхъ былъ такъ великъ, что нельзя было найти даже пріюта для всѣхъ, и часть осталась на время подъ открытымъ небомъ. Полки 4-го пѣхотнаго корпуса расположили свои лазареты въ татарскихъ селахъ вокругъ Бахчисарая и пристроили здѣсь

раненыхъ, какъ могли. Такъ оно продолжалось до $\frac{27 \text{ октября}}{8 \text{ ноября}}$, когда, наконецъ, получилась возможность отправить раненыхъ посредствомъ подвижныхъ парковъ, составлявшихъ собственность Южной арміи и привезшихъ изъ Херсона въ Севастополь 15.000 пуд. сухарей. Эти транспорты, къ которымъ только крайность могла заставить прибѣгать, медленно плелись по грязнымъ, испорченнымъ отъ дождя дорогамъ, въ сырую, холодную погоду, и естественно должны были имѣть весьма пагубное вліяніе какъ на леченіе ранъ, такъ и на леченіе болѣзней вообще.

Перевязочныя средства, лекарства, хирургическіе инструменты.

Для полноты представленной здѣсь картины слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о перевязочныхъ средствахъ, лекарствахъ и хирургическихъ инструментахъ, которыми располагала въ то время Крымская армія, а также и о мѣрахъ, принятыхъ главнымъ военнымъ управленіемъ для пополненія недостающаго.

Въ началѣ непріязненныхъ дѣйствій, какъ уже замѣчено, въ Крыму не было почти никакихъ запасовъ, или—что̀ тоже—ихъ едва хватало на 3.000 челов. Этотъ ничтожный запасъ давно уже былъ потребленъ ранеными подъ Альмой. Требованія князя Меншикова исполнялись только отчасти и чрезвычайно медленно. Всѣ запасы и коммисаріатскія управленія, какъ уже сказано въ другомъ мѣстѣ, состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи главнокомандующаго Южною арміей, князя Горчакова. $\frac{11}{23}$ октября онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Кременчугская коммисаріатская коммисія выслала въ Перекопъ для Крымской арміи 100.000 арш. бинтовъ, 200.000 арш. компрессовъ и 100 пуд. ветоши.

Этотъ перевязочный матеріалъ большей частью былъ сомнительнаго достоинства, а иногда даже почти негоденъ къ употребленію. Когда означенныя вещи, высланныя Московскою коммисіей, прибыли, въ сентябрѣ 1854 г., въ

Кременчугъ, то послѣ осмотра оказалось, что онѣ весьма дурнаго качества, а ветошь никуда негодна, какъ это признано даже самимъ коммисаріатскимъ департаментомъ. Между тѣмъ, даже этими перевязочными средствами, каковы бы они ни были, нельзя было пренебрегать въ ту пору. На возникшія по этому поводу жалобы, коммисаріатскій департаментъ, согласно рѣшенію военнаго совѣта $\frac{24 \text{ ноября}}{6 \text{ декабря}}$ за № 64, отдалъ приказъ, чтобы ветошь принималась отъ подрядчиковъ хорошаго качества, но не была бракуема врачами. Разумѣется, подобное предписаніе ни въ какомъ случаѣ не могло предотвратить дальнѣйшихъ злоупотребленій.

Эти-то запасы отправлены были $\frac{26 \text{ октября}}{7 \text{ ноября}}$ на нанятыхъ подводахъ въ Крымъ; оставшіеся же въ коммисіи запасы, приказомъ отъ $\frac{15}{27}$ ноября, князь Горчаковъ повелѣлъ препроводить въ Херсонскій коммисаріатъ. Остатокъ этотъ состоялъ изъ 180.000 арш. бинтовъ, 32.000 арш. компрессовъ и 150 пуд. ветоши. Вотъ запасы, предоставленные въ распоряженіе Крымской арміи, благодаря распорядительности и заботливости князя Горчакова. Если бы они во-время прибыли на мѣсто назначенія, то ихъ, конечно, было бы достаточно для того, чтобы покрыть первыя нужды. Но правильное продовольствіе госпиталей и лазаретовъ перевязочными средствами, въ томъ числѣ отчасти и вышеупомянутыми, установилось только съ марта 1855 г. Вѣчное опаздываніе вездѣ и во всемъ — вотъ въ чемъ заключалось все роковое этой войны! Кромѣ означенныхъ вещей, не малое количество перевязочнаго матеріала прибывало со всѣхъ концовъ Россіи, но количество это нельзя опредѣлить даже приблизительно, такъ какъ онъ присылался отчасти въ главное военное управленіе, отчасти генералъ-штабъ-доктору, отчасти, наконецъ, на имя разныхъ извѣстныхъ лицъ.

Что касается инструментовъ и лекарствъ, то госпитали и перевязочные пункты постоянно чувствовали въ нихъ крайнюю нужду. Бывшіе налицо инструменты, какъ сухопутнаго, такъ и морскаго вѣдомства, отличались еще устарѣлыми, неуклюжими формами, но и этихъ инструментовъ было чрезвычайно мало. Правда, медицинскій департаментъ еще въ октябрѣ и ноябрѣ 1854 г. отправилъ въ Крымъ достаточное количество инструментовъ. Но они не достигли мѣста назначенія, а пролежали безъ всякаго употребленія, запакованные, въ конторѣ Симферопольскаго госпиталя, вплоть до апрѣля 1855 г.; такая же участь постигла и предписанія медицинскаго департамента, такъ и оставшіяся тамъ нераспечатанными. А между тѣмъ въ госпиталяхъ нуждались даже въ простыхъ перевязочныхъ сумкахъ.

Относительно снабженія лекарствами слѣдственная коммисія говоритъ, что и тутъ царствовалъ величайшій безпорядокъ, что многіе отряды прибыли въ Крымъ, не имѣя ихъ вовсе. Такъ лекарства, назначенныя по смѣтѣ для драгунскаго полка на 1854 г., прибыли только въ апрѣлѣ 1855 г. Госпитали получали лекарства изъ Херсонской казенной аптеки, но высылка ихъ изъ Херсона шла чрезвычайно медленно и съ неимовѣрной неакуратностью. Съ лекарствами коммисаріатъ поступалъ такъ же, какъ и съ госпитальными вещами. Онъ доставлялъ ихъ только въ Симферополь, гдѣ они складывались подъ открытымъ небомъ и предоставлялись такимъ образомъ неизбѣжной порчѣ. Впослѣдствіи, такъ какъ не знали, куда ихъ доставлять, отправляли ихъ туда, гдѣ, повидимому, они казались всего нужнѣе.

Едва-ли кто сталъ бы ожидать при подобныхъ условіяхъ успѣшнаго леченія раненыхъ и больныхъ? Госпитали и армія постоянно терпѣли крайнюю нужду въ лекарствахъ. Со всѣхъ сторонъ подавались жалобы по этому поводу, какъ генералъ-штабъ-доктору, такъ и въ главный штабъ, но на нихъ почти никто не обращалъ вниманія. А между тѣмъ, кажется, ничего не было легче, какъ помочь этому злу.

Въ началѣ непріязненныхъ дѣйствій въ Крыму, въ Керчи находилась резервная аптека. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться ею, ее безъ всякой надобности перевели, въ апрѣлѣ 1855 г., въ Ставрополь. Въ Одессѣ, точно также безъ всякой пользы и употребленія, имѣлась подвижная казенная аптека, которую впослѣдствіи почему-то сочли нужнымъ закрыть. Всѣ эти несообразности слѣдственная коммисія приписываетъ безпечности военно-медицинскаго департамента. Для примѣра, приведемъ постоянно ощущавшійся недостатокъ въ хининѣ, когда въ немъ настояла крайняя надобность, особенно при леченіи крымскихъ перемежающихся лихорадокъ и тифа. Недостатокъ въ хининѣ доходилъ до того, что таврическій военный губернаторъ обратился къ харьковскому генералъ-губернатору съ просьбою выслать ему для госпиталей хоть одинъ фунтъ этого препарата. Между тѣмъ, въ то же самое время, въ Керчи лежало безъ всякаго употребленія до 176 фунт. хинина.

Все описываемое здѣсь относится только къ періоду времени вплоть до первыхъ чиселъ декабря.

Число больныхъ $\frac{1}{13}$ декабря.

За это время у насъ имѣются уже болѣе точныя и достовѣрныя данныя какъ о числѣ раненыхъ въ Крыму, такъ и по госпитальной статистикѣ. Его Императорское Величество, въ собственноручномъ письмѣ на имя князя Меншикова, изъявилъ желаніе имѣть точныя свѣдѣнія о числѣ раненыхъ въ госпиталяхъ. Къ $\frac{1}{13}$ декабря 1854 г. собраны слѣдующія данныя о находившихся въ крымскихъ госпиталяхъ раненыхъ, какъ сухопутнаго, такъ и морскаго вѣдомства:

	$\frac{1}{13}$ декабря 1854 г.				
	Морскаго войска		Сухопутнаго войска		Всего
	Офицеровъ	Солдатъ	Офицеровъ	Солдатъ	
1) Выздоровѣвшихъ въ госпиталяхъ и поступившихъ во фронтъ.	54	1.760	160	3.909	5.883
2) Подающихъ надежды къ выздоровленію и затѣмъ къ поступленію на службу	»	209	47	860	1.116
3) Совершенно увѣчныхъ. . .	2	294	11	506	813
4) Умершихъ отъ ранъ и контузій.	5	619	36	1.568	2.228
Итого	61	2.882	254	6.843	10.040

Изъ этой таблицы явствуетъ, что до $\frac{1}{13}$ декабря изъ сухопутной арміи въ крымскихъ госпиталяхъ пользовано только 7.097 раненыхъ; къ $\frac{1}{13}$ же декабря осталось: выздоравливающихъ—лишь 907, и увѣчныхъ—517. Но совсѣмъ другое говорятъ списки гарнизоннаго штаба. По этимъ спискамъ, въ теченіе октября и ноября, въ одномъ Севастополѣ ранено 6.721 челов., а сраженія при Альмѣ (3.073), Балаклавѣ (981) и Инкерманѣ (отъ 7.000 до 7.500) дали, приблизительно, отъ 10 до 11.000 раненыхъ; стало быть въ общей сложности будемъ имѣть сумму въ 16—17.000 челов. Спрашивается, что сталось съ остальными 7.000? Находились-ли они уже въ предѣлахъ внутреннихъ губерній или, по крайней мѣрѣ, внѣ Таврическаго полуострова? Едва-ли, такъ какъ число раненыхъ, привезенныхъ около этого времени въ Херсонъ,—а дальше транспорты не шли,—было очень незначительно; къ тому же, показаніе, что $\frac{1}{13}$ декабря въ крымскихъ госпиталяхъ лежало только 1.424 челов. сухопутныхъ раненыхъ, прямо противорѣчитъ фактамъ, потому что къ этому времени въ одномъ Симферопольскомъ госпиталѣ находилось столько же. А сколько

лежало въ Карасубазарѣ, Севастополѣ, Перекопѣ и нѣмецкихъ колоніяхъ? Это показаніе потому еще не заслуживаетъ довѣрія, что означенныя въ немъ 4 рубрики неполны и далеко не включаютъ въ себѣ всѣхъ раненыхъ. Такъ, здѣсь совершенно опущены изъ вида транспортированные, а также масса раненыхъ съ неизвѣстнымъ исходомъ, т. е. тѣхъ раненыхъ третьей категоріи, которыхъ нельзя было считать ни совершенно увѣчными, ни способными къ фронтовой службѣ. Неужели эта категорія такъ-таки и должна была остаться исключенною? Но въ такомъ случаѣ приведенныя цифры лишены всякаго значенія (*).

Вотъ, приблизительно, состояніе, въ которомъ находилось дѣло призрѣнія больныхъ до декабря. Пирогову досталась еще обильная, хотя и поздняя жатва между остатками раненыхъ при Инкерманѣ. Онъ успѣлъ еще сдѣлать множество послѣдовательныхъ операцій и въ особенности большое число резекцій локтеваго сочлененія. Со дня своего прибытія, до декабря, онъ осматривалъ севастопольскіе госпитали и съ той же цѣлью останавливался затѣмъ въ Симферополѣ.

Профессоръ Гюббенетъ, тотчасъ послѣ своего прибытія, отправился, въ сопровожденіи двухъ студентовъ, на Южную сторону, на главный перевязочный пунктъ.

Перевязочные пункты.

Главный перевязочный пунктъ былъ устроенъ въ великолѣпномъ, просторномъ зданіи дворянскаго собранія или въ такъ называемомъ домѣ собранія флагмановъ. Пунктъ этотъ находился въ рукахъ морскихъ врачей, въ вѣдѣніи медицинскаго инспектора Рождественскаго. Сюда ежедневно приносились

(*) Мы приписываемъ неточность этихъ данныхъ, не обвиняя никого, прямо трудности въ военное время, при недостаткѣ средствъ, собрать надлежащія свѣдѣнія, а также неправильной системѣ счетоводства и статистикѣ вообще; только этимъ можно объяснить это донесеніе.

морскіе и сухопутные раненые съ 4-го, 5-го и 6-го бастіоновъ. Здѣсь имъ оказывалась первая медицинская помощь, состоявшая то въ наложеніи повязки, то въ остановленіи кровотеченія, то, наконецъ, въ извлеченіи пуль и производствѣ необходимѣйшихъ операцій. Легко-раненые каждодневно перевозились пароходомъ на Сѣверную сторону, въ расположенные тамъ госпитали; оперированные—два-три дня спустя послѣ операцій. Эта перевозка, однакоже, оказалась довольно вредною для раненыхъ, такъ какъ, до прибытія въ назначенный для нихъ пріютъ на Сѣверной сторонѣ, имъ приходилось по цѣлымъ часамъ проводить на холодномъ декабрьскомъ воздухѣ, въ одеждѣ, едва прикрывавшей ихъ продрогшіе члены. Большая часть ранъ, и въ особенности болѣе серьезныя изъ нихъ, становились гангренозными, что̀ почти исключительно приписывалось стужѣ. Но если послѣдняя и имѣла нѣкоторое вліяніе, то всё-таки тутъ преобладали еще другія, болѣе важныя причины.

Зданіе дворянскаго собранія, съ самаго начала осады, постоянно было сборнымъ пунктомъ для раненыхъ, а между тѣмъ для него въ гигіеническомъ отношеніи не было сдѣлано ровно ничего. О вентиляціи, о перемѣнѣ бѣлья и тюфяковъ, пропитанныхъ кровью и гноемъ, никто и не подумалъ. Такая же небрежность замѣчалась и въ отношеніи посуды, перевязочнаго матеріала и въ особенности губокъ. Вообще говоря, перевязочный пунктъ былъ дурно снабжаемъ, что̀ больше всего выражалось въ недостаточномъ количествѣ, устарѣлой формѣ и дурномъ качествѣ инструментовъ. Это было тѣмъ поразительнѣе, что всѣ военные начальники постоянно обращали заботливое вниманіе какъ на перевязочные пункты, такъ и на уходъ за больными вообще. Каждое представленіе не только выслушивалось ими охотно, но еще встрѣчало въ нихъ самое дѣятельное сочувствіе. Мы

назовемъ здѣсь только начальника севастопольскаго гарнизона генералъ-адъютанта графа Остенъ-Сакена, начальника гарнизоннаго штаба князя Васильчикова, и адмирала Нахимова, оказавшаго столь важныя услуги при осадѣ Севастополя. Сверхъ того, перевязочные пункты были подчинены еще особому начальнику, адмиралу Вукотичу. Со стороны морскаго вѣдомства, Великій Князь Константинъ Николаевичъ прислалъ особыхъ чиновниковъ, въ лицѣ статскаго совѣтника Крылова, а потомъ камеръ-юнкера Мансурова, чтобы, по возможности, стараться объ устраненіи всяческихъ недостатковъ. Если, тѣмъ не менѣе, матеріальная обстановка перевязочныхъ пунктовъ была неудовлетворительна, то въ этомъ, конечно, приходится винить одно только медицинское управленіе.

Еще въ первыя недѣли своего пребыванія на главномъ перевязочномъ пунктѣ, я замѣтилъ, что раненые, преимущественно же оперированные, оставленные мною для наблюденія, поражались гангреной и піеміей (гнойное зараженіе). Какъ бы ни былъ очевиденъ этотъ фактъ, всё-таки мнѣ много стоило труда, чтобъ убѣдить въ его дѣйствительности медицинское управленіе, которое его упорно отрицало, видя въ немъ вопіющій упрекъ себѣ самому. Такое же противодѣйствіе встрѣтилъ Пироговъ; впослѣдствіи его даже укоряли въ томъ, что это мы съ нимъ изобрѣли и ввели гангрену и піемію. Гангрена и піемія.

Относительно піеміи это, быть можетъ, до нѣкоторой степени справедливо, такъ какъ дознано, что большинство врачей имѣло весьма смутное понятіе объ явленіяхъ, представляемыхъ этой болѣзнью. Но можетъ быть способъ перевязки и послѣдовательное леченіе въ самомъ дѣлѣ имѣли вліяніе на развитіе гангрены и гнойнаго зараженія и на дурной исходъ поврежденій? Трудно дать прямой, положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Пироговъ былъ отъяв-

леннымъ противникомъ перваго сращенія (prima intentia), такъ какъ онъ считалъ его недостижимымъ въ данномъ случаѣ при тѣхъ условіяхъ, какія представляла крымская кампанія. На всякую попытку къ достиженію этой цѣли онъ, поэтому, смотрѣлъ не только какъ на тщетную, но и положительно вредную. Онъ даже прямо высказывалъ мнѣніе, что раненые, перевязываемые на главномъ перевязочномъ пунктѣ подъ моимъ руководствомъ, потому именно поражаются гангреной, что я стремлюсь къ тѣсному соединенію какъ операціонныхъ, такъ и другихъ, порубленныхъ и порѣзанныхъ ранъ. Этотъ критическій отзывъ о леченіи ранъ, высказанный Пироговымъ, далъ первый толчокъ къ распространенію мнѣнія другихъ врачей, что гангрена составляла здѣсь произведеніе искусства, результатъ самаго леченія. Но какъ только началось однажды это броженіе въ кругу врачей, критика не замедлила обратиться противъ самого Пирогова, и рожденіе гангрены стали приписывать его собственному способу леченія, именно тому обстоятельству, что онъ раздражалъ раны, наполняя ихъ корпіей и лекарственными веществами, что онъ не задумывался даже разрывать склеившіеся уже края ранъ, и пр. И такъ, до обвиненія хирурговъ въ произведеніи гангрены оставался только одинъ шагъ, и сами же медики подали къ тому поводъ. Впрочемъ, вопросъ о справедливости того или другаго воззрѣнія и положенныхъ имъ въ основу началъ сюда не относится и составляетъ предметъ особой спеціальной науки.

Временное перемѣщеніе перевязочнаго пункта.

Какъ бы то ни было, одно стало очевиднымъ, это—необходимость отказаться отъ дворянскаго собранія какъ главнаго перевязочнаго пункта, иначе приходилось бы болѣе или менѣе губить всѣхъ безъ исключенія раненыхъ и всѣ старанія объ ихъ участи остались бы тщетными. Объ очисткѣ зданія дворянскаго собранія первый заговорилъ профессоръ Гюббенетъ; впослѣдствіи, еще настойчивѣе, этого сталъ требовать и Пироговъ, и только тогда, когда вылазка въ ночь

съ $\frac{7}{19}$ на $\frac{8}{20}$ января 1855 г. доставила большое число раненыхъ, удалось наконецъ, при дѣятельной поддержкѣ со стороны начальника штаба гарнизона, князя Васильчикова, размѣстить раненыхъ въ другихъ зданіяхъ и приступить къ провѣтриванію и очисткѣ прежняго перевязочнаго пункта. И такъ, прежде всего нужно было пріискать хорошія, достаточно просторныя помѣщенія и притомъ расположенныя внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Выборъ палъ на дома у Артиллерійской бухты; главнымъ перевязочнымъ пунктомъ назначенъ былъ инженерный дѣловой дворъ; гангренозные, піемическіе и безнадежные раненые помѣщены въ частныхъ домахъ купцовъ Орловскаго и Гущина; наконецъ оперированнымъ и остальнымъ раненымъ отведена часть Николаевской батареи (*). Такъ называемый Екатерининскій дворецъ, расположенный неподалеку отъ пристани и Николаевской батареи, сначала служилъ часовней для труповъ, а потомъ опять для гангренозныхъ и безнадежно погибающихъ раненыхъ. Всѣ эти дома находились внѣ выстрѣловъ тогдашнихъ непріятельскихъ батарей. Много, если отъ времени до времени туда долетало нѣсколько ракетъ. Правда, въ темныя ночи они были подъ пушечными выстрѣлами подкрадывавшихся тайкомъ непріятельскихъ пароходовъ, но это не причиняло зданіямъ существеннаго вреда.

Послѣ перваго бомбардированія городъ былъ почти совершенно покинутъ своими жителями, и населенными остались только нѣкоторые дома на Екатерининской, Инженерной, Морской и другихъ улицахъ. Въ особенности же окраины города сдѣлались необитаемы послѣ перваго бомбардированія, такъ что и первоначальные перевязочные пункты въ домахъ

(*) См. прилагаемую карту перевязочныхъ пунктовъ и госпиталей.

Волохова, Красильникова и Тулубьева, на Корабельной, должны были быть оставлены уже съ самаго начала.

Третій перевязочный пунктъ.

Въ описываемый періодъ времени, на Корабельной, въ морскихъ казармахъ устроенъ былъ другой, или такъ называемый 3-й перевязочный пунктъ, составлявшій какъ бы отдѣленіе временнаго сухопутнаго госпиталя, находившагося въ тѣхъ же зданіяхъ. Послѣ перваго бомбардированія Корабельная мало была поражаема непріятельскимъ огнемъ, и лишь изрѣдка сюда привозились, по-одиночкѣ, раненые съ 1-го, 2-го и 3-го бастіоновъ. Самымъ же неистовымъ образомъ непріятельскій огонь свирѣпствовалъ противъ 4-го, 5-го и 6-го бастіоновъ. Но раненые на этихъ бастіонахъ уносились въ главный перевязочный пунктъ, такъ что второй перевязочный пунктъ, и по незначительности стратегическаго интереса, и по отдаленности, совершенно былъ оставленъ безъ вниманія и лишенъ даже самыхъ необходимыхъ и существеннѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ. Перевязочный пунктъ находился здѣсь въ самой тѣсной связи съ госпиталемъ, такъ что врачи, служившіе въ госпиталѣ, должны были распространять свою дѣятельность и на перевязочный пунктъ. Неминуемымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что врачи не выполняли съ пользой ни тѣхъ, ни другихъ обязанностей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ значительно возрасло число больныхъ въ этомъ и безъ того безпомощномъ госпиталѣ, устроенномъ въ прежнихъ казармахъ. Эта небрежность въ уходѣ за больными, происходившая отъ недостаточнаго количества врачей, въ январѣ и февралѣ 1855 г. достигла высокой степени, въ то самое время, какъ главный перевязочный пунктъ на Южной сторонѣ въ полномъ смыслѣ слова страдалъ скорѣе излишествомъ врачей. 13 служившихъ здѣсь до того врачей, будучи обезоружены и осуждены на бездѣйствіе, не искали

новыхъ мѣстъ, и только впослѣдствіи опять были назначены на службу. Такъ какъ Пирогову не было предоставлено непосредственной власти надъ врачами, то онъ не могъ сдѣлать никакихъ распоряженій по этому предмету. Къ тому же сюда присоединялось еще то затрудненіе, что повидимому не имѣлось особенныхъ причинъ удалить и перемѣстить врачей, нещадившихъ своихъ усилій въ трудное время бомбардированія и до сихъ поръ еще добросовѣстно исполнявшихъ свои обязанности.

На Корабельной, въ январѣ, на 1.500 больныхъ приходилось только 8 врачей, которые, сверхъ того, должны были еще завѣдывать перевязочнымъ пунктомъ и изъ которыхъ двое заболѣло тифомъ. Очевидно, о медицинскомъ уходѣ тутъ не могло быть и рѣчи. Если бы даже кто принялся за дѣло съ самымъ горячимъ усердіемъ и самой теплой любовью, и тотъ здѣсь ничего бы не сдѣлалъ. Требовать, чтобы въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣло шло хорошо, значило бы требовать больше, нежели въ человѣческой власти. Сверхъ того, тутъ существовало еще множество другихъ золъ и опущеній. Не было ни отхожихъ мѣстъ, ни вентиляцій, даже оконъ не открывали. Аптека находилась въ жалкомъ состояніи; не лучше была хозяйственная часть—продовольствіе больныхъ. Не знаемъ, насколько тутъ виноваты причастныя лица — главный докторъ, экономъ, аптекарь—но то можно сказать, что при данныхъ средствахъ даже самыя лучшія силы ничего бы тутъ не сдѣлали.

Такимъ образомъ, эта непропорціональность между врачами и больными продолжалась до тѣхъ поръ, пока, силою обстоятельствъ событій, не произошло мало по малу уравновѣшенія.

При этомъ случаѣ нельзя пройти молчаніемъ того обстоятельства, что, вслѣдствіе механизма, господствовавшаго до сихъ поръ на перевязочныхъ пунктахъ, дѣятельность вра-

чей далеко не принесла той пользы, какой бы можно было ожидать при надлежащемъ употребленіи силъ. Эта несообразность обнаруживалась особенно ясно при ночныхъ вылазкахъ, когда привозились быстро, одна за другою, большія партіи раненыхъ. Послѣ продолжительнаго затишья, въ ночь съ $\frac{7}{19}$ на $\frac{8}{20}$ января произошла значительная вылазка, доставившая до 80 раненыхъ на южный перевязочный пунктъ. Всѣ 13 врачей были налицо, чтобы принимать раненыхъ и подавать имъ первую помощь. Какъ бы ни былъ гуманенъ и полезенъ на первый взглядъ такой порядокъ, всё-таки на дѣлѣ онъ оказался непрактичнымъ и ни мало не ведущимъ къ цѣли. Отъ наплыва раненыхъ, отъ торопливости и толкотни врачей, фельдшеровъ и служителей, произошла страшная суматоха. Одинъ мѣшалъ и сбивалъ съ ногъ другаго; при каждой хирургической операціи недоставало помощниковъ; одинъ врачъ хваталъ инструменты изъ-подъ рукъ другаго; больной, которому уже была наложена повязка, перевязывался во второй и въ третій разъ другимъ врачомъ, а между тѣмъ оставались безъ помощи тѣ, которые наиболѣе въ ней нуждались. Словомъ—хаосъ вышелъ неимовѣрный. Какія же были послѣдствія? Врачи провозились цѣлую ночь и всё-таки больнымъ была оказана лишь плохая помощь. Вмѣсто того чтобы на разсвѣтѣ взяться за дѣло со свѣжими, обновленными силами, врачи, измученные физически и нравственно, оказались неспособными къ успѣшной дѣятельности въ продолженіе слѣдующаго дня. Этотъ примѣръ на большомъ числѣ раненыхъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, былъ столь поучителенъ, что заставилъ меня, въ бытность мою на главномъ перевязочномъ пунктѣ, придерживаться слѣдующихъ мѣръ, о которыхъ не лишнее будетъ упомянуть здѣсь для того, чтобы на будущее время предохранить хирурга отъ необходимости лично испытать

и пережить то же самое на перевязочномъ пунктѣ, а раненыхъ—отъ того или другаго вреднаго послѣдствія.

1) Только часть врачей должна дежурить, чтобы быть на-готовѣ къ пріему раненыхъ. Порядки и предложенія.

2) При большомъ скопленіи раненыхъ ограничиваться отдѣленіемъ нуждающихся въ операціяхъ (ампутаціяхъ), и вообще относящихся сюда однородныхъ случаевъ, отъ остальныхъ раненыхъ, самыя же операціи производить на слѣдующій день, на разсвѣтѣ.

3) Тотчасъ предпринимать только такія операціи, которыя не терпятъ отлагательства, слѣдовательно—одно только остановленіе кровотеченій, да безотлагательныя ампутаціи, напр. оторванныхъ членовъ, хотя и здѣсь отсрочка не только возможна, но часто даже необходима, напр. при сотрясеніяхъ.

4) При простыхъ огнестрѣльныхъ ранахъ довольствоваться простою покрывающею повязкой, но эти раненые должны быть совершенно изолированы отъ назначенныхъ для операцій и вообще отъ раненыхъ съ поврежденіями костей, нуждающихся, если не въ ампутаціи, то въ неподвижной повязкѣ.

5) Извлеченіе пуль можно, пожалуй, предпринимать тутъ же на мѣстѣ, но только тогда, когда наплывъ раненыхъ не слишкомъ большой; иначе это занятіе отвлечетъ отъ необходимой прежде всего сортировки раненыхъ на категоріи. Такихъ раненыхъ можно складывать въ рядъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ операціей же слѣдуетъ подождать до другаго дня (*). Всё-таки это гораздо лучше, нежели жертвовать въ пользу этого пособія сортировкой раненыхъ, что̀ можетъ причинить ничѣмъ непоправимый вредъ.

(*) Это относится, конечно, только къ ночнымъ сраженіямъ.

Отъ этихъ мѣръ, набросанныхъ здѣсь въ общихъ чертахъ, раненые выигрываютъ гораздо больше, нежели когда тотчасъ же приступятъ къ операціи, которую приходится дѣлать впопыхахъ, при искусственномъ освѣщеніи, не имѣя достаточно ни ассистирующихъ рукъ, ни досуга, причемъ оператора часто прерываютъ крики о помощи и требованія другихъ больныхъ.

При дневномъ свѣтѣ операціи вообще идутъ успѣшнѣе и скорѣе. Особенно необходимое при операціяхъ остановленіе кровотеченія гораздо легче, чѣмъ при искусственномъ освѣщеніи. При этомъ получается возможность подробнѣе изслѣдовать каждаго больнаго и тщательнѣе взвѣшивать показанія къ операціямъ. А такъ какъ всѣ врачи налицо, то легко устраивать консультаціи и вообще можно скорѣе разсчитывать на достаточное количество помощниковъ. Во всякомъ случаѣ, при соблюденіи этой мѣры, врачи гораздо больше въ состояніи сдѣлать, а раненые существенно выигрываютъ, какъ вслѣдствіе болѣе обдуманнаго и тщательнаго леченія, такъ и оттого, что этимъ путемъ достигается бо̀льшая гарантія въ цѣлесообразности подаваемаго имъ пособія, отъ котораго часто зависитъ жизнь или сохраненіе члена. Противъ этой системы можно возразить, что при этомъ порядкѣ проходитъ первая необходимая пора для операціи, и что легко могутъ развиваться воспаленіе и опуханіе поврежденнаго члена. Но это возраженіе легко опровергается замѣченнымъ въ Крымскую кампанію фактомъ, что раненые, особенно артиллерійскимъ снарядомъ, въ первые часы послѣ поврежденія находятся въ какомъ-то оцѣпенѣніи, или въ состояніи сотрясенія, непозволяющемъ никакихъ операцій, а между тѣмъ силы врачей, сбереженныя ночью на пользу всей массы раненыхъ, легко могутъ наверстать слѣдующимъ днемъ то или другое опущеніе. Такимъ образомъ, въ

общей сложности, необходимое число операцій и перевязокъ будетъ сдѣлано гораздо скорѣе, нежели когда врачи ночью растратятъ свои силы безъ всякой пользы и часто даже во вредъ раненымъ.

Что касается успѣховъ хирургическаго искусства за этотъ періодъ осады Севастополя, то по $\frac{10}{22}$ декабря, т. е. до поступленія моего на главный перевязочный пунктъ, въ Севастополѣ сдѣлано 385 большихъ операцій, не считая тѣхъ, которыя произведены были при Альмѣ, Инкерманѣ и Балаклавѣ. Болѣе подробныхъ данныхъ о статистикѣ этихъ операцій не имѣется, но, вообще говоря, она не такъ неблагопріятна, какъ статистика операцій, сдѣланныхъ послѣ прибытія Пирогова и Гюббенета въ Севастополь. Это можно усмотрѣть еще изъ того факта, что вѣдь застали же мы въ госпиталяхъ многія ампутаціи бедра, находившіяся уже въ періодѣ выздоровленія, тогда какъ ни Пирогову, ни мнѣ, въ первое время своего пребыванія на севастопольскихъ перевязочныхъ пунктахъ, не удалось довести до выздоровленія ни одной первичной ампутаціи бедра.

Со времени поступленія профессора Гюббенета на главный перевязочный пунктъ, до перенесенія послѣдняго въ инженерный домъ, сдѣлано 59 большихъ операцій, изъ которыхъ 45 окончились смертью, а 14—выздоровленіемъ, и именно:

Результатъ операцій.

1 вылущеніе праваго бедра—смерть 24 часа спустя.

9 ампутацій праваго бедра; всѣ 9 окончились смертью, именно: 3 на первой недѣлѣ — гангрена,
4 » второй » — »
1 » пятой » — піемія,
1 » шестой » — »

8 ампутацій лѣваго бедра; всѣ 8 окончились смертью, именно: 1 на первой недѣлѣ — сотрясеніе,
2 » второй » — гангрена,

3 на третьей недѣлѣ—піемія,
1 » четвертой » — »
1 » шестой » — »

2 вылущенія лѣваго плеча:
1 — выздоровѣлъ,
1 — умеръ, на шестой недѣлѣ, отъ піеміи.

1 вылущеніе праваго плеча:
1 — выздоровѣлъ.

4 ампутаціи правой голени:
1 — выздоровѣлъ,
3 — умерло: 2 на второй недѣлѣ } отъ гангрены.
1 » третьей » }

1 ампутація лѣвой голени:
1 — умеръ, на второй недѣлѣ, отъ гангрены.

7 ампутацій праваго плеча:
3 — выздоровѣло, 4 — умерло; изъ нихъ:
1, при тифозныхъ явленіяхъ, спустя нѣсколько недѣль,
1 на третьей недѣлѣ — піемія,
2 » второй » (1-му одновременно сдѣлано вылущеніе голенно-стопнаго состава).

5 ампутацій лѣваго плеча:
2 — выздоровѣло, 3 — умерло; изъ нихъ:
1 на второй недѣлѣ, отъ гангрены,
1 » третьей » » піеміи,
1 » пятой » » »

2 ампутаціи праваго предплечія:
1 — выздоровѣлъ,
1 — умеръ, на первой недѣлѣ, отъ гангрены.

3 ампутаціи лѣваго предплечія:
1 — выздоровѣлъ,
2 — умерло, на восьмой недѣлѣ, отъ піеміи.

1 вылущеніе лѣвой ручной кисти:
1 — выздоровѣлъ.
2 вылущенія по способу Сейма и Пирогова:
2 — умерло: 1 на второй недѣлѣ — гангрена,
1 » третьей » — »
4 вылущенія по способу Шопара:
3 — выздоровѣло,
1—умеръ, спустя 4 недѣли, отъ воспаленія легкихъ.
8 резекцій:
8 — умерло, и именно:
1 резекція головки праваго плеча—смерть, на второй недѣлѣ, отъ гангрены;
2 резекціи головки лѣваго плеча:
1 умеръ на первый день (осложненіе грудною раной),
1 » » третій » гангрена;
1 резекція праваго локтеваго сочлененія—смерть, на пятый день, отъ гангрены;
2 резекціи лѣваго локтеваго сочлененія:
2—умерло: 1 — на второй недѣлѣ } отъ гангрены;
1 — » десятой » }
1 резекція лѣвой нижней челюсти — смерть, на второй недѣлѣ, отъ піеміи;
1 резекція лѣвой ключицы — смерть, на первой недѣлѣ, отъ гангрены.
1 перевязка бедренной артеріи — смерть.

Итого . . . . . 59. Выздоровѣло 14, умерло 45.

Изъ послѣднихъ умерло: отъ піеміи и гангрены—39, отъ другихъ осложненій — 6. Изъ этихъ операцій произведено до прибытія Пирогова — 47, изъ которыхъ выздоровѣло — 14, умерло — 33.

Со времени появленія Пирогова на главномъ перевязочномъ пунктѣ оперировано 12:

9 ампутацій бедра,
1 резекція головки плеча,
1 перевязка бедренной артеріи,
1 ампутація плеча.

Умерло — 12.

Это отношеніе смертности во всякомъ случаѣ неблагопріятно. Оно представляетъ за все это время 70%, а включая сюда время отъ появленія Пирогова—нѣсколько болѣе 76%.

Хотя результаты операцій, полученные Гейфельдеромъ при бомбардированіи Свеаборга, еще хуже, тѣмъ не менѣе сообщенная здѣсь цифра все же неутѣшительна и блѣднѣетъ въ сравненіи съ результатами, полученными во французскихъ (Ларрей, Перси и пр.), равно какъ и въ послѣднихъ европейскихъ войнахъ (италіянская 1848 г., шлезвигъ-голштинская и послѣдній италіянско-австрійскій походъ).

Гейфельдеръ въ своемъ отчетѣ объ оперированныхъ въ Свеаборгѣ («Военно-Мед. журналъ») приводитъ цифру смертности въ 73%. Это отношеніе гораздо благопріятнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что онъ включилъ сюда и операціи на пальцахъ, имѣвшія, разумѣется, благопріятный исходъ. И такъ, если исключить отсюда двѣ удачныя операціи на пальцахъ, а также одну ампутацію голени, исходъ которой еще не былъ извѣстенъ, то получимъ на 24 оперированныхъ 3 случая выздоровленія, что́ даетъ отношеніе выздоровленія въ 12,5%, или отношеніе смертности—въ 87,5%. Если считать различныя операціи на пальцахъ рукъ и ногъ, то и въ Севастополѣ отношеніе смертности въ этомъ столь неблагопріятномъ періодѣ падаетъ почти до 50%.

Вотъ, приблизительно, устройство, дѣятельность и результаты, которые представлялъ главный перевязочный пунктъ съ учрежденными при немъ лазаретами. Но какую картину представляли въ это время Корабельная и тамошній перевязочный пунктъ?

Выше мы уже изобразили, въ общихъ чертахъ, состояніе послѣдняго; тамъ же мы указали на его многочисленные недостатки, въ особенности на незначительное количество врачей, недостатокъ лекарствъ и небрежный уходъ за больными вообще. Къ этому присоединялось еще то, что всѣ добровольныя пожертвованія и подарки, укрѣпляющія средства, чай, сахаръ, табакъ и т. д.—все это лилось обильнымъ потокомъ на Городскую сторону, а на Корабельную изъ всего этого не попадало ничего. Прошли цѣлые мѣсяцы, пока и на Корабельной стали раздаваться денежныя пособія, давнымъ-давно выдававшіяся раненымъ на Городской сторонѣ. Во всякомъ случаѣ это осуществилось никакъ не ранѣе мая.

Перевязочный пунктъ на Корабельной.

Съ тѣхъ поръ какъ непріятель сталъ придавать болѣе важности нашему лѣвому флангу и убѣдился, что Малаховъ курганъ составляетъ ключъ Севастополя, съ тѣхъ поръ возрасло и значеніе перевязочнаго пункта на Корабельной. Заложеніе Селенгинскаго редута и Камчатскаго люнета было съ нашей стороны поводомъ къ кровавымъ дѣламъ $\frac{12}{24}$ февраля, $\frac{6}{18}$ и $\frac{10}{22}$ марта. По спискамъ гарнизоннаго штаба, $\frac{12}{24}$ февраля у насъ было умершихъ и раненыхъ 417 челов. Сначала раненые сносились на перевязочный пунктъ, расположенный въ Александровскихъ казармахъ, но такъ какъ разстояніе было значительно и требовало неоднократной смѣны носильщиковъ, то впослѣдствіи раненыхъ стали перевозить водою въ главный госпиталь, устроенный въ баракахъ. Въ Александровскомъ госпиталѣ сдѣлано въ этотъ день 7 большихъ операцій; изъ оперированныхъ выздоровѣло 3. Большая часть раненыхъ была перевезена на Сѣверную сторону, но и здѣсь, если не ошибаемся, произведено, въ теченіе трехъ дней, только 15 большихъ операцій. Такая медленность произошла отъ двухъ причинъ: во первыхъ, отъ того, что генералъ-

штабъ-докторъ, имѣвшій свое мѣстопребываніе на Сѣверной сторонѣ, не былъ убѣжденъ въ необходимости непосредственныхъ, первичныхъ операцій и отсрочку на 24 или 48 часовъ считалъ нисколько не предосудительною; во вторыхъ—отъ недостаточной организаціи перевязочнаго пункта и госпитальнаго дѣла. Недоставало именно той систематической сортировки, того распредѣленія раненыхъ на категоріи при самомъ пріемѣ, необходимость которыхъ была указана выше. Раненые безъ разбора складывались въ различныхъ отдѣленіяхъ, какъ попало, смотря по тому, гдѣ было свободное мѣсто, и тутъ повторилось обыкновенное въ этихъ случаяхъ явленіе, что многіе раненые, нуждавшіеся въ операціяхъ, попадали на глаза только на третій или на четвертый день. И этого не слѣдуетъ отнюдь приписывать небрежности или бездѣйствію, а скорѣе тому ошибочному механизму, которому потомъ никакое усердіе и никакія усилія не въ состояніи помочь.

По мѣрѣ приращенія числа раненыхъ, недостатокъ въ госпитальныхъ средствахъ становился болѣе и болѣе ощутительнымъ. Въ это время мнѣ удалось убѣдить начальника гарнизона въ необходимости усилить средства почти покинутаго госпиталя въ Александровскихъ казармахъ. Комплектъ врачей при этомъ госпиталѣ былъ пополненъ врачами изъ полковъ, иностранцами и морскими врачами, вытѣсненными съ главнаго перевязочнаго пункта. Съ этихъ поръ я всецѣло отдался служенію раненымъ на Корабельной и старался по возможности быть полезнымъ во всемъ, въ чемъ только не встрѣчалъ рѣшительнаго отпора со стороны госпитальнаго регламента и госпитальной бюрократіи.

Вотъ въ какомъ положеніи застала госпитали перемѣна въ главномъ командованіи Крымскою арміей. Князь Меншиковъ оставилъ театръ войны и передалъ возложенныя на него

обязанности въ руки князя Горчакова. Здѣсь начало втораго періода Крымской войны, къ описанію котораго въ медицинскомъ отношеніи мы теперь и переходимъ.

Бросая бѣглый взглядъ на весь періодъ подъ управленіемъ князя Меншикова, нельзя не сознаться, что несмотря на ограниченность средствъ, неожиданность всей этой кампаніи и безчисленное множество препятствій, для больныхъ и раненыхъ было сдѣлано все возможное, все что̀ только была въ силахъ сдѣлать военная администрація при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Не нужно забывать, что власть князя простиралась только на Таврическій полуостровъ и главнокомандующему недоставало необходимыхъ источниковъ для правильнаго и успѣшнаго снабженія арміи. Только $\frac{5}{17}$ января 1855 г. генералъ-губернатору Новороссійскаго края, генералъ-адъютанту Анненкову, дана была Высочайшая инструкція о приведеніи въ ясность вспомогательныхъ средствъ, которыми располагали близлежащія области, для того чтобы предоставить ихъ въ распоряженіе Крымской арміи. Но едва только генералъ-губернаторъ приступилъ къ дѣлу, какъ вдругъ ему дано было другое назначеніе. Зато князь Горчаковъ, будучи главнокомандующимъ Южною арміей, неутомимо заботился объ удовлетвореніи вопіющихъ нуждъ Крымской арміи и всѣми средствами энергически содѣйствовалъ исполненію всѣхъ требованій князя Меншикова.

ЧАСТЬ II.

РАЗВИТІЕ ГОСПИТАЛЬНОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ЧАСТИ СЪ КОНЦА ФЕВРАЛЯ 1855 Г. ДО ОТСТУПЛЕНІЯ ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

ГЛАВА I.

Съ $\frac{19 \text{ февраля}}{3 \text{ марта}}$ 1855 г. до втораго бомбардированія $\frac{28 \text{ марта}}{9 \text{ апрѣля}}$.

Врачебныя силы госпиталей.—Команды выздоравливающихъ.—Мѣры новаго главнокомандующаго.—Возрастающія затрудненія.—Перевозка больныхъ.—Инструкція при перевозкѣ.—Денежныя пособія раненымъ.—Вылазка впереди Камчатскаго люнета $\frac{10}{22}$ марта.—Механизмъ перевязочнаго пункта. — Число операцій.—Результаты.—Состояніе и улучшеніе госпиталя на Корабельной.—Ревизія госпиталей.

Съ назначеніемъ новаго главнокомандующаго, князя Горчакова, который начиналъ дѣло съ большими средствами и вполнѣ организованнымъ штабомъ, можно было ожидать быстраго улучшенія медицинской части. Нельзя однакоже опускать изъ вида, съ какими затрудненіями приходилось бороться главнокомандующему, хотя бы вслѣдствіе простыхъ географическихъ условій театра борьбы. Притомъ же война—

всегда война, и по свидѣтельству исторіи, послѣ большихъ сраженій первыя пособія для больныхъ всегда были неудовлетворительны. Въ такихъ случаяхъ быстрое возрастаніе числа лицъ, нуждающихся въ помощи, превышаетъ данныя для того силы. Впрочемъ, если принятыя мѣры казались не всегда и не вполнѣ удовлетворительными, если напр. исполненіе часто оставалось далеко позади распоряженій начальника, а отсюда проистекали различные недостатки, то одну изъ основныхъ причинъ такой неурядицы слѣдуетъ искать въ заведенной искони рутинѣ чиновничества.

Врачебныя силы госпиталей.

До прибытія князя Горчакова, въ Крыму было открыто 10 госпиталей, и дана возможность помѣстить въ нихъ 17.000 больныхъ,—число, опредѣленное слѣдственною коммисіей. Но по другимъ исчисленіямъ, которыя, впрочемъ, я вправѣ считать невѣрными, можно было помѣстить только до 10.000. Въ томъ, что число, опредѣленное коммисіею, точнѣе, легко убѣдиться изъ слѣдующихъ данныхъ:

1)	Севастопольскій	постоянный	госпиталь	съ	2.130	кроват.
2)	»	временный	»	»	2.250	»
3)	Бахчисарайскій	»	»	»	610	»
4)	Симферопольскій	»	»	»	6.000	»
5)	Карасубазарскій	»	»	»	400	»
6)	Ѳеодосійскій	»	»	»	300	»
7)	Перекопскій	»	»	»	800	»
8)	Баяучскій	»	»	»	1.200	»
9)	Керченскій	»	»	»	300	»
				Итого	13.990	кроват.

Хотя бы даже эти цифры не соотвѣтствовали дѣйствительному состоянію госпиталей и отчасти существовали только на бумагѣ, всё-таки изъ нихъ можно заключить, что даже во времена князя Меншикова, при совершенномъ недостаткѣ средствъ для пособія больнымъ, достигнуты были

такіе результаты, которыхъ трудно было и ожидать. Впрочемъ, въ приведенныя мною данныя не включенъ ни морской госпиталь, ни учрежденныя внѣ госпиталей особыя отдѣленія для слабыхъ и выздоравливающихъ. По другимъ извѣстіямъ, общая сумма врачебнаго устройства въ различныхъ госпиталяхъ того времени опредѣляется такъ:

1)	Въ Севастопольскомъ постоянномъ военномъ госпиталѣ госпитальныхъ принадлежностей на . .	1.800	больн.
2)	Въ Севастопольскомъ временномъ. . .	1.200	»
3)	» Бахчисарайскомъ » . . .	400	»
4)	» Симферопольскомъ » . . .	6.000	»
5)	» Карасубазарскомъ » . . .	800	»
6)	» Ѳеодосійскомъ » . . .	1.600	»
7)	» Перекопскомъ » . . .	1.000	»
8)	» Подвижномъ госпиталѣ № 4 . . .	250	»
9)	» Керченскомъ . . .	400	»
10)	» Морскомъ . . .	1.800	»
	Итого . . .	15.250	больн.

Если даже эти числа не вполнѣ согласны съ первыми, то всё-таки тѣ и другія даютъ приблизительное понятіе о дѣйствительномъ составѣ госпиталей. Теперь уже нельзя повѣрить ихъ съ точностью, и мы думаемъ, что даже во время войны повѣрка представила бы большія затрудненія, такъ какъ госпитальныя принадлежности очень часто перемѣщались съ одного пункта на другой. Но во всякомъ случаѣ эти средства не соотвѣтствовали потребностямъ, потому что число больныхъ уже въ началѣ февраля простиралось до 25.000 (*).

Команды выздоравливающихъ.

Весьма практичною мѣрой было учрежденіе такъ называемыхъ отдѣленій выздоравливающихъ. Только благо-

(*) См. сочиненіе г. Затлера: «*О госпиталяхъ въ военное время*».

даря имъ госпитали были избавлены отъ множества людей, которые уже не нуждались ни въ какой собственно врачебной помощи, и гораздо скорѣе могли поправиться на свѣжемъ воздухѣ и на особыхъ квартирахъ, а между тѣмъ въ переполненныхъ госпиталяхъ была для нихъ ежеминутная опасность заболѣть снова. Кромѣ того, содержаніе ихъ обходилось правительству значительно дешевле. Мѣра эта была еще тѣмъ полезнѣе, что сокращала перевозки, столь вредныя для больныхъ. Больные часто не переносили безпокойствъ дороги, или, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, выздоравливали гдѣ-нибудь далеко, иногда за 1000 верстъ отъ театра войны, и принуждены были, едва поправившись, въ изношенномъ платьѣ, пѣшкомъ и по большей части не перемѣняя бѣлья, возвращаться въ полки, расположенные вокругъ Севастополя. Разумѣется, это значительно ослабляло армію и увеличивало смертность.

Князь Горчаковъ въ теченіе года увеличилъ число госпиталей до 25, съ лечебными средствами болѣе чѣмъ на 30.000 больныхъ, какъ показываетъ Высочайше утвержденная слѣдственная коммисія. Между тѣмъ изъ отчета генералъ-штабъ-доктора видно, что всѣхъ госпиталей для Крымской арміи предположено было до 34 и съ гораздо еще бо́льшими врачебными силами. Согласно показаніямъ Кременчугскаго коммисаріата, десять госпиталей, находившіеся на полуостровѣ, могли уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ принять до 30.000 больныхъ, а именно:

1)	Севастопольскій военно-сухопутный госпиталь до	2.130	больн.
2)	Севастопольскій временный госпиталь .	2.230	»
3)	Бахчисарайскій » » .	610	»
4)	Симферопольскій военный » .	8.750	»
5)	» » временный » № 14	3.300	»

6)	Симферопольскій временный госпит. № 21	2.700	больн.
7)	Баяучскій, переведенный потомъ въ Симферополь	2.010	»
8)	Карасубазарскій госпиталь	1.210	»
9)	Ѳеодосійскій, прежде Керченскій временный госпиталь	410	»
10)	Перекопскій	4.150	»
	Итого . .	27.500	больн.

Если присоединить къ этому еще подвижные госпитали №№ 1, 3, 4 и 6, которые также вскорѣ одинъ за другимъ поступили въ распоряженіе Крымской арміи, и морской госпиталь съ 1.800 кроватями, то для одного полуострова получимъ 15 госпиталей болѣе чѣмъ съ 30.000 кроватей. О госпиталяхъ внѣ Крыма и объ ихъ средствахъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Мѣры. Въ видахъ возможнаго улучшенія врачебной части, князь Горчаковъ, тотчасъ по своемъ прибытіи, потребовалъ свѣдѣнія отъ генерала Семякина, начальника штаба при князѣ Меншиковѣ, о медицинскомъ управленіи и самыхъ настоятельныхъ нуждахъ по этой части. Генералъ Семякинъ указалъ прежде всего на недостаточное число врачей. Князь немедленно распорядился о высылкѣ изъ губерній Полтавской, Харьковской, Курской и Воронежской по одному врачу отъ каждаго уѣзда. Губернскому начальству предоставлялось, по усмотрѣнію, высылать уѣздныхъ или городовыхъ врачей, а также вольно-практикующихъ, и наконецъ столько госпитальной прислуги, сколько было возможно. Далѣе новый главнокомандующій приказалъ перевести въ Крымъ изъ Южной арміи нѣсколько подвижныхъ и временныхъ госпиталей; позаботился о болѣе правильной и успѣшной перевозкѣ раненыхъ и больныхъ изъ одного гос-

питаля въ другой или во-внутрь Россіи; постарался улучшить снабженіе больныхъ продовольствіемъ; увеличилъ отдѣленія слабыхъ и выздоравливающихъ; принялъ мѣры къ своевременному доставленію перевязочныхъ матеріаловъ и лекарствъ; посылалъ постоянно довѣренныхъ лицъ, въ особенности ордонансъ-офицеровъ, генералъ-полиціймейстера, генералъ-гевальдигера и другихъ, для осмотра госпиталей, для изслѣдованія ихъ недостатковъ и самыхъ необходимыхъ потребностей; взыскивалъ за дознанныя злоупотребленія; однимъ словомъ—входилъ въ положеніе страдальцевъ и старался по возможности удовлетворить справедливымъ требованіямъ ухода за ними.

Возрастающія затрудненія.

Такимъ образомъ, если, несмотря на всѣ эти старанія, врачебное пособіе оставалось еще неудовлетворительно, если оно подавало поводъ къ постояннымъ жалобамъ, которыя усиливались со дня на день, и если наконецъ, несмотря на двухлѣтній опытъ, бѣдственное состояніе больныхъ и раненыхъ, зимою 1855—56 г., достигло высочайшей степени, то объясненіемъ этихъ явленій могутъ послужить весьма различныя обстоятельства, хотя, конечно, нельзя вполнѣ оправдывать ни распорядителей, ни исполнителей. Почти неодолимое препятствіе, противъ котораго напрасно расточали мы всю нашу энергію, состояло въ сообщеніи затруднительномъ, а иной разъ и совершенно невозможномъ, по случаю бездонной грязи. Сверхъ того, мы находились въ такой части государства, гдѣ война уже все истощила и опустошила, гдѣ не было корму для скота и даже вода доставалась иногда съ затрудненіями. Эти самыя обстоятельства, въ высшей степени затруднявшія снабженіе арміи жизненными припасами и военными снарядами, еще тяжелѣе ложились на доставку госпитальныхъ средствъ и перевозку больныхъ. Другимъ огромнымъ пре-

пятствіемъ, парализовавшимъ исполненіе нѣкоторыхъ необходимыхъ мѣръ, можно бы назвать сложное, проникнутое формализмомъ управленіе коммисаріата, медицинскаго департамента и самаго штаба главнокомандующаго. Между тѣмъ какъ многіе полагали, будто полный комплектъ штаба значительно облегчаетъ труды князя Горчакова, на дѣлѣ же онъ былъ для главнокомандующаго скорѣе препятствіемъ и бременемъ, нежели подмогой. Далеко развѣтвленная и состоящая въ непрерывной связи бюрократія опутывала все дѣло снабженія арміи и препятствовала его успѣшности. Въ тяжелое военное время производилась живая и постоянная переписка о многоразличныхъ мѣрахъ, распоряженіяхъ и планахъ. Но большей частью эти распоряженія и планы оставались на бумагѣ. Усовершенствованіе помѣщеній и кроватей, устройство сушиленъ,—все это было предметомъ самыхъ усердныхъ письменныхъ разсужденій и осталось только мертвою буквой. Система бумажной дѣятельности заходила такъ далеко, что больные даже рисковали остаться исключительно на бумажномъ кормѣ, и дѣйствительно, было время, когда въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ переписка между различными вѣдомствами составляла почти единственное существенное продовольствіе больныхъ (мнѣніе Высочайше учрежденной коммисіи).

При князѣ Меншиковѣ продовольствованіе арміи и особенно медицинское управленіе были неудовлетворительны, потому что единству и сосредоточенности дѣйствій препятствовалъ безпорядокъ въ администраціи и отсутствіе единства въ управленіи медицинской частью, о чемъ уже упомянуто выше. При князѣ Горчаковѣ кажущееся единство повидимому установилось, но бумажная система, безконечныя переписки и запаздываніе принимаемыхъ мѣръ

были такимъ камнемъ преткновенія, о который разбивались всѣ усилія.

Главными лицами врачебнаго управленія, у которыхъ находились или должны были находиться въ рукахъ всѣ его нити, были: дежурный генералъ Ушаковъ, директоръ госпиталей генералъ Остроградскій, генералъ-штабъ-докторъ Шрейберъ и отчасти генералъ-интендантъ Затлеръ. Эти лица только въ такомъ случаѣ могли бы произвести нѣчто удовлетворительное, если бы, при административныхъ дарованіяхъ и неутомимой дѣятельности, они еще были бы воодушевлены истинной любовью къ своему дѣлу.

Князь Горчаковъ принялъ на себя командованіе арміею въ такое время, когда, съ одной стороны, сосредоточеніе значительной массы войскъ и большая энергія военныхъ дѣйствій увеличивали потребность въ госпиталяхъ, а съ другой—скопленіе больныхъ, по случаю пріостановившейся на зимніе мѣсяцы перевозки, все возрастало.

Перевозка больныхъ.

Такимъ образомъ, средства для этой перевозки необходимо было соображать съ случайностями войны, такъ какъ число выздоравливавшихъ не соотвѣтствовало постоянно возраставшему числу раненыхъ. До прибытія князя Горчакова, Крымская армія, собственно говоря, не имѣла никакихъ средствъ для правильной перевозки; все дѣло предоставлено было случаю и принимались мѣры, только вынужденныя необходимостью. Въ штабѣ князя Меншикова не состояло даже лицъ, которымъ было бы вмѣнено въ обязанность заботиться о доставленіи средствъ для перевозки. Съ прибытіемъ же князя Горчакова эта обязанность возложена была на дежурнаго генерала Ушакова и на генерала Остроградскаго, директора госпиталей. Но хотя перевозка производилась почти непрерывно весною и лѣтомъ 1855 г., всё-таки она находилась въ самомъ жалкомъ видѣ

въ теченіе всей войны. Еще въ мартѣ учреждена была постоянная высылка больныхъ изъ Симферополя въ Херсонъ и Николаевъ; для этой цѣли заведены этапы съ 35-ю наемными подводами, такъ что въ томъ же мѣсяцѣ 1.036 больныхъ доставлены были въ Симферополь. Изъ Николаева предполагалось отправлять ихъ въ Вознесенскъ, а оттуда— въ госпитали херсонскихъ военныхъ поселеній. Въ апрѣлѣ 10.641 больныхъ переведены были въ Симферополь, Херсонъ и Николаевъ; изъ нихъ 9.879 челов. сухопутной арміи и 762 флотскихъ. Въ концѣ того же мѣсяца приказано было выбрать изъ крымскихъ госпиталей 3.500 челов., для перевода ихъ въ нѣмецкія колоніи Екатеринославской губерніи. Ихъ вывезли въ началѣ мая нѣмецкіе колонисты, которые вообще, въ продолженіе всей Крымской кампаніи, оказали арміи много услугъ. При этомъ случаѣ они взяли на собственное попеченіе 2.600 больныхъ, а остальные 900 имп доставлены были въ открытый тогда Павлоградскій госпиталь.

Инструкціи. Въ виду перевозки больныхъ и раненыхъ, составлены были особыя правила для медиковъ, а также инструкція для госпиталей и транспортныхъ начальниковъ.

Врачамъ, сопровождавшимъ больныхъ и раненыхъ изъ одного госпиталя въ другой, кромѣ наставленій I части, кн. IV, разд. III, гл. 2, ст. 1237—1276, вмѣнялось въ обязанность слѣдующее:

1) Свидѣтельствовать качество продовольственныхъ припасовъ, отпускаемыхъ для транспорта, и въ случаѣ недоброкачественности таковыхъ, настаивать объ ихъ перемѣнѣ.

2) При пріѣздѣ на ночлегъ заботиться объ удобномъ расквартированіи, въ особенности болѣе трудныхъ больныхъ и раненыхъ, а въ случаѣ нужды—дѣлать новую перевязку.

3) Утромъ на другой день, до выѣзда съ мѣста ночлега, осматривать больныхъ и раненыхъ, давать имъ медицинское пособіе и перевязывать послѣднихъ.

4) Въ дорогѣ имѣть строгое наблюденіе, чтобы пища приготовлялась хорошаго качества и въ достаточномъ количествѣ, чтобъ она раздаваема была своевременно, и чтобы всѣ люди каждое утро напоены были сбитнемъ. Для продовольствія больныхъ во время пути, полагается на каждаго, въ день: ржанаго хлѣба 2 фунта, или сухарей— $1^1/_4$ фунта, говядины—1 фунтъ, крупъ гречневыхъ или ячныхъ — $^1/_2$ фунта, соли — 7 золотн., уксусу ренскаго— по одной бутылкѣ на восемь человѣкъ (ст. 1264). При выѣздѣ съ мѣста ночлега, дается больнымъ сбитень, приготовляемый въ слѣдующей пропорціи: на двадцать больныхъ — 25 фунт. воды, $1^1/_2$ фунта меду и 3 золотн. толченаго инбирю или 2 золотн. толченаго чернаго перцу (ст. 1266). Если для больнаго, въ случаѣ усилившихся страданій, потребуется болѣе легкая пища, то транспортный медикъ обязанъ заявить транспортному офицеру сообразное требованіе. Въ холодное и сырое время назначается больнымъ хлѣбное вино, по $^1/_2$ кружки на человѣка, если болѣзнь тому не препятствуетъ.

Инструкція для руководства конторамъ госпиталей и транспортнымъ начальникамъ.

Въ опредѣленіи количества подводъ предписано было руководствоваться слѣдующимъ примѣрнымъ разсчетомъ:

Собственно для раненыхъ и ампутированныхъ, которые сами не могутъ двигаться, назначать по одноконной подводѣ на каждаго и на ту же подводу сажать еще одного изъ легко-больныхъ, который могъ бы быть полезенъ своими услугами; для больныхъ не раненыхъ и не ампутированныхъ, но совершенно лишенныхъ возможности ходить,— по одноконной подводѣ на троихъ, а для такихъ субъектовъ, которые уже въ состояніи идти пѣшкомъ, — по

такой же подводѣ на 4, 6 и болѣе человѣкъ, предполагая, что хотя они и не помѣстятся всѣ вдругъ, но могутъ отдыхать на повозкѣ чередуясь.

Общій счетъ подводъ долженъ быть такой, чтобы на четыре человѣка больныхъ приходилась одна одноконная подвода.

При выступленіи съ мѣста, а также при выѣздѣ съ ночлеговъ, больные должны быть утромъ напоены сбитнемъ, а потомъ накормлены обѣдомъ, такъ чтобы не позже 9 час. утра транспортъ былъ уже въ дорогѣ. Затѣмъ транспортному офицеру вмѣняется въ обязанность, чтобъ ужинъ былъ розданъ больнымъ тотчасъ по прибытіи ихъ на ночлегъ. Для сего должны быть высылаемы впередъ расторопные люди, кухни и повара.

Пища во время пути должна быть всегда изъ свѣжихъ припасовъ, вкусная и питательная (по положенію, согласно 1264, 1265 и 1266 ст. IV кн. I ч. Свода Воен. Постановл.), что̀ поручается особливому наблюденію транспортнаго медика, который обязанъ каждый разъ опрашивать больныхъ и, въ случаѣ справедливой претензіи ихъ, немедленно доносить о томъ прямо директору госпиталей. Далѣе слѣдуютъ наставленія о качествѣ хлѣба, прочихъ жизненныхъ припасовъ и т. д.

Изъ приведенныхъ правилъ нетрудно усмотрѣть, что если противъ содержанія ихъ едва-ли можно что-либо замѣтить, зато они такъ общи, что и польза, вытекающая изъ нихъ, очень ограниченна. Во всякомъ случаѣ, эти правила совершенно умалчиваютъ о средствахъ для исполненія. Такъ напр., въ случаѣ дурной пищи, врачъ едва-ли нашелъ бы возможнымъ настоятельно требовать лучшей, когда, среди опустошеннаго края, никакой другой нельзя было найти. Хотя въ Крыму и учреждены были станціи

для удобства больныхъ (предложеніе медицинскаго департамента генералъ-штабъ-доктору $\frac{29 \text{ января}}{10 \text{ февраля}}$ 1855 г.), но о дѣйствительномъ ихъ существованіи развѣ можно сказать, что онѣ, служа этапными пунктами для выставленныхъ подводъ, не представляли никакихъ удобствъ для успокоенія страдальцевъ.

Съ прибытіемъ новаго главнокомандующаго и наступленіемъ весны, оживились военныя дѣйствія. Вмѣсто небольшихъ вылазокъ, производившихся малыми командами охотниковъ, обороняющійся началъ дѣлать вылазки значительными отрядами. Съ $\frac{5}{17}$ на $\frac{6}{18}$ марта сдѣлано было нападеніе на Камчатскій люнетъ, слѣдствіемъ котораго, по армейскимъ спискамъ, была потеря 171 челов., за исключеніемъ моряковъ. Изъ числа 87 раненыхъ, принятыхъ на перевязочный пунктъ, семерымъ пришлось произвести большія операціи, изъ которыхъ только двѣ имѣли благопріятный исходъ (отнятіе лѣваго бедра и вылущеніе лѣваго плеча); такимъ образомъ, процентъ исцѣлившихся былъ 28,5,

Можно полагать, что означенное число раненыхъ не выражаетъ полнаго числа являвшихся на перевязочный пунктъ, потому что въ ежедневныхъ рапортахъ не были показаны тѣ изъ легко-раненыхъ и контуженныхъ, которые съ перевязочнаго пункта тотчасъ возвращались во фронтъ. Число такихъ людей возрасло, особенно съ февраля мѣсяца, когда, по Высочайшему повелѣнію, всѣмъ, которые, получивъ легкую рану, опять возвращались въ ряды, выдавалось вознагражденіе въ два рубля.

Денежныя пособія раненымъ и изувѣченнымъ производились между тѣмъ своимъ порядкомъ и простирались отъ 1 до 150 рубл. Эту послѣднюю сумму получали раненые, потерявшіе два члена. Съ самаго начала, когда Великіе Князья стали впервые раздавать такія награды, и до опи- Денежныя пособія.

сываемаго нами времени, опредѣленныя къ раздачѣ суммы вручались непосредственно раненымъ. Но такого рода пособія вовсе не достигали своей цѣли: деньги издерживались безъ всякой пользы и большей частью даже ко вреду больныхъ. Раненые или получали пособіе во время горячки, въ такомъ именно состояніи, когда имъ было не до денегъ, или, дѣйствительно, еще въ силахъ были чувствовать радость при видѣ награды. Но въ обоихъ случаяхъ, во время неизбѣжно тяжелаго хода болѣзни, у нихъ появлялось горячечное состояніе, бредъ и т. д., а деньги были похищаемы и переходили въ руки прислужниковъ и фельдшеровъ, такъ что, когда раненые начинали поправляться, у нихъ опять ничего не оказывалось. Если же они умирали, прислуга забирала и то, что послѣ нихъ осталось. Субъекты же, успѣвавшіе сохранить полное сознаніе, нерѣдко тратились на покупку различнаго рода съѣстныхъ припасовъ, несоотвѣтствовавшихъ состоянію ихъ болѣзни, и въ госпиталѣ заводилась вредная контрабандная торговля. Но ни въ какомъ случаѣ деньги не достигали предположенной цѣли.

Безполезность такого рода раздачи наградъ до того очевидна, что не нужно было и представленій для ея отмѣны; даже сами раненые, хотя нѣкоторые не безъ сопротивленія, соглашались отдавать деньги на сохраненіе сестрамъ милосердія, которымъ поручалось также и все остальное имущество больнаго солдата. Вообще раненый довольно рѣдко приходилъ на перевязочный пунктъ безъ денегъ; въ маѣ и іюнѣ у сестеръ милосердія, въ Корабельной, собралась на храненіи сумма, если не ошибаюсь, до 60.000 рубл. сер.

Въ морскомъ вѣдомствѣ раздача наградъ производилась другимъ образомъ. Генералъ-адмиралъ Великій Князь Кон-

стантинъ поручилъ это камеръ-юнкеру Мансурову. Самыя пособія раздѣлены были по степенямъ, и каждому раненому, при поступленіи его въ госпиталь, давалось свидѣтельство, по которому онъ, исцѣлившись, могъ требовать себѣ пособія.

Вылазка впереди Камчатскаго люнета.

Ночью съ $\frac{10}{22}$ на $\frac{11}{23}$ марта произошло значительное дѣло впереди Камчатскаго люнета. Это была вылазка генерала Хрулева. Вечеромъ, поздно, начальникъ гарнизона извѣстилъ меня о предстоявшемъ дѣлѣ. Пироговъ въ это время былъ боленъ.

Хотя строго было приказано распредѣлять раненыхъ, при поступленіи ихъ, систематически, смотря по важности и роду ранъ, — это распоряженіе не было однако соблюдено. Залы различныхъ зданій, первоначально назначенныя для операцій, не могли вмѣстить всѣхъ раненыхъ. Въ темнотѣ ночи безпрестанно происходили недоразумѣнія: раненые попадали не туда, куда имъ слѣдовало по первоначальному предположенію. Наконецъ, все такъ переполнилось, что больныхъ, безъ различія важности ранъ, складывали тамъ, гдѣ могли. Всѣ мѣста въ помѣщеніи перевязочнаго пункта и вокругъ него были до того наполнены, что на второй половинѣ тысячи раненые уже и совсѣмъ не достигали назначеннаго мѣста. Сообщеніе въ самыхъ зданіяхъ было почти преграждено изувѣченными и ихъ носильщиками. Притомъ господствовалъ совершенный мракъ, такъ что носильщики даже не старались проникнуть на перевязочный пунктъ, а складывали свои ноши прямо въ коридорахъ, сѣняхъ, или наконецъ въ какой-нибудь части казармъ, гдѣ только находилось свободное мѣсто.

Слѣдующія строки изъ моего дневника даютъ нѣкоторое понятіе о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое выносили многіе очевидцы съ перевязочнаго пункта:

«Когда я вступилъ на перевязочный пунктъ, какое зрѣлище мнѣ представилось! Вся зала была биткомъ набита ранеными, ожидавшими операцій. Тѣ, для которыхъ нашлось еще мѣсто, лежали на кроватяхъ, остальные — на полу, длинными, ужасными рядами. Въ одномъ изъ угловъ были плѣнные французы—зуавы или линейные солдаты; они группировались полулежа, полусидя, прислонившись къ стѣнѣ. Даже небольшая часть залы, отведенная для помѣщенія медиковъ, быстро наполнилась изувѣченными; на кроватяхъ, которыя не заняты были серьезно заболѣвшими врагами, тихо стонали тяжелораненые».

«Съ трепетнымъ чувствомъ печали и глубочайшаго уваженія, проникъ я въ это скопище страдальцевъ. И когда смотрѣлъ на блѣдныхъ, опаленныхъ порохомъ нашихъ храбрецовъ съ разбитыми и окровавленными членами, но съ выраженіемъ спокойствія, покорности, даже нѣкотораго довольства на лицѣ, я невольно подумалъ: «съ такою арміей можно завоевать міръ!» Легко себѣ представить, но нельзя описать ощущеній, съ которыми смотришь на то, какъ оторванная съ сапогомъ нога лежитъ возлѣ раненаго, а онъ преспокойно вынимаетъ изъ-за голенища кисетъ и трубочку, или проситъ служителя вынести ногу, но возвратить сапогъ! Одного изъ подобныхъ храбрецовъ я хорошо замѣтилъ. Онъ терпѣливо лежалъ на постели и, повидимому, съ особеннымъ удовольствіемъ попыхивалъ табачнымъ дымомъ. Это свѣтлое настроеніе духа и совершенный комфортъ были ужъ слишкомъ поразительны среди общихъ страданій, такъ что я невольно вообразилъ, будто человѣкъ попалъ сюда ошибкой. «Что съ тобою?»—обратился я къ нему. «Да небольшая бѣда! помогайте прежде другимъ, кому хуже». Я приподнялъ шинель—и содрогнулся: мякоть всего праваго бедра вырвана огромнымъ кускомъ до самой кости, и этотъ человѣкъ спокойно, съ полнымъ удовольствіемъ, покуриваетъ себѣ трубочку! Но онъ не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ, потомъ я еще видѣлъ много подобныхъ храбрецовъ. Вообще, если думаютъ, что при такомъ огромномъ количествѣ тяжело-раненыхъ, человѣческія страданія и весь ихъ ужасъ должны выражаться страшными стонами, жалобами, криками, то это грубая ошибка. Большей частью несчастные страдальцы лежатъ спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ, и только время отъ времени острая боль вызываетъ у того, другаго тяжелый вздохъ, слабый крикъ, или тихій, мѣрно-повторяющійся стонъ! Кому, для возбужденія религіознаго чувства, необходимо громкое церковное пѣніе, музыка или торжественныя церемоніи, тотъ долженъ бы поспѣшить сюда: онъ почувствовалъ бы, какъ всякій тихій вздохъ проникаетъ въ тончайшіе

нервы нашего сердца; онъ узналъ бы, что есть звуки страданія и музыка стоновъ, которые, даже безъ льстивой плавности и сладкой мелодіи, могутъ взволновать внутреннее чувство до глубочайшихъ его изгибовъ и тайнымъ трепетомъ проникнуть въ душу».

«Я часто слышалъ отъ иныхъ генераловъ: «Сюда, на перевязочный пунктъ, слѣдуетъ пригласить виновниковъ войны, чтобы сердце ихъ наполнилось духомъ мира и согласія». Мнѣ кажется, что это было бы небезполезно для всѣхъ вообще. Вѣдь не отдѣльныя же личности были единственными виновниками войны? Ее, безъ сомнѣнія, вызвала роковая необходимость и такое стеченіе обстоятельствъ, которое устранить отдѣльныя личности не были въ силахъ».

«Судьбы человѣчества, конечно, не зависятъ отъ расположенія или каприза отдѣльныхъ лицъ—этими судьбами управляетъ Провидѣніе, избирающее себѣ извѣстныя единицы только какъ орудіе. Такимъ образомъ, при видѣ ужасной массы страданія и крови, я могъ утѣшать себя мыслью, что тысячи и тысячи жертвуютъ собою ради искупленія ошибокъ человѣчества, что своей смертью покупаютъ они освобожденіе и благополучіе, можетъ быть, милліоновъ, что своей кровью поливаютъ они сѣмя свободы и человѣческихъ правъ—и будущія поколѣнія возрастутъ и возмужаютъ подъ благотворнымъ вліяніемъ созрѣвшей жатвы! Однимъ словомъ, думалъ я, невозможно, чтобы вся эта невинная кровь проливалась понапрасну, чтобы, хотя за эту цѣну, не возсіяла заря, которая озаритъ временемъ счастье половины земнаго шара» (Севастополь, 12 марта 1855 г.).

Механизмъ перевязочнаго пункта.

Прежде всего мы старались сдѣлать хотя нѣкоторый пересмотръ раненымъ и завести порядокъ. Затѣмъ слѣдовало позаботиться о возможно скорой помощи для тѣхъ, которымъ она была болѣе необходима, и въ особенности объ ускореніи операцій. Чтобы раздѣлить и облегчить этотъ трудъ, рѣшено было выбрать около сотни раненыхъ, въ особенности съ поврежденіемъ костей верхнихъ конечностей, и перевезти ихъ по водѣ, черезъ Южную бухту, на Городскую сторону, гдѣ находился перевязочный пунктъ подъ руководствомъ Пирогова. Изъ нихъ подверглись ампутаціи 52 челов., именно: въ первый день—20, во вто-

рой—32. Вообще потеря съ нашей стороны, по полковымъ спискамъ и дневнымъ рапортамъ, въ этомъ дѣлѣ простиралась до 1.698 челов., изъ которыхъ 394 убиты и 1.304 ранены.

Первая забота на перевязочномъ пунктѣ Корабельной состояла въ очисткѣ залы, чтобъ имѣть мѣсто для операцій. Такимъ образомъ, сперва опростали средину, гдѣ рѣшено было поставить столы. Всякій оперированный тотчасъ отсылался въ госпиталь, такъ что къ вечеру всѣ раненые были вынесены изъ перевязочной залы. Затѣмъ начали мы отыскивать въ разныхъ мѣстахъ госпиталя такихъ раненыхъ, надъ которыми слѣдовало произвести операцію. Очевидно, что для нихъ медицинское пособіе всего нужнѣе и не терпитъ отлагательства. По нашимъ наблюденіямъ въ Крыму, остановка кровотеченія (что̀ также принадлежитъ къ числу хирургическихъ операцій) только въ рѣдкихъ случаяхъ составляетъ настоятельную необходимость. Примѣры поврежденія большихъ сосудовъ безъ разрушенія костей такъ рѣдки, что въ продолженіе всей Крымской войны можно указать лишь нѣсколько подобныхъ случаевъ. Кровотеченія вообще бываютъ гораздо меньше, чѣмъ это могло бы казаться. Даже при оторваніи членовъ, слѣдовательно, когда порваны всѣ большіе сосуды, они такъ мало встрѣчаются на перевязочномъ пунктѣ, что почти никогда не требуютъ скорой предварительной перевязки до ампутаціи. Отъ потери-ли крови на полѣ сраженія, или отъ потрясенія всей нервной системы, кровообращеніе приходитъ въ упадокъ и образовавшійся свертокъ (thrombus) можетъ остановить истеченіе крови на нѣсколько часовъ.

Число операцій.

Въ первый день, т. е. $\frac{11}{23}$ марта, на перевязочномъ пунктѣ Корабельной произведено было 25 большихъ операцій. Число это кажется незначительнымъ, но принимая въ сооб-

раженіе вышеприведенныя обстоятельства, а именно тѣсноту, и то, что раненыхъ, нуждавшихся въ операціи, приходилось искать въ разныхъ мѣстахъ, легко понять, отъ чего, при самомъ упорномъ напряженіи силъ, нельзя было сдѣлать болѣе. Если же принять еще во вниманіе недостатокъ въ медикахъ (числомъ 8) и способныхъ помощникахъ, а также потерю времени на усыпленіе посредствомъ хлороформа, то дѣло объяснится само собою.

Пироговъ въ этотъ день въ первый разъ послѣ болѣзни вышелъ изъ комнаты и на Южной сторонѣ самъ принималъ участіе въ операціяхъ. Онъ одинъ сдѣлалъ 10 ампутацій въ продолженіе $1^3/_4$ часа; столько же сдѣлано другими. Само собою, здѣсь не считается хлороформированіе, которое одно требуетъ каждый разъ 10, иногда и 20 минутъ. Пока Пироговъ ампутировалъ одного раненаго, другому, между тѣмъ, дѣлали перевязку, а третьяго—хлороформировали. Такимъ же порядкомъ ампутировалъ и я въ Александровскихъ казармахъ 15 раненыхъ сряду въ теченіе $2^1/_2$ час., причемъ я самъ перевязывалъ большіе сосуды. Между тѣмъ, подобный трудъ изнуряетъ почти до изнеможенія, и ни одинъ врачъ не былъ въ состояніи произвести больше 20 большихъ операцій въ день. По быстротѣ операцій на трупахъ, можно было бы ожидать, что медикъ легко можетъ работать съ такой же скоростью и на живыхъ людяхъ. Зная, что отнятіе члена часто занимаетъ только двѣ, одну или даже полминуты, можно бы подумать, что 50, 100 и больше ампутацій не стоютъ большаго труда. Однако мы считаемъ такое число невозможнымъ и заключаемъ это въ особенности изъ того, что въ Севастополѣ не встрѣчали медика, который сдѣлалъ бы болѣе 20 ампутацій въ день. Мы не думаемъ сказать, чтобъ это было предѣломъ возможнаго, если ужъ кто непремѣнно захочетъ настоять. Но послѣ нѣкотораго числа большихъ операцій, всякій врачъ охотно отдавалъ ножъ товарищу, обращаясь къ другимъ хирургическимъ занятіямъ.

Мы едва можемъ опредѣлить, что̀ собственно столько утомляетъ при ампутаціи: есть-ли это принужденное положеніе, физическое напряженіе, или нравственное состояніе въ операторѣ? Но были медики, которые безъ остановокъ вынимали изъ ранъ до 50 пуль и больше, безъ всякой усталости и какъ бы шутя, хотя это дѣло бываетъ часто хлопотливѣе правильной ампутаціи; другіе, въ дни большихъ сраженій, извлекали пули и перевязывали раны до начала ампутацій, а потомъ принимались за нихъ съ полной бодростью; между тѣмъ, нѣсколько ампутацій сряду требуютъ уже извѣстнаго отдыха.

Въ первый же день сестры милосердія уже дѣйствовали на перевязочномъ пунктѣ, и мы не можемъ не упомянуть здѣсь съ большой признательностью объ одной изъ нихъ, госпожѣ Барщевской. Она трудилась съ самаго утра до поздняго вечера, и не было почти ни одной большой операціи, при которой не помогла бы она, съ величайшей ловкостью перевязывая захватываемыя операторомъ артеріи. Мы думаемъ, что эта часть дѣла вообще гораздо успѣшнѣе и ловчѣе производится руками женщинъ, если только онѣ могутъ побѣдить въ себѣ боязнь крови, потому что у женщинъ въ этомъ отношеніи болѣе навыка, такое дѣло ближе къ ихъ занятіямъ, нежели къ занятіямъ мужчины, наконецъ самое устройство и подвижность пальцевъ даютъ имъ въ этомъ случаѣ значительныя преимущества. Такъ, въ перевязочномъ пунктѣ, на Южной сторонѣ, былъ 13-ти-лѣтній мальчикъ, котораго никто не могъ превзойти въ скорости и точности при перевязкѣ артерій, такъ что каждый операторъ спѣшилъ пригласить его въ ассистенты.

Результатъ операцій.

На третій день послѣ вылазки впереди Камчатскаго люнета послѣдняя операція на Корабельной была кончена. Всѣхъ ампутацій произведено 74; смертныхъ исходовъ—63, выздоровленій—только 11, именно: 2 вылущенія лѣваго плеча, 2 ампутаціи праваго бедра, 2 ампутаціи лѣваго и 2 ампутаціи праваго плеча, 2 правой голени и 1 лѣваго пред-

плечія. И такъ, отношеніе исцѣлившихся было около 15%, или 85% смертности. Изъ первыхъ 25 оперированныхъ выздоровѣлъ только 1, изъ первыхъ 48—только 3, а изъ слѣдующихъ, т. е. отъ № 48 до № 57, слѣдовательно изъ 9 оперированныхъ, выздоровѣло 7; отъ № 57 до № 74—опять только 1.

Изобрѣтательный и заботящійся о своей славѣ статистикъ могъ бы, съ спокойной совѣстью, сказать, что изъ девяти оперированныхъ выздоровѣло семь и, пожалуй, прибавить, что двумъ умершимъ приходилось дѣлать ампутацію весьма высоко, на верхней части бедра, послѣ сильной потери крови. Въ этомъ еще не было бы лжи. Объ остальныхъ же 65 случаяхъ, изъ которыхъ только 4 имѣли желанный результатъ, можно бы и вовсе умолчать.

Врачу-статистику есть еще и другой исходъ. Онъ могъ бы бо́льшую часть операцій, именно 25, произведенныхъ въ первый день (почти однѣ ампутаціи бедра), вовсе не считать, причисливъ ихъ только къ особаго рода перевязкѣ ранъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ эти операціи предприняты были безъ большой надежды на успѣхъ, иныя—даже безъ всякой. Раздробленіе бедра, доходившее до большаго вертела, истощеніе отъ предшествовавшаго кровотеченія оторваннаго члена, иногда даже отсутствіе пульса, появляющаяся опухоль члена съ охлажденіемъ его, совершенное разрушеніе мягкихъ частей,—все это явленія такого рода, что не могутъ обѣщать благопріятнаго исхода. Правда, при этомъ можно бы было предложить вопросъ: къ чему же дѣлать операцію въ безнадежныхъ случаяхъ, если нѣтъ правильныхъ указаній? Мы отвѣтимъ слѣдующее: эти такъ называемыя правильныя указанія изобрѣтены хирургами, для огражденія ихъ славы. Операторы же, которымъ благо людей дороже собственной извѣстности, дѣлали и будутъ дѣлать операціи при всей невѣроятности успѣха: во первыхъ, потому что никогда нельзя знать, на сколько жизненныя силы больнаго, даже въ отчаянныхъ случаяхъ, мо-

гутъ посрамить холодный разсчетъ хирурга; во вторыхъ, потому что самая гигіена, самая заботливость о пользѣ госпиталя и другихъ раненыхъ требуютъ, чтобы широко-разорванная и размозженная рана, какъ напр. при оторваніи члена, ведущая къ гнойнымъ инфильтраціямъ и гангренамъ, измѣнена была въ чистую посредствомъ ампутаціи (въ такихъ случаяхъ ампутація, въ самомъ дѣлѣ, есть нѣкотораго рода перевязка); наконецъ, въ третьихъ, потому что этого требуетъ нравственный интересъ больнаго и прочихъ раненыхъ. Именно, больной, при сильно-раздробленномъ или оторванномъ членѣ, безъ ампутированія, страдаетъ гораздо больше, всякое движеніе причиняетъ ему ужасныя боли. Онъ самъ проситъ операціи и, въ случаѣ отказа, считаетъ себя или кинутымъ на произволъ судьбы по небрежности, или безнадежнымъ. Это же дѣйствуетъ вредно не только на него, но и на всѣхъ окружающихъ. Въ подобныхъ случаяхъ ампутація есть дѣйствіе, произведенное въ угоду больному (opération de complaisance), и можетъ быть разсматриваема просто какъ приготовленіе къ перевязкѣ.

Наконецъ, статистику оставалось бы избрать еще третій путь для обнародованія благопріятныхъ результатовъ. Ему слѣдовало бы показать только число выздоровленій, вмѣсто конца втораго или третьяго мѣсяца, въ концѣ перваго, когда уже, повидимому, можно быть покойнымъ относительно исхода болѣзни; однакоже, тѣмъ не менѣе, мы должны были показать смертные исходы операцій $^{10}/_{22}$ марта, обнаружившіеся только въ половинѣ мая, вслѣдствіе госпитальнаго тифа.

Дѣйствительно, врачи-статистики уже успѣли своими отчетами привести дѣло къ тому, что для показанія результатовъ, въ родѣ упомянутыхъ выше, нужно имѣть достаточную силу характера и глубокое убѣжденіе. Поэтому считаю своей обязанностью ближе разъяснить дѣло.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ и указанія принциповъ, которыми я руководствовался при производствѣ операцій, должно еще замѣтить здѣсь, что числа

74 : 11 всё-таки не служатъ правильнымъ выраженіемъ результата всѣхъ операцій въ совокупности, но показываютъ процентъ менѣе благопріятный, нежели въ дѣйствительности, потому что на перевязочномъ пунктѣ Корабельной производимы были операціи почти исключительно надъ тяжелоранеными, надъ такими, которые едва могли быть перенесены и у которыхъ оказывались сильныя поврежденія нижнихъ конечностей. Доказательствомъ можетъ служить то, что изъ 74 ампутацій 41 состояли въ отнятіи бедра. Раненые съ поврежденіями верхнихъ конечностей, дающими несравненно лучшій результатъ, были почти всѣ перевезены на Городскую сторону. Наконецъ, нельзя утаить, что піемія, гангрена и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вторичныя кровотеченія (также вслѣдствіе гангрены) похищали оперированныхъ, какъ и вообще раненыхъ, въ несоразмѣрномъ количествѣ.

Послѣ дѣла $\frac{10}{22}$ марта, потери наши на Городской сторонѣ снова сдѣлались значительнѣе чѣмъ на Корабельной. Въ это время главный перевязочный пунктъ Городской стороны снова переведенъ былъ въ домъ дворянскаго собранія, послѣ его продолжительнаго провѣтриванія, и состоялъ подъ управленіемъ Пирогова. О числѣ произведенныхъ здѣсь операцій мы не могли получить точныхъ свѣдѣній. Можно только сказать, что со дня оставленія мною завѣдыванія этимъ перевязочнымъ пунктомъ, т. е. $\frac{20\ \text{января}}{1\ \text{февраля}}$, и по $\frac{10}{22}$ апрѣля, т. е. до конца втораго бомбардированія, число это простиралось до 500. Относительно результатовъ нѣтъ точныхъ данныхъ. Число же оперированныхъ на главномъ перевязочномъ пунктѣ Корабельной стороны, въ Александровскихъ казармахъ, простиралось съ $\frac{11}{23}$ марта до втораго бомбардированія, т. е. въ теченіе 14 дней, до 79, при 500—600 раненыхъ. Большая часть поврежденій произведена была тяжелыми артиллерійскими снарядами, такъ что процентъ ампутацій

былъ относительно большій, чѣмъ обыкновенно бываетъ при другихъ огнестрѣльныхъ ранахъ. Изъ 79 оперированныхъ выздоровѣло 14, а именно:

ампутація	праваго бедра.	2
»	лѣваго »	3
»	правой голени.	2
»	лѣвой »	1
»	въ сочлененіи стопы . .	1
»	праваго плеча.	1
»	лѣваго »	3
»	» предплечія . . .	1
	Итого	14.

Правой стороны—5, лѣвой—9. Процентъ исцѣленія слѣдовательно былъ 17,7, т. е. благопріятнѣе нежели $\frac{10}{22}$ марта, когда большая часть поврежденій произошла отъ коническихъ пуль.

Состояніе и улучшеніе госпиталей.

Такой результатъ можетъ показаться страннымъ, такъ какъ случаи поврежденія произведены были артиллерійскими снарядами. Но онъ легко объясняется, если принять во вниманіе, что въ это время матеріальная часть госпиталя была значительно улучшена, что пораженныхъ гангреной и піеміей удаляли въ отдѣльныя камеры, что доставка раненыхъ производилась въ порядкѣ, и что, наконецъ, процентъ выздоровленій раненыхъ въ дѣлѣ $\frac{10}{22}$ марта былъ неблагопріятенъ главнымъ образомъ оттого, что тогда въ Александровскихъ казармахъ имѣли дѣло только съ тяжелыми случаями и съ поврежденіями нижнихъ конечностей.

Въ это время со всѣхъ сторонъ стали раздаваться жалобы противъ аптеки, но несмотря на ревизіи и взысканія, недостатки ея были мало исправляемы, такъ какъ въ сложномъ механизмѣ управленія одно начальство прикрывало другое. Аптека ссылалась на Херсонскій коммисаріатъ, ко-

торый, по ея словамъ, несмотря на требованія, или вовсе не доставлялъ нужныхъ припасовъ, или присылалъ залежалые, дурнаго качества. Если же, кромѣ того, требованія ординаторовъ ежедневно оставлялись безъ вниманія, то это зависѣло отъ формализма службы и несамостоятельнаго положенія этихъ ординаторовъ. Чтобы по возможности установить достаточный отпускъ необходимыхъ предметовъ, рѣшено было взять у аптекаря вино, водку и перевязочный матеріалъ, для передачи ихъ въ руки сестеръ милосердія, которыя дѣйствительно, по требованію врачей, выдавали больнымъ соотвѣтственное количество, безъ всякаго уменьшенія. Такая мѣра казалась полезною, даже необходимою уже и потому, что для аптеки почти не было физической возможности приготовлять и добросовѣстно отпускать требуемыя лекарства, такъ какъ всѣ ея рабочія силы заключались въ одномъ провизорѣ и двухъ ученикахъ изъ кантонистовъ отъ 16 до 18 лѣтъ отъ роду. Этимъ лицамъ приходилось удовлетворять запросы двухъ перевязочныхъ пунктовъ и двухъ госпиталей, всего въ совокупности почти на 3.000 больныхъ, потому что Городской перевязочный пунктъ и принадлежащее къ нему госпитальное отдѣленіе получали лекарства изъ той же аптеки. Между тѣмъ, въ обоихъ госпитальныхъ отдѣленіяхъ больные состояли только изъ раненыхъ, и слѣдовательно количество лекарствъ, предназначенное по военно-врачебному каталогу на извѣстное число разнородныхъ больныхъ, вовсе не было удовлетворительнымъ, не говоря уже о другихъ недостаткахъ. Каталогъ, безъ сомнѣнія, разсчитанъ на смѣсь болѣзней самыхъ различныхъ, какія случаются во время мира, и очень естественно, что, при подобномъ штатѣ, требованія лекарствъ однородныхъ, только для раненыхъ, не могли быть удовлетворены достаточно.

Но какъ ни громко жаловались на аптеку, однако, при данныхъ обстоятельствахъ, можно-ли было и ждать отъ нея чего-нибудь хорошаго, когда требовалось невозможное? Стòитъ только принять во вниманіе, что, при всемъ отсутствіи средствъ и недостаткѣ рабочихъ рукъ для удовлетворенія рецептуръ, аптекѣ вмѣнено было въ обязанность еще и точное веденіе книгъ! Когда требуютъ невозможнаго, то очень естественно, если и возможное не исполняется. Съ возраставшимъ наплывомъ раненыхъ на Корабельную, сдѣлано было распоряженіе не принимать болѣе въ госпиталь Александровскихъ казармъ страдавшихъ внутренними болѣзнями. Это имѣло цѣлью, съ одной стороны, дать болѣе простора раненымъ, съ другой—избѣжать вреднаго для нихъ сосѣдства съ тифозными и т. п. больными, и наконецъ — сохранить по возможности чистоту воздуха въ импровизированномъ госпиталѣ. Но всё-таки госпиталь былъ постоянно переполненъ, такъ что приходилось постепенно расширять его, отбирая для раненыхъ незанятыя зданія казармъ. Но, къ сожалѣнію, не нашлось средствъ, чтобы точно также усилить и врачебное пособіе. Въ особенности число врачей не только не возрастало, а даже значительно уменьшилось, вслѣдствіе болѣзней. На перевязочномъ пунктѣ и въ госпиталѣ Корабельной нѣкоторые изъ нихъ заразились тифомъ, который именно между медиками свирѣпствовалъ всего болѣе и въ самой злокачественной и скоротечной формѣ. Безпрестанно напряженная, день и ночь продолжавшаяся дѣятельность, пребываніе въ переполненныхъ госпиталяхъ, даже недостатокъ въ порядочной пищѣ — вотъ причины, которыя такъ враждебно дѣйствовали на врачей, а въ особенности на молодыхъ и недавно-прибывшихъ. Такимъ образомъ, изъ шести, высланныхъ Кіевскимъ университетомъ, въ теченіе 2 мѣсяцевъ умерло трое; изъ четырехъ

студентовъ, прибывшихъ оттуда же вмѣстѣ со мною, трое сильно заболѣли тифомъ.

Впрочемъ, если госпиталь Александровскихъ казармъ отличался весьма важными недостатками и далеко уступалъ госпитальному отдѣленію Городской стороны, состоявшему подъ тѣмъ же управленіемъ, то этому была отчасти особая причина, а именно нѣсколько отдаленное и трудно-доступное его мѣстоположеніе, вслѣдствіе котораго туда рѣдко заглядывали военные начальники. Частое посѣщеніе госпиталя высшимъ военнымъ начальствомъ, поощряя медиковъ, имѣетъ большое вліяніе не только на больныхъ и прислугу, но также и на независящихъ отъ врачей—коммисаріатскихъ чиновниковъ. Въ этомъ отношеніи посѣщеніе госпиталей компетентными лицами весьма важно. Не тò бываетъ при ревизіяхъ, производимыхъ вслѣдствіе жалобъ: тутъ уже требуется большая осторожность, чтобъ избѣжать вреднаго вліянія на нравственность личнаго состава госпиталей. Поверхностная ревизія легко можетъ найти состояніе госпиталя удовлетворительнымъ, а подобный неправильный отзывъ ободряетъ виновныхъ и деморализируетъ добросовѣстныхъ чиновниковъ. Тоже бываетъ, когда при ревностномъ и добросовѣстномъ управленіи дѣлается все чтò только возможно, а назначенный ревизоръ, не обращая вниманія на обстоятельства, произноситъ неблагопріятный приговоръ даже о врачебной части, основываясь только на нѣкоторыхъ неустранимыхъ или ничтожныхъ недостаткахъ. Ревизія.

Подобнаго рода поверхностныя ревизіи во время Крымской войны много надѣлали вреда. Сверхъ того и постоянные осмотры, производимые молодыми, неопытными офицерами, адъютантами, дежурными офицерами и т. д., распространили ложные слухи о состояніи госпиталей и врачебномъ пособіи, и принесли этой части существенный

вредъ. Начальникамъ госпиталей легко удавалось ослѣплять осмотрщиковъ внѣшностью, а такъ какъ благопріятный рапортъ имѣлъ большую важность для госпиталя и правился высшему военно-медицинскому начальству, то истина оставалась подъ спудомъ. Между тѣмъ, безъ подобныхъ поверхностныхъ ревизій и пустыхъ донесеній, недостатки скорѣе могли бы быть открываемы и доводимы до свѣдѣнія высшихъ властей самими же начальниками.

ГЛАВА II.

ОТЪ ВТОРАГО БОМБАРДИРОВАНІЯ ДО ПЕРВАГО ШТУРМА.

Съ $\frac{28 \text{ марта}}{9 \text{ апрѣля}}$ по $\frac{6}{18}$ іюня 1855 г.

Второе бомбардированіе.—Положеніе перевязочнаго пункта на Корабельной.—Перемѣщеніе перевязочнаго пункта въ магазины Павловскаго мыска.—Улучшеніе госпиталя. — Удаленіе раненыхъ изъ Севастополя. — Приказъ графа Остенъ-Сакена.—Вылазка съ 6-го бастіона.—Появленіе холеры.—Паденіе Камчатскаго люнета.—Недостатокъ помѣщенія.—Уборка раненыхъ.—Плѣнные французы. — Операція. — Перемѣщеніе перевязочнаго пункта на Сѣверную сторону. — Обзоръ нашей потери до $\frac{1}{13}$ іюня.

Въ теченіе зимы союзники значительно усилили свою артиллерію. $\frac{28 \text{ марта}}{9 \text{ апрѣля}}$ началось второе бомбардированіе, которое продолжалось безостановочно до $\frac{7}{19}$ апрѣля. Съ этого дня огонь ослабѣлъ, хотя въ теченіе цѣлаго апрѣля онъ былъ вообще сильнѣе, чѣмъ въ предъидущемъ мѣсяцѣ. Въ продолженіе 10 дней усиленнаго бомбардированія, наша потеря убитыми, ранеными и контуженными, по гарнизоннымъ спискамъ, простиралась до 7.378 челов. По спискамъ же перевязоч-

ныхъ пунктовъ, прибыло съ $\frac{6}{18}$ марта по $\frac{6}{18}$ апрѣля, въ теченіе одного мѣсяца, 2.360 раненыхъ матросовъ (причемъ, конечно, не считались убитые), такъ что общая убыль арміи за это время усиленнаго бомбардированія могла простираться до 10.000 челов. Но тутъ не должно опускать изъ вида, что при бомбардированіи число контузій весьма значительно, такъ что временная потеря гораздо больше дѣйствительной, и процентъ убитыхъ несравненно меньше чѣмъ при настоящихъ сраженіяхъ съ ружейною пальбой и рукопашнымъ боемъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе втораго бомбардированія павшіе составляли седьмую или даже только десятую часть общей потери, между тѣмъ какъ во время большихъ вылазокъ и сраженій они составляли четвертую и даже третью часть, какъ напр. $\frac{10}{22}$ мая. При первомъ бомбардированіи отношеніе убитыхъ, правда, было значительнѣе и возрастало даже до пятой доли общей потери; но это происходило вслѣдствіе того, что тогда еще не знали самыхъ опасныхъ пунктовъ и не умѣли защищаться отъ бомбъ, какъ слѣдуетъ. Впослѣдствіи же на бастіонахъ устроены были блиндажи, и люди узнали на опытѣ, что если бомба падаетъ до разрыва, то для избѣжанія главной опасности нужно лечь на землю.

Перевязочный пунктъ.

Въ это время непріятель придвинулъ къ намъ свои батареи на близкое разстояніе къ Корабельной сторонѣ. На Городской сторонѣ выстрѣлы достигали собственно тѣхъ же самыхъ пунктовъ, что и при первомъ бомбардированіи. Домъ дворянскаго собранія съ перевязочнымъ пунктомъ, Екатерининская и Инженерная улицы, а также Николаевская батарея, попрежнему остались нетронутыми. Но перевязочный пунктъ съ госпиталемъ на Корабельной стали сильно подвергаться огню. Уже въ первые дни бомбардированія были выбиты въ нихъ почти всѣ окна, крыши, а стѣны ихъ сильно повре-

ждены бомбами; нѣкоторыя же небольшія деревянныя строенія были совершенно разрушены. Бомбы попадали въ аптеку, кухню, пекарню, и перепортили эти помѣщенія до совершенной негодности. Онѣ проникали въ нѣкоторыя госпитальныя палаты, били раненыхъ и прислугу, даже сдѣлали своею жертвой одного врача (иностранца, доктора Шенгуба) на перевязочномъ пунктѣ. Раненые лежали, дрожа на холодѣ и сквозномъ вѣтрѣ, почти безъ всякой защиты, по случаю выбитыхъ оконъ. Даже въ залѣ перевязочнаго пункта, которая представляла наиболѣе укрытое изъ помѣщеній, почти нельзя было дѣлать операцій, потому что нѣчѣмъ было защититься ни отъ довольно холодной погоды, ни отъ щебня и камней, которые, влетая въ окна, мѣшали занятіямъ.

Перемѣщеніе перевязочнаго пункта.

Послѣ трехдневнаго обстрѣливанія госпиталя, когда въ немъ уже убито было 13 больныхъ, нашли наконецъ средство вывезти ихъ оттуда и совершенно оставить казармы. Прежде всего принуждены были часть раненыхъ перевезти на Сѣверную сторону, по водѣ, несмотря на опасность и стрѣльбу, на стоявшихъ у берега перевозочныхъ пароходахъ. Въ Александровскихъ казармахъ находилось всего до 2.500 больныхъ, которымъ слѣдовало найти помѣщеніе; между тѣмъ съ Сѣверной стороны извѣщали, что нельзя перевозить болѣе 500, потому что нѣгдѣ будетъ помѣстить ихъ. Но на это мало обратили вниманія, такъ какъ прежде всего и во что бы то ни стало необходимо было очистить госпиталь и перевезти раненыхъ въ безопасное мѣсто. Такимъ образомъ, на Сѣверную сторону перевезено было, подъ выстрѣлами, вмѣсто 500 до 1.500 больныхъ, такъ какъ имъ было лучше даже подъ открытымъ небомъ, чѣмъ подъ непріятельскимъ огнемъ. Остальная часть раненыхъ, числомъ около 800, и между ними всѣ оперированные, отправлены

въ очищенные на̀-скоро морскимъ вѣдомствомъ магазины на Павловскій мысокъ. Для скорѣйшей и болѣе безопасной ихъ перевозки, разломана была стѣна, отдѣлявшая Александровскія казармы отъ доковъ; и дѣйствительно, больные благополучно прибыли на мѣсто, безъ большаго вреда. Тутъ нельзя умолчать, ка̀къ много помогли въ этомъ случаѣ сестры милосердія, начальница которыхъ, госпожа Стаховичъ, отличалась замѣчательнымъ присутствіемъ духа и хладнокровіемъ. Вмѣстѣ съ перевозкой оперированныхъ и тяжело-раненыхъ и перевязочный пунктъ Корабельной перемѣщенъ былъ на Павловскій мысокъ, гдѣ оставался уже до послѣдней минуты отступленія изъ Севастополя. Новое помѣщеніе находилось въ безопасности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ въ теченіе полутора мѣсяца; морское вѣдомство очищало для больныхъ, по мѣрѣ надобности, еще другіе магазины, одинъ за другимъ. Но когда бомбы стали долетать и сюда, то перевязочный пунктъ переведенъ былъ на самый конецъ мыска, въ Павловскую батарею, гдѣ былъ защищенъ сводомъ, непроницаемымъ для артиллерійскихъ снарядовъ.

Улучшеніе госпиталя.

Въ Павловской батареѣ нашлось довольно мѣста, чтобы по возможности удовлетворить нуждамъ больныхъ. Они теперь помѣщены были просторно и удобно. Такъ какъ раненыхъ ежедневно отправляли на Сѣверную сторону, оставляя только оперированныхъ и одержимыхъ сложными переломами, то палаты не были слишкомъ переполнены. Въ помѣщеніе не успѣла еще войти зараза, хотя, при недостаточномъ провѣтриваніи, оно и не соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ госпиталя. Врачи не были слишкомъ завалены работою, а потому могли съ достаточной заботливостью смотрѣть за перевязочнымъ пунктомъ и наблюдать за оперированными. Имъ добросовѣстно помогали сестры мило-

сердія. При настоящемъ меньшемъ числѣ больныхъ, можно было также обращать большее вниманіе на ихъ продовольствіе и вести болѣе точный контроль. Въ сахарѣ, чаѣ, винѣ и водкѣ недостатка не было; всѣ эти предметы сполна переходили въ руки раненыхъ. Денежныя награды, которыя до тѣхъ поръ не раздавались раненымъ въ Корабельной, распредѣлены были теперь правильнымъ образомъ. Но чтобъ онѣ не послужили ко вреду, больныхъ уговаривали передать деньги на сохраненіе сестрамъ милосердія. Большей частью раненые дѣлали завѣщанія, въ которыхъ они почти постоянно все свое имущество записывали на церковь, или священникамъ на поминъ души, только иногда оставляли какой-нибудь рубль доктору или сестрамъ милосердія, а рѣже всего доставалось что-либо роднымъ. Конечно, ни врачъ, ни сестры милосердія не пользовались завѣщаннымъ, но во всякомъ случаѣ эта благодарность солдата за попеченіе и вниманіе дѣлаетъ ему честь и бывала истинною, трогательною наградой для его медика.

Удаленіе раненыхъ.

Между тѣмъ, на Городской сторонѣ домъ дворянскаго собранія все еще оставался невредимымъ, равно какъ и Николаевская батарея, гдѣ помѣщалось большое число больныхъ ампутированныхъ и съ гипсовыми повязками. Вообще на Городской сторонѣ ампутированныхъ находилось до 300 челов. Въ продолженіе всего времени бомбардированія, раненыхъ поступало болѣе на Городскую сторону, нежели въ Корабельную. Непріятельскій огонь былъ преимущественно направленъ на 4-й и 5-й бастіоны. Дѣло для занятія нашихъ ложементовъ у пятаго бастіона, при усиленномъ бомбардированіи и ночныхъ вылазкахъ $\frac{\text{19 апрѣля}}{\text{1 мая}}$ — $\frac{\text{21 апрѣля}}{\text{3 мая}}$, было причиною значительнаго приращенія раненыхъ, число которыхъ, по полковымъ спискамъ и гарнизоннымъ рапортамъ, простиралось до 1.200 челов.

При быстро совершавшихся происшествіяхъ, пора было подумать объ очисткѣ въ Севастополѣ госпиталей, потому что вновь поступающимъ нужно было дать мѣсто, а самихъ оперированныхъ—вывезти на чистый воздухъ и удалить отъ вліянія гангрены и піеміи, которыя производили страшное опустошеніе. Удобный для того случай представился съ наступленіемъ, въ концѣ апрѣля, теплой погоды; рѣшено было отправить оперированныхъ на Сѣверную сторону и помѣстить ихъ тамъ въ нарочно-разбитыхъ палаткахъ, за госпитальными бараками. Такъ и сдѣлали: въ теченіе нѣсколькихъ дней переведено было въ новыя помѣщенія нѣсколько сотъ ампутированныхъ. Профессоръ Пироговъ и помощники его руководили этимъ передвиженіемъ, занимаясь размѣщеніемъ больныхъ, которые, однако, по большей части, не имѣли кроватей, а лежали на землѣ, на тюфякахъ, набитыхъ сѣномъ. Къ несчастью, погода въ это время сдѣлалась неблагопріятною: пошелъ продолжительный дождь, вслѣдствіе чего больные скоро очутились въ лужахъ. Палатки не могли служить достаточною защитой, но главное неудобство состояло въ томъ, что возлѣ нихъ позабыли сдѣлать водосточныя канавы, а потому вода текла въ самыя палатки, заливала полъ, даже проникала чрезъ тюфяки, и больные лежали въ водѣ.

Что такія обстоятельства имѣли вредное вліяніе на исходъ ампутацій, это разумѣется само собою. Благодаря представленіямъ Пирогова, эти опущенія не остались безъ взысканія со стороны главнокомандующаго. Но вину всего этого одинъ сваливалъ на другаго, и такимъ образомъ всѣ перессорились.

Вообще замѣчательно, что во время Крымской войны, если между врачами иногда и возникали недоразумѣнія изъ соревнованія и соперничества, или даже иной военный на-

чальникъ находилъ поводъ къ жалобѣ на того или другаго врача, то всё-таки весь вообще медицинскій корпусъ зарекомендовалъ себя съ хорошей стороны и заслужилъ общее довѣріе. Жаловались всегда преимущественно на продовольствіе больныхъ, а это относилось къ коммисаріатскимъ чиновникамъ и къ главному доктору госпиталя, который, по существующимъ правиламъ и инструкціямъ, болѣе начальникъ канцеляріи, нежели врачъ. Что трудами медиковъ были довольны даже въ Севастополѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ приказъ начальника гарнизона $\frac{\text{26 апрѣля}}{\text{8 мая}}$, слѣдующаго содержанія:

ПРИКАЗЪ ПО СЕВАСТОПОЛЬСКОМУ ГАРНИЗОНУ

«Въ настоящее время обороны Севастополя, медицинскіе чиновники, подвизающіеся на своемъ трудномъ поприщѣ, явили опыты примѣрнаго самоотверженія; большая часть изъ нихъ перенесла тяжкія болѣзни, многіе даже сдѣлались жертвою своихъ неимовѣрныхъ усилій. Въ особенности, безчисленныя заслуги должно признать за операторами, которые, позволяя себѣ только самый незначительный отдыхъ, работаютъ день и ночь до истощенія силъ».

«Вполнѣ цѣня дѣятельность медицинскихъ чиновниковъ и равняя службу операторовъ со службою на батареяхъ и въ траншеяхъ, я ходатайствовалъ у господина главнокомандующаго объ удостоеніи ихъ заслуженными наградами. Его сіятельство изволилъ благосклонно принять такое мое представленіе. Но тѣмъ не менѣе я считаю пріятнымъ для себя долгомъ засвидѣтельствовать о подвигахъ медицинскихъ чиновниковъ передъ Севастопольскимъ гарнизономъ, а также изъявить живѣйшую душевную мою признательность завѣдывающимъ перевязочными пунктами: Севастопольскимъ—

академику профессору дѣйствительному статскому совѣтнику Пирогову, и Корабельной стороны—ординарному профессору хирургіи коллежскому совѣтнику Гюббенету. Объявляю также полную благодарность мою: исправляющему должность главнаго доктора Севастопольскаго военно-временнаго госпиталя медико-хирургу надворному совѣтнику Загорянскому, лекарямъ: Обермиллеру, Беккерсу и Хлѣбникову, доктору медицины и оператору титулярному совѣтнику Тарасову, доктору медицины, оператору и акушеру Пабо, медико-хирургу надворному совѣтнику Тюрину, доктору медицины Ребергу и Дземишкевичу, надворному совѣтнику Каде и Павловскому, коллежскому ассесору Ульрихсону, титулярному совѣтнику Миштольду, лекарямъ: Левицкому, Пастухову и Доброву, американскому медику Чайтгеду и лекарскому помощнику Калашникову, всѣмъ восемьнадцати въ особенности; надворному совѣтнику Гудимъ-Левковичу, штабъ-лекарю Хлѣбникову, титулярному совѣтнику Зброжекъ и Зенкевичу, лекарямъ: Алексѣеву, Сибирякову, Тюбину, Загоровскому, и провизору титулярному совѣтнику Данилову, германскимъ медикамъ: доктору Цуппингеру, доктору медицины и хирургіи Саару и Гауфу, доктору медицины Саксу и Постишилю, и американскимъ медикамъ Витгеду, Торнепсиду и Герису».

Такимъ образомъ, Севастополь былъ очищенъ отъ большей части собравшихся тамъ раненыхъ и ампутированныхъ. Изъ Городскаго перевязочнаго пункта и его госпитальнаго отдѣленія выведены были почти всѣ ампутированные. Въ Корабельной они еще оставались, но сложные переломы съ гипсовыми повязками и всѣ прочіе раненые, которые легче могли вынести перевозку, удалены были еще прежде.

Впрочемъ, въ это время уходъ за больными въ самомъ Севастополѣ былъ удовлетворительный и, судя по суще-

ствующему въ военныхъ госпиталяхъ порядку, даже лучше чѣмъ въ мирное время. Злоупотребленій и недостатковъ, на которые такъ часто жалуются, замѣчалось менѣе. По крайней мѣрѣ даны были средства энергически противодѣйствовать имъ, а бумаги, правила и разныя узаконенія не доставляли уже обычной формальной защиты. Канцелярское управленіе парализировалось здѣсь тѣмъ, что находилось подъ властью военнаго суда.

Какъ очищеніе Севастополя отъ ампутированныхъ и раненыхъ было необходимо и спасительно не только для нихъ однихъ, показали скоро затѣмъ послѣдовавшія событія. Въ ночномъ сраженіи $\frac{10}{22}$ мая, подлѣ вновь начатыхъ траншей противъ 6-го бастіона, возлѣ кладбища, потеряли мы болѣе 3.000 челов. (3.081). Эта убыль представляла огромное отношеніе убитыхъ къ раненымъ, почти наполовину, что объясняется двумя обстоятельствами—неожиданностью нападенія со стороны непріятеля и упорною защитой съ нашей. Чтобы какъ можно скорѣе подать раненымъ помощь и не опоздать производствомъ операцій, отыскали предварительно около сотни такихъ субъектовъ, которые въ этомъ нуждались, и перевезли ихъ, по водѣ, въ Корабельную, на перевязочный пунктъ, состоявшій въ моемъ завѣдываніи. Здѣсь произведено было 77 большихъ операцій, а о числѣ таковыхъ на Городской сторонѣ — нѣтъ свѣдѣній, но оно должно быть значительнѣе чѣмъ въ Корабельной. Такимъ же образомъ большое число операцій произведено было на Сѣверной сторонѣ, потому что около 1.000 раненыхъ, прямо и безъ остановки, по водѣ, перевезены были туда въ бараки. Хотя на цифру всѣхъ оперированныхъ нѣтъ прямыхъ указаній, однако, не опасаясь крупной ошибки, можно принимать ее въ 250 или даже въ 300. Изъ этого ясно, какъ сильны были поврежденія и какъ много встрѣчалось субъектовъ именно съ раздробленіемъ костей. Не мало нашлось и та-

кихъ, для которыхъ понадобились гипсовыя повязки, но, по общему наблюденію, ихъ было меньше нежели ампутированныхъ.

Холера. Съ началомъ теплой погоды, когда зазеленѣла трава, зацвѣли деревья и цвѣты, на театрѣ военныхъ дѣйствій появился новый непріятель—азіятская холера. Если мы до сихъ поръ еще мало отъ нея страдали, если въ предъидущую осень и зиму она представляла у насъ пока только единичные случаи, хотя производила значительныя опустошенія между союзниками, то теперь внезапное появленіе ея, вмѣстѣ съ наступленіемъ теплаго времени, должно было возбудить серьезное безпокойство. При всѣхъ бѣдствіяхъ и опасностяхъ Севастопольскаго гарнизона, эпидемическая холера могла имѣть опасныя послѣдствія для нашего положенія, уже и безъ того очень сомнительнаго.

Князь Васильчиковъ нашелъ полезнымъ пригласить Пирогова и меня на совѣщаніе о мѣрахъ, какія слѣдовало принять противъ распространенія заразы. Но какъ можно было разсчитывать на строгое соблюденіе полицейски-гигіеническихъ мѣръ въ военное время? Одной изъ нихъ придавалъ я особенную важность, а именно совѣтовалъ употребить всѣ средства, чтобы заставить солдатъ, при первомъ появленіи поноса, тотчасъ просить о врачебномъ пособіи. Съ этой цѣлью, всѣ военные начальники, отъ полковника до фельдфебеля, унтеръ-офицера и ефрейтора, какъ можно строже должны были смотрѣть, чтобы солдаты не пренебрегали разстройствомъ желудка, и допрашивать ихъ объ этомъ ежедневно два раза. Всѣ холерныя эпидеміи показали несомнительно, что подобная мѣра всего важнѣе для сохраненія здоровья. Назначеніе діэтетическихъ правилъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не могло быть строго соблюдаемо. Солдатамъ, напр., позволялось купаться въ хо-

лодной водѣ и ради необходимой чистоплотности и потому еще, что всякое запрещеніе, при лѣтнихъ жарахъ, повело бы только къ тайному купанью.

Благодаря этимъ мѣрамъ противъ эпидеміи, гарнизонъ находился относительно въ благополучномъ состояніи. Азіятская холера представляетъ случаи съ тѣмъ же самымъ отношеніемъ смертности, какъ и во всѣхъ другихъ извѣстныхъ доселѣ эпидеміяхъ; никогда однако не достигала она характера эпидемическаго распространенія. Судя по ежедневнымъ рапортамъ, съ мая по августъ въ гарнизонѣ заболѣвало каждый день 6, 8, даже 10 челов., а иногда и меньше. По донесеніямъ генералъ-штабъ-доктора Шрейбера, всѣхъ заболѣвшихъ въ арміи въ теченіе года, до $\frac{1}{13}$ ноября, было около 7.000, изъ которыхъ, впрочемъ, половина выздоровѣла, а другая умерла, такъ же какъ и во французской арміи, гдѣ смертность составляла отношеніе 49,6 (Baudens). Такимъ образомъ, больные холерою не причиняли вообще госпиталю большихъ заботъ, такъ какъ эпидемія дѣйствовала въ очень умѣренныхъ границахъ. Изъ врачей, сколько намъ извѣстно, только одинъ докторъ Бѣлявскій сдѣлался въ Севастополѣ жертвою этой заразы, между тѣмъ какъ число похищенныхъ тифомъ было гораздо значительнѣе. Здѣсь мы находимъ подтвержденіе высказаннаго нѣкоторыми замѣчанія, будто пороховой дымъ и въ особенности пальба изъ большихъ орудій, очищая воздухъ, уничтожаютъ холерную эпидемію.

Инженерный домъ, служившій нѣкоторое время перевязочнымъ пунктомъ для Городской стороны, уступленъ былъ холернымъ. Во всѣхъ распоряженіяхъ о пособіи больнымъ въ Севастополѣ продолжалъ дѣйствовать тотъ же соблюдаемый въ послѣднее время принципъ: раненыхъ какъ можно меньше держали въ городѣ; послѣ первой перевязки—въ

тотъ же день, а послѣ операціи—въ 3-й или 4-й, отправляли ихъ на Сѣверную сторону. Также съ Корабельной почти всѣ ампутированные, изъ которыхъ большая часть уже выздоровѣла, переведены были на Сѣверную сторону, между прочимъ и потому, что безопасность для раненыхъ въ каждомъ домѣ все уменьшалась, и намъ приходилось довольствоваться все болѣе тѣсными предѣлами, которые однако оказывались только вполовину надежными. Такимъ образомъ, $\frac{20 \text{ мая}}{1 \text{ іюня}}$ еще значительное число выздоровѣвшихъ послѣ ампутаціи переведено было изъ Корабельной на Сѣверную сторону. Это обстоятельство пришлось очень кстати, благодаря событіямъ $\frac{25 \text{ мая}}{6 \text{ іюня}}$ до $\frac{28 \text{ мая}}{9 \text{ іюня}}$, т. е. занятію нашихъ редутовъ непріятелемъ послѣ жаркаго боя.

Потеря Камчатскаго люнета.

Въ 3 часа пополудни $\frac{25 \text{ мая}}{6 \text{ іюня}}$ начался сильный огонь на правомъ флангѣ наступательной линіи, и вскорѣ затѣмъ стали приносить раненыхъ на перевязочный пунктъ, въ такомъ числѣ, что легко было заключить о важности и быстротѣ дѣла. Соблюдая уже извѣстное распоряженіе о скорѣйшемъ поданіи самой необходимой помощи, еще до наступленія сумерекъ произведено было 25 большихъ операцій. Но дальнѣйшему ихъ производству воспрепятствовала наступившая темнота, а еще болѣе—стѣсненіе мѣста и настоятельная необходимость позаботиться о другихъ раненыхъ.

Недостатокъ мѣстъ.

Пріемная зала для раненыхъ была биткомъ набита. Лежали не только одинъ подлѣ другаго, но даже отчасти одинъ на другомъ. Эта зала была не что иное какъ большой амбаръ, почти совершенно темный. Нѣсколько сальныхъ свѣчей, дымящихся въ рукахъ прислуги, не давали даже самаго необходимаго свѣта, а только усиливали ужасное впечатлѣніе мрачной картины. Представьте себѣ смѣшанные глухіе крики тысячи голосовъ. Каждый требуетъ помощи; изъ самыхъ отдаленныхъ и темныхъ угловъ раз-

даются стоны, часто только смиренная и вырванная страданіемъ просьба—«ради Бога подать воды!» Но и на этотъ зовъ нельзя было откликнуться съ желаемой поспѣшностью, потому что голоса слышались изъ разныхъ угловъ обширнаго помѣщенія вдругъ, и трудно было различить, откуда который выходитъ. Даже не представлялось возможности иначе подойти къ зовущему, какъ наступивъ прежде человѣкъ на 50 другихъ несчастныхъ, т. е. приходилось сдѣлать 50 разъ больше вреда, нежели пользы. Первою заботой, конечно, было добыть воды для питья; но всѣ принесенныя ведра оказывались недостаточными; изъ нихъ удалось освѣжить только лежавшихъ поближе. Впрочемъ, главное зло состояло здѣсь въ недостаткѣ мѣста. Это препятствовало всякой успѣшной дѣятельности; требовалось все хладнокровіе, чтобъ удовлетворить хотя самымъ настоятельнымъ нуждамъ.

Постарались какъ можно скорѣе очистить еще одинъ изъ провіантскихъ магазиновъ возлѣ Павловской батареи. Необходимо было сложить сюда раненыхъ, найти мѣсто для дѣйствія, а главное—разсортировать больныхъ, т. е. отдѣлить тѣхъ, которымъ нужна операція, потому что подобная сортировка, какъ мы уже нѣсколько разъ замѣтили, составляетъ первое условіе успѣха всей оперативной дѣятельности. Но даже и это все оказалось только пальятивнымъ средствомъ, такъ какъ вдругъ опять накопилось такое множество раненыхъ, что и вторая зала вскорѣ стала совершенно походить на первую. Между тѣмъ, удалось отдѣлить тѣхъ, которымъ нужна была операція; они снова переведены въ другое помѣщеніе, гдѣ нашли кровати. Однако, прибытіе раненыхъ все продолжалось, и потому, въ крайности, рѣшились помѣщать больныхъ на полу между кроватями, на которыхъ лежали оперированные раньше. Хотя это не со-

отвѣтствовало правиламъ гигіены и на такомъ незначительномъ пространствѣ можно было помѣстить только очень немногихъ, но пришлось дѣлать такъ по необходимости, чтобъ оставить какъ можно менѣе больныхъ подъ открытымъ небомъ.

Однако, всѣ подобныя мѣры не могли удовлетворить колоссальнымъ потребностямъ. На набережной тѣсно лежали больные солдаты, одинъ возлѣ другаго. Казалось даже, будто весь узкій мысокъ, на которомъ стояла Павловская батарея и магазины, будетъ малъ для тѣснившейся массы людей, между которыми было отъ 4 до 5.000 раненыхъ (въ томъ числѣ 300 плѣнныхъ французовъ, доставленныхъ въ этотъ день на перевязочный пунктъ).

Уборка раненыхъ.

Здѣсь самъ собою представляется вопросъ: не можетъ-ли уборка больныхъ во время сраженія рѣшить судьбу его ко вреду той стороны, которая черезчуръ заботится о своихъ раненыхъ? Какъ только солдатъ оставляетъ фронтъ, происходитъ безпорядокъ, ряды чрезмѣрно пустѣютъ, даже отступленіе не можетъ быть прикрыто надлежащимъ образомъ, и—что̀ всего хуже—число раненыхъ отъ этой мѣры значительно увеличивается. Кромѣ того, больные не переносятся съ должнымъ порядкомъ и тщательностью, какъ это можно было сдѣлать послѣ; поспѣшная переноска даже часто рѣшаетъ ихъ судьбу. Поэтому, поднимать раненыхъ во время сраженія, какъ это дѣлалось у насъ до сихъ поръ, вредно и съ военной и съ медицинской точки зрѣнія, развѣ будутъ учреждены особыя санитарныя и транспортныя роты, которыя, впрочемъ, въ большихъ сраженіяхъ едва-ли окажутся достаточными.

Другимъ важнымъ зломъ въ это время былъ недостатокъ въ госпитальной прислугѣ. При началѣ военныхъ дѣйствій больнымъ служили на перевязочномъ пунктѣ арестанты

морскаго вѣдомства, съ такимъ усердіемъ и точностью, что не оставалось желать ничего лучшаго. Но благодаря постоянному наплыву раненыхъ, они наконецъ до того утомились, что вновь предстоявшіе труды совершенно превышали ихъ силы. Арестанты помогали при операціяхъ, переносили потомъ оперированныхъ въ другое зданіе (къ тому же на второй этажъ), наконецъ должны были нести новыхъ больныхъ, нуждавшихся въ медицинскомъ пособіи. При ограниченномъ числѣ прислуги, въ особенности на перевязочномъ пунктѣ, постоянно происходили замедленія: тѣ, которымъ поручалось уносить оперированныхъ, или совсѣмъ не возвращались, или по крайней мѣрѣ приходили очень нескоро. Эту бѣду устранили наконецъ тѣмъ, что князь Васильчиковъ на время прикомандировалъ къ перевязочному пункту около 150 солдатъ. Чтобы доставить пріютъ раненымъ, лежавшимъ на набережной, пришлось около 1.000 изъ нихъ, въ ту же ночь, по водѣ, перевезти на Сѣверную сторону.

На слѣдующій день произведено 50 большихъ операцій, которыми, впрочемъ, еще далеко не удовлетворены были всѣ нужды, потому что новые раненые продолжали поступать, а дѣятельность врачей необходимо замедлялась недостаткомъ мѣстъ и прислуги.

$\frac{\text{26 мая}}{\text{7 іюня}}$, поздно вечеромъ, получено было извѣстіе, что около 300 тяжело-раненыхъ плѣнныхъ французовъ уже цѣлыя сутки лежатъ особо и ожидаютъ хирургическаго пособія. Поврежденія у нихъ большей частью оказались самыя тяжелыя и почти всѣ безъ исключенія произведены были картечью на нижнихъ конечностяхъ. А если у кого пострадала верхняя конечность, то уже навѣрное нижняя также была раздроблена.

Раненые французы.

Первый взглядъ на раненыхъ французовъ, которые до втораго дня оставались безъ пособія, производилъ самое

тяжелое впечатлѣніе. Эти храбрые люди лежали еще въ своихъ мундирахъ, въ платьѣ, пропитанномъ кровью, большей частью на твердомъ полу, и терпѣли нужду во всемъ, чего требовало ихъ состояніе. Такое положеніе плѣнныхъ, которымъ въ интересахъ нашей чести слѣдовало оказать всевозможное вниманіе, участіе и пособіе, казалось намъ безмолвнымъ, но тяжелымъ упрекомъ. И однако, могло-ли быть иначе? Возможно-ли намъ было сдѣлать для нихъ больше? Имѣлись-ли средства? Даже собственные раненые по большей части оставались еще безъ пособія. Съ другой стороны, легче-ли было отъ этого и плѣннымъ? Подъ вліяніемъ тяжелыхъ поврежденій и теплой погоды, у многихъ французовъ, подлежавшихъ операціи, показались пагубныя слѣдствія замедленія. Члены пораспухали, у нѣкоторыхъ появилась даже гангрена, и операція сдѣлалась невозможною. Между тѣмъ, ни отъ кого изъ нихъ не слышался крикъ боли, стонъ или вопль; какъ будто ихъ point d'honneur не дозволялъ имъ жаловаться, какъ будто они хотѣли своимъ спокойствіемъ пощадить чувства врача и поддержать его бодрость.

Здѣсь не мѣсто приводить особыя черты хладнокровія, истинной храбрости и равнодушія къ смерти, которыя возбуждали въ такой высокой степени удивленіе врачей. Довольно сказать, что и наши солдаты, и эти плѣнные французы показали примѣры высокаго мужества и самоотверженія, совершенно достойные стать на ряду съ подвигами героевъ древней исторіи, которыми такъ восхищается современное юношество. Было бы поучительно собрать и обнародовать явленія, столько разъ встрѣченныя здѣсь врачами. Мы думаемъ, что никто, даже самъ полководецъ, не можетъ такъ точно и правильно судить о стойкости и мужествѣ солдата, какъ врачъ. Поэтому-то кажется намъ и безполезнымъ и

несовременнымъ отдѣлять нѣкоторымъ образомъ врачей отъ арміи. Услуги врачей часто находятся въ самой тѣсной связи съ военными успѣхами и въ особенности съ храбростью солдатъ: если воинъ знаетъ, что въ случаѣ раны за нимъ будетъ хорошій уходъ, — это, конечно, придастъ ему не мало спокойствія и бодрости. А кромѣ того, кто стоитъ къ войску ближе врача? Больше нежели всякій можетъ онъ ознакомиться съ духомъ солдатъ и потому имѣть на нихъ вліяніе. Врачъ раздѣляетъ труды и опасности арміи, слѣдовательно долженъ составлять съ нею одно нераздѣльное цѣлое. Между тѣмъ медики, по крайней мѣрѣ въ военное время, были довольно далеки отъ участія въ славѣ и торжествахъ арміи, хотя охотно день и ночь подавали спасительную помощь нуждающимся. Доказательствомъ ихъ преданности своему дѣлу могло бы служить, напр., число заболѣвшихъ и умершихъ отъ тифа. Когда въ гарнизонѣ еще не было собственно эпидемической горячки, она уже свирѣпствовала между врачами и похищала ихъ во множествѣ.

Пока мы на перевязочномъ пунктѣ Корабельной ампутировали плѣнныхъ французовъ, непріятель повидимому уже значительно выдвинулъ впередъ свои батареи; бомбы его, недостигавшія прежде такъ далеко, теперь падали на магазины и возлѣ нихъ, мѣшая нашимъ операціямъ. Плѣнные просили извѣстить земляковъ, что выстрѣлами дѣйствуютъ они противъ своихъ же братьевъ, даже затѣмъ подтвердили это на бумагѣ общей подписью. Но бумага всё-таки не была отправлена, потому что опасались, чтобы непріятель не подумалъ, будто мы принудили плѣнныхъ подписать ее.

Операціи.

$\frac{27\ \text{мая}}{8\ \text{іюня}}$ произведены ампутаціи 17 французамъ, а $\frac{28\ \text{мая}}{9\ \text{іюня}}$ — 30, слѣдовательно всего 47. Сорокъ седьмая ампутація была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднею изъ понадобившихся плѣннымъ. Въ этомъ числѣ лично мною сдѣлано 24 ампутаціи.

Мнѣ удалось записать карандашомъ имена ампутированныхъ, и я привожу ихъ здѣсь, на сколько можно было еще разобрать въ затертыхъ и запятнанныхъ кровью запискахъ.

27 мая / 8 іюня

1) Boulet, (*) chasseur—отнятіе праваго бедра.
2) Hoveau, officier—отнятіе лѣваго бедра.
3) Zenat, Joseph » » »
4) Zegain, officier, 25 л.—отнятіе праваго бедра.
5) Grange, Jean, 26 л. » лѣваго »
6) Carreau, Noël, zouave, 25 л. — отнятіе лѣваго предплечія.
7) Fessi, Jean, 24 л.—отнятіе правой голени.
8) Gickley, Pierre, chasseur, 23 л.—отнятіе лѣваго бедра.
9) Puchl, Joseph, 27 л. — отнятіе лѣваго бедра (умеръ спустя часъ).
10) Leonie, Enot, chasseur, 18 л.—отнятіе праваго и лѣваго бедръ.
11) François, Marie, 18 л.—отнятіе праваго и лѣваго бедръ (умеръ спустя часъ).
Ledontersque, 29 л., 4 морской—отнятіе лѣвой голени.
12) Antoni, Martin, 25 л., 4 морской » » »
13) Peflot, Jules, 29 л., линейный—отнятіе руки.
14) Schmidt, François, 23 л., линейный—отнятіе бедра.
15) Lionet, Charles, 28 л.—отнятіе лѣваго бедра.
16) Mercier, Louis, 29 л. » » »
17) Penseil, Jean-Marie, 22 л.—отнятіе правой руки.

28 мая / 9 іюня

1) Alphonse Montagne, 27 л.—отнятіе правой голени.
2) Louis Leroy, 23 л.—отнятіе праваго бедра.
3) Pierre Gattier, 23 л., 4 морской — отнятіе праваго бедра.
4) Joseph Berton, 25 л., chasseur—отнятіе лѣвой голени.
5) Alexandre Freton, 21 г.—отнятіе лѣваго бедра.
6) Jacques Lorrain, 26 л. » » »

(*) Этотъ Boulet писалъ въ лагерь.

7) Ciel-Calvet, 31 г.—вылущеніе лѣваго плеча.
8) Louis Setoz, 21 г., линейный—отнятіе лѣваго бедра.
9) Desiré Alerd, 23 л., линейный » » »
10) Pierre Leubier, 28 л.—отнятіе правой голени.
11) Stanislas Lemotteur—отнятіе лѣваго бедра.
12) Aimé Joly, zouave » праваго »
13) Pierre Gadonnet, 19 л. » лѣваго »
14) Isidore Courtois, 7 линейный—отнятіе лѣвой руки.
15) Jassain Lecaplain » » праваго бедра.
16) Louis Maulin » » »
17) François Hartemann, карабиньеръ—отнятіе лѣваго бедра.
18) Claude Colliard » » »
19) François Lagarronière » » »
20) Jacques Granchet, 24 л. » праваго »
21) Jean Lucas, 22 л., 7 линейный » » »
22) Jean Larrey, 27 л., 6 » » » »
23) Simon Guefaire, 20 л., » » »
24) Jean Girard, 31 г.,—отнятіе лѣваго бедра и правой руки.
25) Jean Çesogue, 25 л.— » праваго бедра.
26) Baptiste Aimesse » правой голени.
27) Tiebot Causin, 24 л. » праваго бедра.
28) Joseph Breissdorf, 32 л. » » »
29) Pierre Pchindenhammer—отнятіе лѣваго плеча и лѣвой голени.
30) Alphonse Chotard, lieutenant—отнятіе лѣвой голени.

Нашимъ больнымъ сдѣлано было слѣдующее число операцій:

25 мая / 6 іюня	25,
26 мая / 7 іюня	54,
27 мая / 8 іюня	61,
28 мая / 9 іюня	59,
29 мая / 10 іюня	27.
Итого	226.

Изъ нашихъ офицеровъ слѣдующіе были оперированы въ эти дни:

Забалканскаго полка

Иванъ Кожанцовъ, штабсъ-капитанъ—вылущеніе праваго плеча.

Алексѣй Юскевичъ, подполковникъ—отнятіе правой голени.

Иванъ Варапаевъ, прапорщикъ—отнятіе лѣваго предплечія.

Иванъ Евсеевъ, поручикъ—отнятіе лѣвой руки.

Кремончугскаго полка

Генрихъ Броссе, прапорщикъ—отнятіе лѣвой голени.

Полтавскаго полка

Адамъ Карвовскій, поручикъ—отнятіе праваго бедра.

Муромскаго полка

Николай Левицкій, капитанъ—отнятіе праваго бедра.

Павелъ Смиполковскій, поручикъ—отнятіе лѣвой голени.

Суздальскаго полка

Юльянъ Хлопицкій, поручикъ—отнятіе лѣваго бедра.

Изъ морской артиллеріи

Алексѣй Замутаевъ—отнятіе лѣваго бедра.

Изъ этого видно, что Забалканскій полкъ больше другихъ былъ въ огнѣ.

При хорошемъ устройствѣ перевязочнаго пункта и строго наблюдаемомъ разрозненіи раненыхъ, удалось на этотъ разъ, несмотря на большой наплывъ раненыхъ, тѣсноту помѣщенія и другіе недостатки, окончить операціи въ самое короткое время.

Произведенныя $\frac{28}{9}$ и $\frac{29\ \text{мая}}{10\ \text{іюня}}$ операціи совершены большей частью надъ тѣми, которые подверглись поврежденіямъ вслѣдствіе продолжавшагося бомбардированія. По спискамъ гарнизона, общая наша потеря въ раненыхъ и контуженныхъ съ $\frac{25}{6}$ по $\frac{29\ \text{мая}}{10\ \text{іюня}}$ простиралась до 7.590; число убитыхъ составляло 1.507; слѣдовательно раненые и убитые находились въ отношеніи 5 : 1.

$\frac{29\ \text{мая}}{10\ \text{іюня}}$ я принялъ въ завѣдываніе и Городской перевязочный пунктъ, такъ какъ профессоръ Пироговъ, по разстроенному здоровью, долженъ былъ покинуть Севастополь. Степень безопасности перевязочныхъ пунктовъ была тогда въ слѣдующемъ положеніи: на Корабельной и на Павловскомъ мыскѣ бомбы падали все чаще и чаще, повредили нѣсколько зданій, гдѣ помѣщались больные, наконецъ смертельно ранили одну молодую дѣвицу, добровольно ходившую за больными и непринадлежавшую къ числу оффиціальныхъ сестеръ милосердія. Даже нѣсколько штуцерныхъ пуль долетало сюда. Городской перевязочный пунктъ тоже не представлялъ безопасности. Хотя непріятельскіе пароходы отказались отъ своего общаго въ первое время маневра и уже не приближались по ночамъ отъ Стрѣлецкой бухты къ городу, чтобы поражать его изъ всѣхъ своихъ орудій, которыя добрасывали снаряды даже къ перевязочному пункту, зато бомбы изъ непріятельскихъ батарей падали теперь гораздо ближе и долетали до дома дворянскаго собранія.

Перемѣщеніе перевязочныхъ пунктовъ.

Отсюда легко усмотрѣть, какъ невыгодно было положеніе перевязочныхъ пунктовъ. Александровскія казармы на дѣлѣ показали, въ какое затруднительное положеніе можно было поставить раненыхъ, спокойно оставаясь на обстрѣливаемыхъ мѣстахъ; потому слѣдовало подумать о перенесеніи главнаго перевязочнаго пункта на Сѣверную сторону.

Академикъ Пироговъ еще передъ отъѣздомъ сказалъ

свое слово въ пользу такого плана. Графъ Остенъ-Сакенъ и князь Васильчиковъ одобрили это намѣреніе. Только адмиралъ Нахимовъ признавалъ эту мѣру не совсѣмъ удобною, во первыхъ, потому что надо было очистить Михайловскую батарею и находившіеся возлѣ нея мучные магазины, занятые ранеными и больными матросами; во вторыхъ, потому что онъ полагалъ, что при свѣжемъ вѣтрѣ перевозка раненыхъ черезъ бухту была бы невозможною, и слѣдовательно больные оставались бы безъ необходимой хирургической помощи. Но послѣ перваго колебанія, Нахимовъ согласился, и вопросъ о перемѣнѣ мѣста представленъ былъ на благоусмотрѣніе князя Горчакова.

$\frac{1}{13}$ іюня перевязочный пунктъ и госпиталь на Корабельной были закрыты. Всѣ ампутированные и раненые переведены на Сѣверную сторону. Оставленные еще профессоромъ Пироговымъ на Городской сторонѣ 145 раненыхъ, частью ампутированныхъ, частью въ гипсовыхъ повязкахъ, съ сложными переломами, высланы туда же.

Отъ князя Горчакова послѣдовало утвержденіе перемѣстить перевязочный пунктъ въ Михайловскую батарею, съ тѣмъ чтобы здѣсь помѣщались оба прежніе, изъ Корабельной и Городской стороны. Приказъ, данный княземъ Васильчиковымъ, былъ слѣдующій:

1) Главный перевязочный пунктъ въ зданіи дворянскаго собранія закрыть, перемѣстивъ его въ Михайловское укрѣпленіе.

2) Временный госпиталь Корабельной перевести за Сѣверное укрѣпленіе и помѣстить въ палаткахъ.

3) Раненыхъ, доставляемыхъ на Корабельную и Городскую сторону, по мѣрѣ ихъ накопленія, перевозить ежедневно, въ нѣсколькихъ транспортахъ, на Сѣверную сторону; изъ нихъ подлежащихъ операціи — въ Михайловское

укрѣпленіе. Если же операціи понадобятся немедленно, то производить ихъ въ Павловской и Николаевской батареяхъ. Для этой цѣли учреждается тамъ два второстепенныхъ перевязочныхъ пункта: одинъ—подъ начальствомъ дивизіоннаго доктора Гришачкова, другой—гарнизоннаго штабъ-доктора Ничипоевскаго.

4) Для перевозки и службы при перевязочныхъ пунктахъ должны быть въ постоянной готовности одинъ пароходъ, три большія транспортныя судна и три шлюпки.

Очевиднымъ и большимъ недостаткомъ этого распоряженія было тѣсное помѣщеніе для операцій и оперированныхъ: въ Михайловской батареѣ приготовлено было мѣстъ всего на 60 кроватей, по распоряженію дежурнаго генерала Ушакова, который считалъ такое число достаточнымъ.

Учрежденіе перевязочнаго пункта въ столь ограниченномъ размѣрѣ доказывало совершенное незнаніе его потребностей въ дни большихъ сраженій. Правда, чрезъ присоединеніе нѣсколькихъ казематъ, впослѣдствіи удалось увеличить мѣсто до 100 кроватей, и при содѣйствіи князя Васильчикова, вблизи Михайловской батареи разбито было извѣстное число палатокъ, для удовлетворенія самымъ настоятельнымъ нуждамъ; но, при всемъ томъ, на батареѣ, по самому простому исчисленію, не хватало мѣста даже для 200 раненыхъ, и если бы дѣло не подвинулось такъ далеко, было бы можетъ быть выгоднѣе оставить весь планъ перемѣщенія. На перевязочномъ пунктѣ занимались тогда слѣдующіе врачи: изъ флота—Миштольдъ, Левицкій, Зброжекъ, Сибиряковъ, Пржеборскій; изъ арміи—Коперницкій, Пастуховъ, Добровъ, Внойровскій и студентъ Гарнье. Завѣдываніе соединенными перевязочными пунктами ввѣрено было мнѣ.

Обзоръ числа раненыхъ отъ начала осады до соединенія перевязочныхъ пунктовъ и перемѣщенія ихъ на Сѣверную

Обзоръ нашихъ потерь.

сторону, даетъ, по спискамъ перевязочныхъ пунктовъ, слѣдующія цифры:

	Офицеровъ	Морск. солдатъ	Сухоп. солдатъ
Съ $\frac{26 \text{ сентября}}{8 \text{ октября}}$ по $\frac{1}{13}$ декабря 1854 г.	175	2.451	1.837
» $\frac{1}{13}$ декабря по $\frac{1}{13}$ января 1855 г.	33	283	600
» » января » » февраля »	18	189	409
» » февраля » » марта »	17	138	452
» » марта » » апрѣля »	105	1.241	2.878
» » апрѣля » » мая »	190	1.733	5.506.
Съ $\frac{26 \text{ сентября}}{8 \text{ октября}}$ 1854 по $\frac{1}{13}$ мая 1855 г.	538	6.035	11.682.

Итого — офицеровъ 538, солдатъ 17.717.

Но въ этихъ спискахъ нѣтъ свѣдѣній за май, потому что при отступленіи изъ Севастополя затеряны были книги. Между тѣмъ, потеря въ раненыхъ, по спискамъ гарнизона, за одинъ этотъ мѣсяцъ простирается до 10.099, такъ что если приложить это число, то получимъ общую сумму около 28.000 раненыхъ. Однако и эта цифра еще далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительной убыли, и малыя числа въ книгахъ перевязочныхъ пунктовъ объясняются тѣмъ, что при большихъ сраженіяхъ и сильномъ наплывѣ больныхъ, точное записываніе часто становилось невозможнымъ.

По гарнизоннымъ спискамъ (*) получаются слѣдующія числа:

Октябрь	1854 г.	Раненыхъ	нижн.	чиновъ	5.838,	офиц.	227
Ноябрь		»	»	»	645	»	20
Декабрь		»	»	»	985	»	38

(*) См. «*Описаніе обороны Севастополя*», приложенія №№ 21 и 40.

Январь		Раненыхъ	нижн.	чиновъ	782,	офиц.	22
Февраль		»	»	»	1.080	»	22
Мартъ	1855 г.	»	»	»	6.353	»	167
Апрѣль		»	»	»	6.997	»	132
Май		»	»	»	9.810	»	289
		Итого нижнихъ чиновъ . .			32.490,	офиц.	917
				А всего . .	33.407.		

Если, по тому же источнику, считать за это время убитыхъ 7.733 нижнихъ чиновъ и 188 офицеровъ, итого 7.921, да число пропавшихъ безъ вѣсти 1.245, то получимъ общую потерю по $\frac{1}{13}$ іюня 1855 г. въ самомъ Севастополѣ—42.573, именно въ слѣдующихъ общихъ числахъ:

Октябрь	. . . . .	7.682
Ноябрь	1854 г.	796
Декабрь	. . . . .	1.195
Январь	. . . . .	916
Февраль	. . . . .	1.265
Мартъ	1855 г.	7.577
Апрѣль	. . . . .	8.757
Май	. . . . .	14.385
	Итого . . .	42.573.

Если же прибавить сюда потерю въ сраженіяхъ при Альмѣ (5.709), Балаклавѣ (627), Инкерманѣ (11.959) и при штурмѣ Евпаторіи (769), всего около 20.000, то вся убыль выбывшими изъ фронта въ Крыму составитъ около 62.000.

Въ этомъ числѣ заключается офицеровъ: раненыхъ—1.337, убитыхъ—275, итого—1.612; слѣдовательно въ отношеніи къ общей потерѣ—1:39, или почти 2,6%. Отношеніе павшихъ къ раненымъ между офицерами представляется какъ 1 : 5, а между нижними чинами нѣсколько большее—1 : 4,46.

ГЛАВА III.

ОТЪ ПЕРВАГО ШТУРМА ДО ОТСТУПЛЕНІЯ ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

От $\frac{5}{17}$ іюня по $\frac{28 \text{ августа}}{9 \text{ сентября}}$ 1855 г.

Распредѣленіе больныхъ. — Транспорты. — Госпитали. — Расположеніе, численность и сила ихъ. — Попеченіе о больныхъ. — Затрудненія и злоупотребленія. — Перевязочный матеріалъ и инструменты. — Первый штурмъ на городъ. — Раненые. — Операціи. — Перевязочные пункты. — Раненіе Тотлебена. — Перенесеніе главнаго перевязочнаго пункта. — Описаніе Николаевскихъ батарей. — Перемѣна въ медицинскомъ управленіи. — Смерть Нахимова. — Іюль мѣсяцъ. — Сраженіе при Черной рѣчкѣ. — Перевязочный пунктъ. — Бомбардированіе города. — Хирургическая дѣятельность. — Раны. — Усиленное бомбардированіе. — Послѣдній штурмъ. — Отступленіе. — Цифра раненыхъ и операцій, по книгамъ перевязочныхъ пунктовъ. — Вычисленіе нашихъ потерь. — Число операцій и исходъ ихъ.

Послѣ взятія редутовъ непріятелемъ, всѣхъ вообще больныхъ вывели изъ Севастополя, и въ городѣ, собственно говоря, не оставалось болѣе госпитальнаго отдѣленія.

Распредѣленіе больныхъ.

Поэтому пора и намъ теперь взглянуть на дальнѣйшія судьбы раненыхъ, слѣдуя за постояннымъ ихъ передвиженіемъ.

Въ первыхъ числахъ іюня, какъ выше упомянуто, главный перевязочный пунктъ переведенъ былъ на Михайловскую батарею, возлѣ которой съ этой цѣлью разбито нѣсколько палатокъ (*). Вблизи находились мучные магазины, занятые больными морскаго вѣдомства. Далѣе, въ батареѣ № 4, въ прежней квартирѣ князя Меншикова, помѣщалось отдѣленіе для раненыхъ офицеровъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи расположены были бараки, занятые главнымъ Севастопольскимъ госпиталемъ и отдѣленіемъ Морскаго госпиталя, а неподалеку — палатки, предназначенныя первоначально для ампутированныхъ, переведенныхъ съ Южной стороны; по впослѣдствіи, принявъ болѣе широкіе размѣры, эти палатки принимали въ себя все болѣе возрастающее число раненыхъ. На западъ, ближе къ морю, подлѣ деревни Учкуи, на мѣстѣ не совсѣмъ удобномъ, раскинуты были палатки для временнаго сухопутнаго Севастопольскаго госпиталя. Въ Сѣверномъ укрѣпленіи устроено отдѣленіе для больныхъ и раненыхъ офицеровъ флота. Верстъ около шести отъ Севастополя, у рѣчки Бельбекъ, недалеко отъ развалинъ деревни того же имени, учрежденъ госпиталь, тоже въ палаткахъ. Это былъ подвижной госпиталь № 3, назначенный первоначально только для 300 больныхъ.

Такъ, или почти такъ, состоялось распредѣленіе больныхъ на мѣстахъ, которыми мы имѣли возможность располагать подъ Севастополемъ и гдѣ подавалась первая помощь раненымъ или заболѣвавшимъ.

(*) См. прилагаемую карту.

Взглянемъ теперь на дальнѣйшую судьбу раненыхъ и на тѣ общія мѣры, которыми предполагалось обезпечить ихъ нужды и правильный уходъ за ними.

Транспортированіе больныхъ.

Въ этомъ отношеніи все зависѣло отъ перевозки больныхъ. Обойти ее было невозможно, а при ежедневно возрастающемъ числѣ раненыхъ, быстро возрастала и потребность въ средствахъ для ихъ передвиженія.

Отъ надлежащаго устройства транспортной части зависѣлъ главнымъ образомъ успѣхъ всего дѣла.

Мы уже видѣли, что съ прибытіемъ князя Горчакова и при благопріятномъ вліяніи хорошей погоды перевозка больныхъ приведена была въ извѣстный порядокъ, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи, такъ что не встрѣчалось уже никакихъ существенныхъ задержекъ.

Но чтобы и на будущее время обезпечить себя въ этомъ отношеніи, князь Горчаковъ, не довольствуясь существующими уже средствами, приказалъ заключить съ подрядчикомъ контрактъ, послѣ котораго въ различныя мѣста слѣдовало доставить сначала 600, а впослѣдствіи, по условію съ другими уже лицами, еще 800 пароконныхъ фуръ. Фуры эти должны были быть покрыты деревянною плетенкой, просторны и удобны для помѣщенія четырехъ больныхъ.

Но генералъ-интендантъ, вмѣсто того, заключилъ контрактъ на поставку не пароконныхъ, а 1.400 одноконныхъ фуръ, которыя притомъ совершенно не соотвѣтствовали даннымъ условіямъ. Покрытыя старыми рогожами, онѣ не защищали ни отъ солнца, ни отъ дождя, а по малымъ размѣрамъ ихъ въ нихъ съ трудомъ помѣщались двое легко-раненыхъ; изъ ампутированныхъ же для одного онѣ представляли очень мало мѣста. Лошади и упряжь находились въ самомъ плохомъ состояніи, такъ что были причиной частыхъ остановокъ. Наконецъ, на каждыя пять фуръ приходился только

одинъ погонщикъ, и, безъ надлежащаго присмотра, онѣ часто опрокидывались во вредъ больнымъ.

Мы уже въ другомъ мѣстѣ упомянули о средствахъ перевозки, которыми, кромѣ того, могъ располагать главнокомандующій. Это были: 1) фуры нѣмецкихъ колонистовъ, подвозившихъ провіантъ, 2) повозки, приходившія изъ внутренней Россіи съ различными боевыми припасами, и наконецъ 3) такъ называемые полуфурки подвижныхъ госпиталей 3-го, 4-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ.

Послѣдніе три вмѣстѣ могли постоянно предоставлять 150 подводъ для этой цѣли.

Если даже, сообразно транспортной инструкціи, считать среднимъ числомъ по 4 челов. на каждую фуру, то всё-таки сразу можно было перевозить не болѣе 600 больныхъ. Принимая же во вниманіе, что для перевозки больныхъ изъ Севастополя въ Симферополь потребуется туда и обратно 5 дней, мы увидимъ, что, несмотря на близость разстоянія, ежемѣсячно можно было перевозить не болѣе 3.600 челов., что̀, конечно, далеко не соотвѣтствовало громаднымъ требованіямъ. Кромѣ того, въ виду осени и слѣдующей за нею зимы, нисколько не озаботились о теплой одеждѣ, необходимой въ это время года.

До сихъ поръ осталось недостаточно разъясненнымъ, почему не воспользовались тогда пособіями, которыя предложили инспекторъ резервной кавалеріи, графъ Никитинъ, и генералъ-адъютантъ Анненковъ. На предложеніе генерала Анненкова отвѣтили только просьбою имѣть наготовѣ 300 полушубковъ и столько же паръ теплыхъ сапоговъ. Дорого пришлось поплатиться потомъ за это нерадѣніе. Зимой, за недостаткомъ теплой одежды, многіе больные отморозили себѣ члены, а значительное число ихъ даже погибло отъ холода. Наконецъ, кромѣ всѣхъ лишеній, больные страдали еще отъ нерадѣнія транспортныхъ офи-

церовъ и врачей. Однакоже, не было принято никакихъ энергическихъ мѣръ для устраненія безпорядковъ, даже и въ случаѣ видимыхъ злоупотребленій (мнѣніе Высочайше учрежденной коммисіи).

Транспорты съ больными и ранеными слѣдовали, какъ и прежде, но въ восходящей прогрессіи, въ Херсонъ и Николаевъ. Вскорѣ тракты эти такъ переполнились, что оказалось необходимымъ устроить другой путь. Начали приготовлять госпитали въ Екатеринославской, Херсонской и Полтавской губерніяхъ, а инспектору резервной кавалеріи поручили очистить госпитали Украинскаго военнаго поселенія, для пріема больныхъ Крымской арміи.

Госпитали, расположеніе и средства ихъ.

Транспорты съ больными слѣдовали съ начала лѣта большей частью въ Екатеринославъ. За Перекопомъ они встрѣчали три госпиталя, которые могли имъ приносить нѣкоторую пользу:

Въ Каховкѣ	—	на	100	больныхъ
» Бериславлѣ	—	»	350	»
» Никополѣ	—	»	150	»

Въ Екатеринославской губерніи устроены были слѣдующіе госпитали:

Въ Александровскѣ	—	на	600	больныхъ
» Павлоградѣ	—	»	900	»
» Екатеринославѣ	—	»	1.350	»
		Всего—	3.450	больныхъ.

Изъ Екатеринослава транспорты слѣдовали далѣе въ госпитали:

1) Полтавской губерніи:

Въ Кременчугскій	—	на	900	кроватей
» Переяславльскій	—	»	1.500	»
» Прилукскій	—	»	900	»

Въ Роменскій	—	на 1.200	кроватей
» Золотоношскій	—	» 150	»
		Всего—4.650	кроватей.

2) Въ Харьковскій госпиталь—на 3.000 кроватей.

3) Въ госпитали военныхъ поселеній, гдѣ для больныхъ Крымской арміи предоставлялось 4.800 кроватей.

И такъ, по этимъ трактамъ заготовили помѣщеніе для 15.900 больныхъ. Несмотря однакоже на эту предусмотрительность, въ иныхъ мѣстахъ накопилось несоразмѣрное число больныхъ, такъ что уже осенью харьковскій генералъ-губернаторъ просилъ пріостановить транспорты въ Полтавскую губернію, потому что тамъ находилось болѣе 10.000 больныхъ, а мѣстъ было всего на 4.000. Вслѣдствіе этого транспорты направились въ Харьковъ и военныя поселенія.

Выше было уже подробно обозначено, сколько вообще могли вмѣстить госпитали, находящіеся на Крымскомъ полуостровѣ, и каково было ихъ устройство.

Кромѣ этихъ госпиталей и полковыхъ лазаретовъ, къ району Крымской арміи принадлежали слѣдующіе госпитали:

1)	Алешковскій временный	для	500	больныхъ
2)	Николаевскій № 3	»	4.180	»
3)	» № 11	»	1.160	»
4)	Подвижной № 1	»	450	»
5)	Мелитопольскій и Маріупольскій		150	»
6)	Подвижнаго резерва № 6	»	450	»
7)	Херсонскій госпиталь	»	4.600	»
		Всего	11.490	больныхъ.

Прибавивъ къ этому 10 госпиталей на полуостровѣ и 4 подвижныхъ госпиталя, всѣхъ приблизительно для 30.000

больныхъ, получимъ всего 30 госпиталей, для 57.000 больныхъ.

Прежде всего займемся разслѣдованіемъ, какъ пристроили больныхъ, перенесшихъ трудности и лишенія перевозки, въ Крыму и особенно въ Симферополѣ.

Для устраненія постояннаго недостатка въ помѣщеніи, построили въ Симферополѣ 8 госпитальныхъ бараковъ, каждый для 250 кроватей, увеличивъ такимъ образомъ число кроватей на 2.000.

Вначалѣ это расширеніе дѣйствительно принесло нѣкоторую помощь, но впослѣдствіи опять оказалось очень недостаточнымъ.

Затрудненія и злоупотребленія.

Въ Симферополѣ, центрѣ сбора всѣхъ больныхъ Крымской арміи, отразилось, рельефнѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, все зло, какое влечетъ за собой неприготовленная война, неусовершенствованная администрація и плохой уходъ за больными. Здѣсь было самое главное стеченіе больныхъ, чему не соотвѣтствовали ни средства, ни мѣсто, ни составъ служащихъ, ни распоряженія, относящіяся къ больнымъ и ихъ нуждамъ. Поэтому здѣсь накопилось наибольшее число жалобъ, и Симферополю пришлось отвѣчать за грѣхи медицинскаго дѣла во всемъ Крыму.

Назначенная по Высочайшему повелѣнію слѣдственная коммисія открыла въ Симферопольскомъ госпиталѣ цѣлый рядъ недостатковъ, опущеній и злоупотребленій, но, можетъ быть, не принявъ во вниманіе ни неизбѣжнаго вліянія войны, ни ошибочной и сложной организаціи медицинской части вообще, ни недостатка въ служащихъ въ особенности. Что̀ сказано о Симферополѣ, то можно примѣнить ко всѣмъ госпиталямъ вообще. Если бы Симферополь поставить внѣ условій войны, хаоса приказовъ, контрприказовъ и огромнаго бремени канцелярской переписки, вина его была бы не больше чѣмъ каждаго русскаго гос-

питаля вообще въ мирное время. При громадныхъ размѣрахъ, здѣсь недостатки только яснѣе выразились.

Страданія раненыхъ и больныхъ отъ перевозки продолжались и по прибытіи въ Симферополь. Послѣ двухъ-дневнаго путешествія подъ дождемъ или подъ палящимъ солнцемъ, причемъ больнымъ приходилось страдать отъ тряски фуръ, недостатка воды и пищи, они и по прибытіи въ Симферополь должны были еще странствовать отъ одного госпиталя къ другому, изъ одной улицы въ другую, блуждая такимъ образомъ по всему городу и вездѣ получая отказъ за недостаткомъ мѣста. Случалось часто, что въ первый день они совсѣмъ не получали пищи. Какимъ образомъ это могло быть? Мы приведемъ въ отвѣтъ слова самого смотрителя Симферопольскаго госпиталя: «*Случалось не разъ, что изъ главнаго штаба присылали въ Симферополь приказъ о заготовленіи мѣстъ и продовольствія для 2.000 больныхъ и раненыхъ, и это — въ такое время, когда нельзя было располагать иногда и 20-ю кроватями. Что же оставалось дѣлать въ подобномъ случаѣ? Или стѣснить больныхъ до того, что уже окончательно нарушались законы гигіены, или помѣстить легко-раненыхъ въ палаткахъ, сараяхъ, плохихъ строеніяхъ, безъ бѣлья и одѣялъ? Вслѣдствіе приказа, заготовлялась пища на назначенный день. День клонился къ концу, а транспортъ не прибывалъ. Слѣдующій день проходитъ, а больныхъ все еще нѣтъ; пища, заготовленная для двухъ тысячъ человѣкъ, между тѣмъ портится. Вотъ уже полдень слѣдующаго дня, а раненыхъ всё-таки не видно. Наконецъ, пища уже совсѣмъ прокисла и стала негодною. Назначается коммисія для ея освидѣтельствованія и опредѣляетъ уничтожить негодный запасъ. Часъ спустя, является транспортъ съ жаждущими и проголодавшимися больными, но готовой пищи нѣтъ. Госпитальное управленіе, даже и за баснословныя цѣны, не можетъ достать говядины. Раненые офицеры поднимаютъ шумъ. Если испуганному эконому и удавалось достать нѣсколько курицъ, по рублю за штуку, то бывало и такъ, что*

поваръ какъ разъ въ это время или сбѣжалъ, или такъ пьянъ, что совсѣмъ не способенъ варить, или только портитъ кушанье, вслѣдствіе чего новыя неудовольствія. Какъ мало вообще заботились о предметахъ первой необходимости, видно изъ фактовъ. Уже въ сентябрѣ, при 13.000 больныхъ, имѣлось налицо всего 6.000 ложекъ и ни за какія деньги не могли пріобрѣсти седьмой тысячи. Ежедневно слышались жалобы очень основательныя, но вызываемыя только обстоятельствами». Конечно, эти жалобы были чаще на такомъ пунктѣ, гдѣ скучивалось отъ 10 до 13 тысячъ больныхъ, и достигали такихъ размѣровъ, какихъ въ другомъ мѣстѣ имѣть не могли. Жалобы эти дошли до свѣдѣнія Государя Императора и подали поводъ къ Высочайше назначенной слѣдственной коммисіи. Правда, что не позаботились о многихъ вещахъ, которыя могли бы быть доставлены съ помощью главнаго начальства, но оставались только на бумагѣ, благодаря вялому ходу канцелярской переписки. Нельзя не сознаться, что недостатокъ въ этихъ предметахъ производилъ въ уходѣ за больными остановки и большой вредъ, но по большей части это не зависѣло непосредственно отъ медицинскаго управленія. Между тѣмъ, въ концѣ концовъ, ему пришлось понести на себѣ всю отвѣтственность. Какъ уже сказано много разъ, самый большой недостатокъ чувствовался въ мѣстѣ, въ кроватяхъ, отчасти въ лекарствахъ и бѣльѣ. Правда, для устраненія этого недостатка построили бараки изъ досокъ, но они были безъ всякаго удобства, не имѣли даже половъ, вслѣдствіе чего поднималась постоянно несносная пыль. Они не защищали больныхъ ни отъ холода, ни отъ дождя. Сдѣлано было распоряженіе о постройкѣ сушиленъ. Но эта постройка не состоялась, и ограничились годичною неутомимою перепиской между генералами Ушаковымъ и Остроградскимъ. Такую же участь потерпѣли и проекты о постройкѣ водовозныхъ бочекъ, погребальныхъ дрогъ и т. п., и наконецъ—о замѣнѣ кроватей топчанами и нарами изъ прутняка. Эти проекты остались также на бумагѣ.

Упрекали чиновниковъ и офицеровъ, присылаемыхъ изъ

Петербурга и главнаго штаба для обревизованія госпиталей, въ поверхностномъ и безпечномъ исполненіи своихъ обязанностей. Донесенія ихъ не казались благопріятными, а недостаткамъ и неудобствамъ числа не было. Заподозрили также директора госпиталей, Остроградскаго, въ утайкѣ недостатковъ и злоупотребленій и въ томъ, будто онъ потакалъ имъ, вводя въ заблужденіе главное начальство своими донесеніями о хорошемъ состояніи дѣла. Эти упреки едва-ли безусловно справедливы, такъ какъ во многихъ случаяхъ безпорядокъ и недостатки исходили отъ тѣхъ же инстанцій, которыми назначалась ревизія, или были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ войны. Главные недостатки, въ которыхъ упрекали всѣ госпитали вообще и которые всего сильнѣе чувствовались въ Симферополѣ, состояли въ слѣдующемъ:

1) совершенное отсутствіе правильнаго счетоводства;

2) неправильное приготовленіе лекарствъ;

3) дурное продовольствіе и плохой уходъ за больными;

4) недобросовѣстность госпитальныхъ чиновниковъ;

5) безпечность мѣстныхъ начальниковъ въ отношеніи контроля счетовъ и веденія книгъ, а также и остальной дѣятельности госпитальныхъ чиновниковъ.

Часть этихъ обвиненій могла бы найти себѣ оправданіе въ данномъ стеченіи обстоятельствъ. При постоянныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, ежедневномъ наплывѣ больныхъ, безпомощности госпиталей, недостаткѣ писарей, и безмѣрномъ требованіи правильнаго и сложнаго веденія книгъ, настаивать еще на обширной перепискѣ—значило настаивать на невозможномъ. Такимъ же образомъ невозможно было завести, при столь громадномъ числѣ больныхъ, правильнаго отпуска рецептовъ, по малочисленности фармацевтовъ и недостатку медикаментовъ. Необходимы были совершенно другія распоряженія. Вообще, вглядываясь во всѣ мѣры и распоряженія во время Крымской кампаніи, можно было произнести только одно роковое: «Поздно!» И это преимущественно относилось бы къ госпитальному дѣлу, гдѣ лишь въ случаяхъ самой крайней необходимости приступали къ такому или другому распоряженію.

Перевязочный матеріалъ.

Взглянемъ теперь, какъ снабжались госпитали и перевязочные пункты перевязочнымъ матеріаломъ. Генералъ Остроградскій заботился—и, кажется, исключительно—только о Симферопольскихъ госпиталяхъ, а генералъ-интендантъ и полевая коммисія, на которыхъ ближе всего лежала обязанность устройства и снабженія военныхъ госпиталей, принимали въ этомъ самое малое участіе, предоставивъ всю заботу главному штабу. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣ втораго бомбардированія Севастополя, оказался такой недостатокъ въ перевязочныхъ матеріалахъ, что главный штабъ принужденъ былъ отправить за ними курьера въ Херсонскій коммисаріатъ. По донесенію слѣдственной коммисіи, назначенной по Высочайшему повелѣнію, главное начальство принуждено было брать изъ полковъ парусину, подкладку и холстъ, для передачи генералъ-штабъ-доктору, на удовлетвореніе крайней необходимости. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ Севастополѣ, при всемъ громадномъ потребленіи корпіи, холста и бинтовъ, въ нихъ не чувствовали особеннаго недостатка; напротивъ, можетъ быть иногда поступали слишкомъ неразсчетливо съ этими предметами. Слѣдуетъ напр. упомянуть, что въ апрѣлѣ издерживали ежедневно на одномъ только перевязочномъ пунктѣ Городской стороны, съ прилежащимъ госпитальнымъ отдѣленіемъ, 7 пуд. корпіи! Такое количество превосходило всякую нормальную мѣру и способно было истощить самые громадные запасы, и это была еще только малая часть ежедневнаго употребленія. Сколько употребляла Александровская казарма, сколько госпитали Сѣверной стороны, сколько, наконецъ, Симферополь и другіе госпитали въ Крыму? Все это объясняетъ, почему главное начальство должно было прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

Съ $\frac{4}{16}$ августа въ полкахъ не оказалось требуемаго ко-

личества перевязочныхъ предметовъ, и ихъ пополнили изъ добровольныхъ приношеній. Назначенная по Высочайшему повелѣнію слѣдственная коммисія донесла также, что самый большой недостатокъ ощущался особенно въ послѣдніе дни защиты Севастополя, такъ что дежурство арміи должно было два раза посылать нарочныхъ за покупкою холста и, за недостаткомъ лучшаго матеріала, употреблять подкладку для перевязки ранъ. Это донесеніе коммисіи не совсѣмъ согласуется съ донесеніемъ, представленнымъ мною по должности директора главнаго перевязочнаго пункта. Мною было заявлено, что до послѣднихъ минутъ не было недостатка въ перевязочномъ матеріалѣ, несмотря на громадное потребленіе, которое простиралось въ послѣдніе дни защиты ежедневно до 30.000 арш. бинтовъ; что по отступленіи на Сѣверную сторону, значительное количество этого матеріала было брошено на Южной сторонѣ. Правда, это потребленіе пополнялось не въ малой мѣрѣ добровольными приношеніями, которыя пересылались въ Крымъ.

Въ продолженіе августа мѣсяца израсходовано на одной Николаевской батареѣ $1^1/_2$ пуда хлороформа. Что штабъ главнокомандующаго и генералъ-штабъ-докторъ не оставались въ бездѣйствіи относительно доставки перевязочныхъ предметовъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ: изъ Херсонскаго коммисаріата потребовали перевязочныхъ предметовъ на 100.000 раненыхъ, а для покрытія первой необходимости выписали, между тѣмъ, изъ Симферополя 8.000 арш. холста для бинтовъ, пожертвованнаго частными лицами.

$\frac{2}{14}$ апрѣля 1855 г. отпустили въ Севастопольскіе госпитали бинтовъ:

№ 1	—	22.222	арш.
№ 2	—	33.334	»
№ 3	—	11.111	»

и холста для компрессовъ—8.333¾ арш., корпіи—52 пуда 3½ фунта. Такое же количество было отпущено и въ Симферопольскій госпиталь. Вмѣстѣ съ этимъ, Херсонскій комиссаріатъ просилъ о высылкѣ оставшихся въ Кременчугѣ 266.000 арш. бинтовъ, 59.500 арш. компрессовъ, и 550 пуд. ветоши, отправленныхъ туда изъ Москвы. Для большаго обезпеченія арміи и госпиталей, главнокомандующій обратился съ просьбою къ военному министру, $\frac{13}{25}$ апрѣля 1855 г., о доставленіи новыхъ запасовъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Бинтовъ	№ 1	—	500.000	арш.
»	№ 2	—	450.000	»
»	№ 3	—	50.000	»
	Всего	—	1.000.000	»

Холста для компрессовъ	100.000	арш.
Корпіи	1.000	пуд.
Ветоши	10.000	»
Ваты	50	»
Крахмалу.	25	»
Крученаго шелку . . .	50	фунт.
Картону	8.000	лист.
Бѣлой жести	50	»

$\frac{15}{27}$ мая военный министръ увѣдомилъ главнокомандующаго, что уже сдѣлано надлежащее распоряженіе о доставленіи требуемыхъ предметовъ. Всѣ эти предметы были доставлены и распредѣлены по частямъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ Крыма. Но такъ какъ въ августѣ потребленіе неожиданно возрасло, особенно на перевязочныхъ пунктахъ Севастополя, въ Симферополѣ и въ трехъ подвижныхъ госпиталяхъ, и кромѣ того нужно было постоянно снабжать перевязочными матеріалами транспорты

раненыхъ, то и этотъ запасъ вскорѣ истощился. Вслѣдствіе этого, генералъ-штабъ-докторъ арміи обратился, $\frac{9}{21}$ сентября 1855 г., къ дежурному генералу съ рапортомъ, прося о доставленіи новыхъ запасовъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Бинтовъ	2.000.000	арш.
Холста	200.000	»
Корпіи	2.000	пуд.
Ветоши	2.000	»
Ваты	100	»
Шелку	20	фунт.
Булавокъ	80	»
Крахмалу	50	пуд.
Картону	5.000	лист.
Бѣлой жести. . . .	500	»
Лубковъ	1.000	шт.

Военное министерство сдѣлало также надлежащее распоряженіе для удовлетворенія и этого требованія. Съ отступленіемъ изъ Севастополя прекратились собственно военныя дѣйствія, а потому уже не было явнаго недостатка въ перевязочныхъ матеріалахъ; не было его, какъ выше упомянуто, и на перевязочныхъ пунктахъ Севастополя съ конца 1854 г. Всего больше страдали мы отъ недостатка шелковыхъ нитокъ для лигатуры сосудовъ; но и это устранялось добровольными пожертвованіями. Великая Княгиня Елена Павловна въ особенности споспѣшествовала этому, приславъ въ Крымъ шелкъ такого отличнаго качества, какой вѣроятно не встрѣчался до тѣхъ поръ на нашемъ полѣ сраженія.

Хирургическіе инструменты.

Генералъ-штабъ-доктору высылали изъ Петербурга въ различное время хирургическіе инструменты въ достаточ-

номъ количествѣ и хорошаго качества. Случалось однакоже, что не только въ госпиталяхъ, но даже на перевязочныхъ пунктахъ ощущался недостатокъ въ инструментахъ, тогда какъ въ завѣдываніи генералъ-штабъ-доктора накоплялись ихъ цѣлые запасы. Нельзя обойти молчаніемъ, что флотскіе врачи, на которыхъ въ началѣ осады почти исключительно лежалъ весь трудъ занятій на перевязочныхъ пунктахъ, должны были оперировать до послѣдняго дня такими же недостаточными и старыми инструментами, а замѣнить ихъ лучшими имъ не удалось.

Генералъ-штабъ-докторъ имѣлъ при себѣ подмастерье и двухъ учениковъ, для починки и точенія инструментовъ. Въ Кишиневѣ находилась въ это самое время мастерская, остававшаяся совершенно безъ занятія. Когда, въ іюнѣ 1855 г., въ Крыму умеръ подмастерье, тогда только потребовали оттуда обоихъ праздныхъ подмастерьевъ. Оказалось однакоже, что они, за неимѣніемъ необходимыхъ орудій, не могли принести почти никакой пользы. Тогда занялись перевозкой мастерской, что̀ состоялось впрочемъ не прежде февраля 1856 г., т. е. по прекращеніи всѣхъ военныхъ дѣйствій, и то перевезли мастерскую только въ Херсонъ. Какъ въ прежнюю, такъ и въ настоящую эпоху войны встрѣчались опять опущенія и безпорядки въ снабженіи арміи медикаментами, и притомъ, какъ прежде, такъ и теперь, чувствовался самый большой недостатокъ въ хининѣ, столь незамѣнимомъ препаратѣ противъ крымскихъ лихорадокъ. Все это происходило отчасти вслѣдствіе того, что генералъ-штабъ-докторъ не сообщилъ своевременно предписаніе медицинскаго департамента, полученное еще въ маѣ, по которому корпусные врачи и главные лекаря госпиталей должны были потребовать медикаменты и запасы на 1856 г. изъ Херсонской казенной аптеки. Генералъ-

штабъ-докторъ поступилъ не совсѣмъ основательно, предписавъ тремъ вновь открытымъ госпиталямъ въ Симферополѣ требовать медикаменты по сокращенному каталогу. Какимъ образомъ, несмотря на большіе запасы хинина, оказался опять осенью и зимой большой недостатокъ этого препарата, принадлежитъ уже къ изложенію событій по отступленіи изъ Севастополя.

Четвертое бомбардированіе, $\frac{5}{17}$ іюня.

Описавъ вкратцѣ общія медицинскія распоряженія и состояніе госпиталей внѣ Севастополя, мы можемъ возвратиться къ происшествіямъ въ городѣ и тѣсно связанной съ ними медицинской части. Главный перевязочный пунктъ перевели, $\frac{4}{16}$ іюня, на Сѣверную сторону, въ Михайловскую батарею. Ночью съ $\frac{4}{16}$ на $\frac{5}{17}$ іюня непріятель открылъ опять усиленное бомбардированіе по городу.

Опасеніе, что помѣщеніе несоотвѣтственно по недостатку мѣста, оказалось совершенно основательнымъ, лишь только привели раненыхъ. На второстепенныхъ перевязочныхъ пунктахъ въ городѣ, особенно въ Павловской батареѣ, не могли устроить правильной сортировки, по чрезвычайному наплыву раненыхъ, и даже тамъ, гдѣ могли ее соблюсти, оставалось большое число сомнительныхъ случаевъ, при которыхъ нужно было взвѣсить многія обстоятельства, прежде чѣмъ рѣшиться за или противъ немедленной ампутаціи. Но и здѣсь еще многое зависѣло отъ личнаго взгляда и спеціальной опытности хирурга. Одинъ хирургъ оперируетъ тамъ, гдѣ другой считаетъ операцію невозможною, а третій дѣлаетъ операцію тамъ, гдѣ четвертый надѣется сохранить членъ при неподвижной перевязкѣ.

Ни перевязочный пунктъ на Михайловской батареѣ, ни палатки не могли уже болѣе вмѣщать даже сортированныхъ и выбранныхъ для ампутаціи раненыхъ; оставалось одно

средство—подвергнуть ихъ на транспортныхъ судахъ новому осмотру, и оставивъ годныхъ къ операціи, остальныхъ отправлять, водою, въ бараки на Сѣверной сторонѣ.

Утромъ $\frac{6}{18}$ іюня былъ первый достопамятный штурмъ. Цѣлый день снова провозили раненыхъ водою. Старались какъ можно скорѣе исполнять необходимыя операціи, боясь въ жаркое время откладывать ампутаціи до другаго дня и тѣмъ самымъ сдѣлать операцію невозможною. Мы отбили штурмъ и одержали побѣду. Это важно для медика, потому что побѣда даетъ надежду на лучшій исходъ ранъ. Она доставляетъ, съ одной стороны, болѣе покоя, болѣе средствъ заботиться о раненыхъ и успѣшно перевозить ихъ, съ другой стороны—приписываютъ важное вліяніе на исходъ операціи психическому состоянію побѣдителя. Штурмъ $\frac{6}{18}$ іюня.

Мы потеряли въ эти два дня, $\frac{5}{17}$ и $\frac{6}{18}$ іюня, убитыми, ранеными и контуженными,—5.446 челов.

На главномъ перевязочномъ пунктѣ Михайловской батареи сдѣлано было $\frac{5}{17}$ іюня, за исключеніемъ вылущеній и резекцій пальцевъ на рукахъ и ногахъ, 52 ампутаціи большихъ членовъ, $\frac{6}{18}$—67, и $\frac{7}{19}$ іюня—44; всего большихъ операцій — 163. Несмотря на недостатокъ мѣста, хирурги пріобрѣли такой навыкъ, механизмъ перевязочнаго пункта на столько усовершенствовался, что не случалось задержекъ въ операціяхъ. Всѣхъ нуждающихся въ операціи и доставленныхъ на главный перевязочный пунктъ оперировали въ самый день ихъ пораненія. Но произошла другая задержка, именно—отъ перевозки раненыхъ съ Корабельной и Городской стороны черезъ бухту. Такимъ образомъ случилось, что мы еще $\frac{7}{19}$ іюня должны были сдѣлать 44 ампутаціи, такъ какъ намъ только въ этотъ день доставили этихъ раненыхъ. Операціи.

На Городской сторонѣ господствовало всеобщее неудовольствіе на новое устройство перевязочнаго пункта, и вто- Перевязочные пункты.

ростепенный перевязочный пунктъ на Николаевской батареѣ найденъ совершенно недостаточнымъ. Нужно было подумать о переведеніи перевязочнаго пункта опять на Городскую сторону, тѣмъ болѣе, что помѣщеніе на Сѣверной сторонѣ, по неудобству своему, не дозволяло приносить желанной пользы раненымъ. Чтобы доставить тяжело-раненымъ офицерамъ лучшее помѣщеніе, князь Васильчиковъ приказалъ устроить въ батареѣ № 4, бывшей квартирѣ князя Горчакова, лазаретъ для офицеровъ. Онъ былъ присоединенъ къ главному перевязочному пункту и отданъ на мое попеченіе. Туда назначенъ былъ мною докторъ Тарасовъ, согласно его желанію.

Это зданіе могло вмѣстить только 30 офицеровъ, но по мѣстности и удобству представляло больше преимуществъ, чѣмъ каждый другой лазаретъ. Поэтому легко можно было предвидѣть, что большая часть раненыхъ офицеровъ будутъ стремиться именно сюда, вслѣдствіе чего очень скоро здѣсь можетъ оказаться недостатокъ мѣста для болѣе нуждающихся, выдержавшихъ операціи и тяжело-раненыхъ. Потому я просилъ князя Васильчикова распорядиться какъ-нибудь, во избѣжаніе этого затрудненія. На слѣдующій день, $\frac{8}{20}$ іюня, князь отдалъ слѣдующій приказъ по Севастопольскому гарнизону:

«*Въ устроенное на батареѣ № 4 госпитальное офицерское отдѣленіе принимаются одни только тяжело-раненые офицеры, которые, для перевязки и операціи, должны быть предварительно отправляемы на Михайловскую батарею, откуда они будутъ препровождаемы, при запискахъ профессора Гюббенета, на батарею № 4, безъ записокъ котораго никто изъ офицеровъ на батарею № 4 принимаемъ не будетъ. На перевязочныхъ пунктахъ въ Николаевской батареѣ и на Павловскомъ мыскѣ старшимъ медикамъ поступающихъ раненыхъ офицеровъ сортировать, и только*

однихъ тяжело-раненыхъ отправлять на Михайловскую батарею, для осмотра профессора Гюббенета и отправленія таковыхъ, по его усмотрѣнію, на батарею № 4; остальныхъ же офицеровъ, съ легкими ранами, отправлять прямо съ перевязочныхъ пунктовъ въ военно сухопутный госпиталь».

Положеніе раненыхъ въ большомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ было самое бѣдственное. Вслѣдствіе двухъ дѣлъ, слѣдовавшихъ такъ быстро одно за другимъ,—штурма редутовъ, $\frac{26 \text{ мая}}{7 \text{ іюня}}$, и штурма самаго Севастополя, $\frac{6}{18}$ іюня, — госпитали до того переполнились, что положительно не было мѣста раненымъ. Они не только лежали густыми рядами на нарахъ, но даже полъ былъ ими сплошь устланъ. Взявъ во вниманіе совершенный недостатокъ вентиляціи и высокую температуру іюньской жары въ Крыму, легко можно себѣ представить заразительность и интенсивность міазмовъ, которые необходимо должны были развиться отъ сильнаго нагноенія ранъ, въ особенности у оперированныхъ. Едва-ли можно было назвать лучшимъ помѣщеніе офицеровъ и уходъ, которымъ они пользовались. Уже при входѣ въ офицерскія палаты обдавало такою атмосферой, что духъ захватывало; несмотря на низкія комнаты, больныхъ размѣстили такъ тѣсно, что почти не было промежутка между ними. Лучше всего было бы оставлять окна постоянно открытыми, но противъ этого протестовали сами больные. Днемъ, при открытыхъ окнахъ, становилось еще жарче, и вносилось множество пыли и мелкаго песку, ночью же температура казалась уже черезчуръ низкою, особенно для страдавшихъ гнойнымъ зараженіемъ (піемія). Здѣсь выказались вредныя послѣдствія того, что медицинское управленіе Сѣверной стороны не убѣдилось въ необходимости распредѣленія больныхъ по родамъ болѣзней и не озаботилось приготовить

для нихъ болѣе мѣста. Больные съ обыкновенными гноящими и проницающими ранами были положены возлѣ піемическихъ и гангренозныхъ, вслѣдствіе чего госпиталь сталъ весьма опаснымъ пребываніемъ для всѣхъ раненыхъ вообще.

Чтобъ улучшить такое положеніе дѣлъ, главнокомандующій вынужденъ былъ приказать перевести раненыхъ и оперированныхъ французовъ въ Одессу. Людямъ этимъ, дней за десять передъ тѣмъ выдержавшимъ ампутаціи, преимущественно верхней части бедра, предстояла поѣздка въ іюньскую жару по пустыннымъ степямъ Крыма, на простыхъ неудобныхъ телѣгахъ. При такихъ условіяхъ было мало надежды на хорошій исходъ ихъ болѣзни. Никто однакоже не осмѣлился противорѣчить распоряженію главнокомандующаго, имѣя въ виду необходимость очищенія мѣстъ въ госпиталѣ. Всѣ были убѣждены, что едва-ли судьба несчастныхъ на тряскихъ повозкахъ и въ безводныхъ степяхъ Крыма будетъ хуже, чѣмъ въ Севастопольскихъ зараженныхъ госпиталяхъ. Временный госпиталь въ палаткахъ, переведенный за Сѣверное укрѣпленіе подлѣ Учкуи, хотя пользовался лучшими условіями, но не имѣлъ офицерскаго отдѣленія. Князь Васильчиковъ, впрочемъ, настаивалъ на немедленномъ уничтоженіи, или перемѣщеніи этого госпиталя, потому что дежурный генералъ главнаго штаба Ушаковъ устроилъ его, несмотря на заявленія князя, на такомъ мѣстѣ, на которомъ онъ могъ подвергаться огню непріятельскихъ кораблей, въ случаѣ стрѣльбы.

Въ дни бомбардированія и штурма, большое число не только раненыхъ, но и такихъ, которымъ предстояла операція, приносились прямо въ госпиталь на Сѣверной сторонѣ. Посѣтивъ его $\frac{8}{20}$ іюня, я нашелъ, что здѣсь нужно было сдѣлать еще много операцій, и генералъ-штабъ-докторъ просилъ меня прислать для этого съ главнаго перевязочнаго пункта

нѣсколько операторовъ. Присланные медики дѣйствительно сдѣлали въ продолженіе двухъ дней 80 большихъ операцій. Принимая, что въ предъидущіе дни тутъ сдѣлано около 60 операцій и считая также произведенныя на главномъ перевязочномъ пунктѣ, получимъ въ итогѣ 300 операцій. Къ этому числу нужно прибавить около 50 ампутацій, нетерпѣвшихъ отлагательства и сдѣланныхъ еще на Южной сторонѣ, такъ что всѣхъ операцій надъ ранеными послѣ штурма слѣдуетъ считать около 350.

Считая нашу потерю ранеными, за исключеніемъ убитыхъ, немного болѣе 4.000, получимъ 9% ампутацій на всю сумму. Таково было приблизительное постоянное отношеніе при ранахъ, произведенныхъ снарядами большихъ артиллерійскихъ орудій.

Вечеромъ $\frac{8}{20}$ іюня Тотлебенъ раненъ штуцерною пулей въ лѣвую голень, съ обнаженіемъ малой берцовой кости. Раненіе Тотлебена.

Рана представляла каналъ около 3 дюйм. глубины, который занималъ наружную сторону нижней голени на ея верхней трети. Рана эта была направлена спереди назадъ и проходила мимо берцовой кости; она возбудила во мнѣ опасеніе, что кость эта также повреждена. Освидѣтельствовавъ рану, я убѣдился, что пуля хотя прошла очень близко, но не задѣла берцовой кости.

Свидѣтельствуя рану на другой день, я нашелъ ее уже гораздо чувствительнѣе. Во время осмотра раны, бомба упала на дворъ дома генерала. Этотъ взрывъ серьезно напомнилъ всѣмъ, что пора раненому перемѣнить квартиру и не подвергать себя напрасно выстрѣламъ непріятеля. Тотлебена перенесли изъ его квартиры, находившейся противъ собора и адмиралтейства, въ казематъ на Николаевской батареѣ. Князь Васильчиковъ также оставилъ свою квартиру, а съ нимъ переѣхали въ Николаевскую батарею штабъ и всѣ канцеляріи, размѣщенныя до тѣхъ поръ въ различныхъ зданіяхъ.

Казалось, что непріятельскіе выстрѣлы значительно приблизились, потому что въ городѣ не было ни одного пункта, куда бы снаряды не попадали. Почти всѣ квартиры были оставлены, и городъ опустѣлъ. Изъ Корабельной въ то же время Хрулевъ переѣхалъ въ Павловскую батарею, вмѣстѣ со своимъ штабомъ. Одного только Нахимова нельзя было побудить, чтобъ онъ выѣхалъ изъ своей квартиры. Знаменитый адмиралъ оставался въ ней до тѣхъ поръ, пока пуля не прекратила его жизни.

Перемѣщеніе главнаго перевязочнаго пункта на Южную сторону.

Вскорѣ и главный перевязочный пунктъ снова былъ переведенъ изъ Михайловской батареи на Сѣверной сторонѣ въ обширную Николаевскую батарею.

Отъ князя Васильчикова $\frac{11}{23}$ іюня получена мною слѣдующая бумага:

«*Господинъ главнокомандующій, находя перемѣщеніе главнаго перевязочнаго пункта изъ дома благороднаго собранія въ Михайловское укрѣпленіе неудобнымъ, потому что, при послѣднемъ бомбардированіи Севастополя и штурмѣ непріятелемъ нашихъ укрѣпленій, раненые не могли получить довольно скорой медицинской помощи на двухъ второстепенныхъ перевязочныхъ пунктахъ въ городѣ—въ Николаевскихъ казармахъ* (*) *и на Павловскомъ мыску,—изволилъ приказать: главный перевязочный пунктъ перевести обратно въ городъ, въ Николаевскія казармы, занимая также, для сей надобности, по прежнему, и домъ благороднаго собранія*».

«*Согласно отзыва объ этомъ дежурнаго генерала, отъ 10 іюня за № 9820, господинъ начальникъ гарнизона поручилъ мнѣ теперь же перевести главный перевязочный пунктъ изъ Михайловской батареи въ Николаевскія казармы; затѣмъ Михайловскую батарею обратить подъ офицерское отдѣленіе, оставивъ таковое же и въ батареѣ № 4*».

«*По переходѣ главнаго перевязочнаго пункта въ Нико-*

(*) Николаевская батарея.

лаевскую батарею, раненые, которымъ необходима будетъ ампутація, должны поступать всѣ, не исключая и Павловскаго мыска, въ Николаевскую батарею, откуда, по выдержаніи нѣсколько дней послѣ ампутаціи, переводить на Сѣверную сторону, въ госпиталь; но если на перевязочномъ пунктѣ Павловскаго мыска окажутся такіе раненые, что имъ необходимо будетъ тотчасъ сдѣлать ампутацію, то таковыхъ въ Николаевскую батарею не отправлять, и сдѣлавъ тамъ же ампутацію и выдержавъ нѣсколько дней, отправлять также на Сѣверную, въ госпиталь; затѣмъ прочіе раненые, послѣ первой перевязки, должны быть отправляемы тотчасъ на Сѣверную, въ сухопутный или военно-временный госпиталь. Тѣ г.г. офицеры, которые будутъ подлежать отправленію на Сѣверную въ госпиталь, должны быть снабжены билетами по прилагаемой при семъ формѣ».

«Завѣдываніе главнымъ перевязочнымъ пунктомъ и на Павловскомъ мыску остается у тѣхъ же лицъ, какъ до сего времени было; затѣмъ второстепенный перевязочный пунктъ въ Николаевской батареѣ закрывается».

Перевязочный пунктъ былъ переведенъ $\frac{12}{24}$ іюня въ Николаевскую батарею, а съ утра $\frac{13}{25}$ числа началась тамъ дѣятельность. Приготовлены одновременно кровати для 600 раненыхъ. Домъ благороднаго собранія былъ пустъ и назначался для пріема больныхъ, въ случаѣ большаго наплыва. Кромѣ того, исходатайствовано мною у князя Васильчикова позволеніе занять для безнадежныхъ и гангренозныхъ больныхъ Екатерининскій дворецъ, гдѣ прежде помѣщались раненые офицеры, а впослѣдствіи была канцелярія штаба. Это сдѣлано потому, что дома Гущина и Орловскаго, гдѣ прежде помѣщались вышесказанные больные, находились еще болѣе подъ непріятельскими выстрѣлами и оказались теперь слишкомъ опасными помѣщеніями.

Николаевская батарея.

Николаевская батарея представляетъ съ этого времени особенный видъ. Едва-ли въ другое время и въ другомъ жилищѣ можно было увидѣть такое скопленіе народа и такое разнообразіе жильцевъ, какъ здѣсь. Николаевская батарея сама по себѣ представляла какъ бы особый городъ. Начальникъ гарнизона, графъ Остенъ-Сакенъ, со своими адъютантами, занялъ лѣвую оконечность батареи. Здѣсь же жилъ и 1-й комендантъ, генералъ-лейтенантъ Кизмеръ. Вслѣдъ затѣмъ—штабъ 4-го пѣхотнаго корпуса, казематъ Тотлебена; далѣе, по порядку къ сѣверу,—канцелярія 4-го корпуса, канцелярія Тотлебена и квартира инженерныхъ офицеровъ, штабъ и канцелярія гарнизона, квартира князя Васильчикова, квартиры медиковъ, офицерскій лазаретъ, квартира сестеръ милосердія, лазаретъ, принадлежащій къ перевязочному пункту, для оперированныхъ, и состоящій изъ длиннаго ряда казематъ, съ нѣсколькими сотнями кроватей. Въ нижнемъ этажѣ находились гаубтвахта, вольная городская аптека, которой отпустили нѣсколько казематъ, квартиры нѣсколькихъ генераловъ и врачей, лазаретъ для сотни легко-раненыхъ, ежедневно два раза перевозимыхъ на Сѣверную сторону; далѣе—перевязочный пунктъ съ нѣсколькими казематами для медиковъ, штабъ и канцелярія морскаго управленія; въ подвальномъ же этажѣ, находившемся только на правой половинѣ батареи, помѣщалось нѣсколько мастерскихъ. Сюда также перешли купцы изъ города, со своими магазинами, и ресторація. Наконецъ, правая оконечность батареи во всѣхъ трехъ этажахъ была занята пороховымъ погребомъ. Почти таково было постоянное размѣщеніе жителей этого своеобразнаго города. Второй этажъ имѣлъ съ задней стороны открытый корридоръ, служившій помѣщеніемъ для главнаго резерва. Здѣсь лежали солдаты ночью густыми рядами. Днемъ, когда часть ихъ была на службѣ, располагались здѣсь солдатскія сапожныя и портняжныя мастерскія. Остальная часть резерва стояла подъ открытымъ небомъ, укрываясь отъ выстрѣловъ за батареею. Такое сгущеніе людей на одномъ пунктѣ должно было вызвать опасеніе, особенно при сильной лѣт-

ней жарѣ, чтобы не развилась какая-нибудь злокачественная эпидемія, такъ какъ жизненныя отправленія этого множества людей должны были, по необходимости, заразить воздухъ внутри и внѣ батареи. Такое опасеніе, тѣмъ болѣе основательное, что холера уже съ мая мѣсяца существовала между войскомъ, къ счастію, не осуществилось. На различныхъ пунктахъ южной Россіи эпидемія дѣлала значительныя опустошенія, а здѣсь, гдѣ повидимому все не благопріятствовало гигіенѣ, холера не достигла особенныхъ размѣровъ. При всемъ томъ она существовала, и даже въ самой рѣзкой формѣ, такъ что заболѣвшіе погибали какъ въ самый разгаръ страшной эпидеміи. Къ счастію, заболѣвало, по рапортамъ, ежедневно въ гарнизонѣ Городской стороны не болѣе 5 — 8 челов. Мы не знаемъ, какому благопріятному вліянію приписать это относительно хорошее состояніе здоровья. Что вообще во время всей осады не было настоящей эпидеміи, можно себѣ, пожалуй, объяснить напряженнымъ моральнымъ состояніемъ людей и усиленной дѣятельностью ихъ. Притомъ, многіе изъ людей погибали отъ непріятельскаго огня прежде чѣмъ въ нихъ могъ развиться зародышъ какой-либо болѣзни. Что, при подобныхъ обстоятельствахъ, можно было сдѣлать для гигіены, было сдѣлано. Холерное отдѣленіе переведено въ отдѣльное зданіе, а полковые лазареты выведены изъ Николаевской батареи. Выбрали для холернаго отдѣленія инженерный домъ, бывшій перевязочнымъ пунктомъ во время бытности Пирогова. Хотя зданіе это расположено южнѣе Николаевской батареи и ближе къ непріятелю, но непріятельскія ядра до него не долетали. Домà Гущина и Орловскаго были заняты подъ полковые лазареты. Хотя они не были совершенно безопасны, но гдѣ же въ Севастополѣ была безопасность? Найдено, кромѣ того, что необходимо отдѣлить по крайней мѣрѣ безнадежно-раненыхъ, съ проницающими ранами брюха и груди, и гангренозныхъ, такъ какъ на перевязочномъ пунктѣ и безъ того легко могло развиться гнѣздо заразы отъ множества пролитой тамъ крови. Съ этой цѣлью выбрали находящійся у Графской пристани

Екатерининскій дворецъ, имѣвшій въ эту войну разнообразнѣйшія назначенія. Теперь онъ служилъ преддверіемъ смерти. Домъ благороднаго собранія стоялъ пустой и назначался для раненыхъ, въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ. Все тамъ было нà-готовѣ для пріема больныхъ, въ случаѣ наплыва ихъ тысячами. Эти зданія всѣ лежали довольно близко отъ Николаевской батареи. И такъ, въ это время главная медицинская дѣятельность сосредоточилась въ Николаевской батареѣ и вблизи ея. Тамъ же помѣстились всѣ главныя управленія гарнизона. Впрочемъ, въ городѣ оставалось еще нѣсколько обитаемыхъ квартиръ: Нахимовъ не оставлялъ своей квартиры и, кромѣ того, жили еще кое-гдѣ, напр. въ Морской улицѣ. Въ городѣ находились двѣ бакалейныя лавки, булочная, и родъ мелочнаго и съѣстнаго базара,—недалеко отъ Николаевской батареи. Наконецъ, офицеры занимали нѣкоторыя квартиры; такъ, между прочимъ, неоконченная церковь Петра и Павла была почти обращена въ офицерскую казарму. Всего труднѣе оказалось вывести матросскихъ женъ и дочерей изъ города. Въ апрѣлѣ еще старались сдѣлать это, назначивъ имъ денежное пособіе, но онѣ отказались, пожелавъ остаться. Теперь еще строже занялись ихъ высылкою, но несмотря на всѣ мѣры, онѣ являлись снова, какъ головы Медузы, и занимали свои почти развалившіяся хижины. Гораздо успѣшнѣе пошло дѣло высылки, когда придумана практическая и необходимая мѣра—совершенное запрещеніе частной переправы. Этимъ возвратъ женщинамъ дѣлался почти невозможнымъ; кромѣ того и шпіонство съ непріятельской стороны прекратилось. Впрочемъ, даже несмотря на эти мѣры и строгія запрещенія, женщины находили возможность пробираться въ городъ, не опасаясь лишиться жизни. Жители, вытѣсненные изъ Севастополя, основали новый городъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сѣвернаго укрѣпленія, по дорогѣ къ Инкерманскимъ высотамъ. Поселеніе это имѣло видъ совершенно первобытный: жилища состояли изъ землянокъ, палатокъ и досчатыхъ балагановъ; но всё-таки въ немъ были многія принадлежности настоящаго города—публичные

дома, трактиры, лавки съ разнообразнѣйшими товарами. По числу жителей и по величинѣ своей, это новое поселеніе превосходило многіе уѣздные города.

Къ этому времени въ медицинскомъ управленіи случилась перемѣна: генералъ-штабъ-докторъ удалился въ Бахчисарай, по разстроенному здоровью, и временное завѣдываніе медицинской частью поручено было старшему корпусному доктору Соколову. Передача управленія весьма пожилому человѣку не могла ни въ какомъ случаѣ подѣйствовать благотворно на положеніе медицинской части, и безъ того очень шаткое, и показывала, съ какимъ равнодушіемъ смотрѣли на этотъ важный постъ. Перемѣна въ медицинскомъ управленіи.

Недостатокъ въ предусмотрительномъ веденіи дѣла выразился прежде всего въ вопросѣ о перевязочныхъ пунктахъ. Опредѣлено было, при переведеніи перевязочнаго пункта, чтобы раненыхъ, доставленныхъ на Корабельной, на 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ отдѣленіяхъ оборонительной линіи, перевозили для операцій на Городскую сторону. Такъ какъ мѣра эта, по причинѣ двукратной перевозки водою, изъ Корабельной на Городскую сторону, а отсюда, послѣ операцій, на Сѣверную, оказалась непрактичною, сопряженною съ большою потерей времени, то необходимо было устроить для раненыхъ на Корабельной перевязочный пунктъ на Сѣверной сторонѣ, въ баракахъ, занятыхъ прежде главнымъ госпиталемъ. Несмотря однакоже на всѣ усилія, эту мѣру не успѣли привести въ исполненіе до самаго окончанія осады.

Медицинская дѣятельность флота шла своимъ совершенно отдѣльнымъ путемъ и, кромѣ перевязочныхъ пунктовъ, ничего не имѣла общаго съ сухопутною арміей. Раненый матросъ, отпущенный съ перевязочнаго пункта, имѣлъ свой отдѣльный госпиталь, свой отдѣльный уходъ, свои отдѣльныя средства для перевязки, и т. д.

Смерть Нахимова.

Пополудни $\frac{28 \text{ іюня}}{10 \text{ іюля}}$ на Малаховомъ курганѣ Нахимовъ былъ смертельно раненъ штуцерною пулей, которая пробила черепъ и прошла чрезъ мозгъ. Адмиралъ скончался $\frac{30 \text{ іюня}}{12 \text{ іюля}}$ въ 11 час. утра.

Нахимова перевезли въ его квартиру, на Южную сторону, и тѣло его, покрытое простреленнымъ флагомъ корабля «Императрица Марія», было выставлено для посмертнаго прощанія. Отпѣваніе происходило $\frac{1}{13}$ іюля. Къ печальной церемоніи прибылъ главнокомандующій, со всѣмъ своимъ штабомъ. Гробъ сопровождали всѣ морскія команды, находившіяся на службѣ. Каждый матросъ допускался къ открытому гробу адмирала для послѣдняго цѣлованія. Казалось, будто бы даже непріятель чтилъ наше горе и постигшую насъ потерю, потому что въ продолженіе всей погребальной церемоніи онъ не произвелъ ни одного выстрѣла. Намъ неизвѣстно, знали-ли союзники, что мы хоронили Нахимова. Можетъ быть, они полагали, что это относилось къ Тотлебену, рана котораго не была имъ безъизвѣстна. Въ непріятельскомъ лагерѣ успѣлъ даже распространиться слухъ о его смерти, который проникъ даже въ Америку.

Мы положили, рядомъ съ останками Лазарева, Корнилова, Истомина, нашу гордость, храбрѣйшаго изъ храбрыхъ, патріота, какихъ бываетъ мало, человѣка съ несокрушимою силой воли, съ нѣжнымъ сердцемъ дитяти и скромностью дѣвицы.

Чего въ лицѣ этого мужа лишились Севастополь, флотъ, вся Россія, того не въ силахъ выразить мое неискусное перо. Я былъ свидѣтелемъ тѣхъ восторженныхъ чувствъ къ нему, которыми одушевленъ былъ флотъ и цѣлое войско, видѣлъ неограниченное довѣріе и безпредѣльную къ нему любовь простаго солдата. При частыхъ свиданіяхъ съ нимъ, я имѣлъ случай открывать въ его сердцѣ такія струны, которыя не

всякому были такъ доступны какъ мнѣ. Всей Европѣ извѣстны его высокое мужество и блестящая храбрость, по мнѣнію многихъ, неимѣвшая границъ. Онъ ежедневно подвергалъ себя безъ малѣйшей осторожности непріятельскому огню, избиралъ мѣста самыя опаснѣйшія, по крайней мѣрѣ никогда не обходилъ ихъ, останавливался на самыхъ беззащитныхъ пунктахъ бастіоновъ, а когда окружавшіе почти насильно увлекали его прочь отъ опасности, то онъ какъ бы съ намѣреніемъ замедлялъ шаги свои.

Все это дѣлалось безъ малѣйшаго тщеславія, напротивъ того, всѣ поступки его носили явный отпечатокъ величайшей скромности, и конечно, имѣя единственной цѣлью возвысить общее мужество и показать, что минута смерти опредѣлена Провидѣніемъ, независимо ни отъ какихъ человѣческихъ предосторожностей. И дѣйствительно, его примѣръ имѣлъ безпредѣльное вліяніе на духъ нашихъ храбрыхъ матросовъ, и за упорную оборону порта Отечество ему невыразимо обязано. Коль скоро ему напоминали о необходимости беречь себя, онъ возражалъ: «*Не всякая пуля попадаетъ въ лобъ!*» или: «*Берегите лучше Тотлебена, а мною нечего дорожить!*» Онъ до того пренебрегалъ собственной безопасностью, что вся армія, наконецъ, стала смотрѣть на него какъ бы на человѣка, застраховавшаго жизнь свою, видя, въ теченіе девяти мѣсяцевъ сряду, въ самомъ жаркомъ огнѣ, что ядра какъ бы сами избѣгали встрѣчи съ нимъ. А казалось, небольшаго стоило бы труда врагу узнать Нахимова, ростомъ высокаго, единственнаго во всемъ Севастополѣ офицера, носившаго эполеты, которыхъ онъ никогда не снималъ съ плечъ. Мнѣ случалось встрѣчать его во всякое время дня и всегда при эполетахъ (онъ даже спалъ въ нихъ, потому что, какъ самъ мнѣ признавался, въ 9 мѣсяцевъ осады онъ ни разу не ложился спать

раздѣтый). Такимъ образомъ, онъ представлялъ постоянно цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ, тѣмъ болѣе, что весьма часто пренебрегалъ всякимъ прикрытіемъ во время наблюденія непріятельскихъ дѣйствій и выказывался сверхъ бруствера, что́ сдѣлалъ и въ ту самую минуту, когда получилъ послѣднюю рану.

О многочисленныхъ его заслугахъ говорить не стану; приведу только нѣкоторыя черты его характера, какія я успѣлъ узнать, состоя врачемъ при Севастопольскомъ гарнизонѣ. Дѣятельность его была неутомимая, неисчерпаемая. Помню, что въ самый разгаръ его трудовъ, по званію начальника всего Черноморскаго флота, главнаго командира порта, Севастопольскаго губернатора и помощника начальника гарнизона, не только не останавливалось самое малѣйшее дѣло, но никто не приходилъ къ покойному адмиралу не во́-время, коль скоро дѣло шло объ облегченіи положенія больныхъ — будь эта просьба, повидимому, самая ничтожная. Дѣла́ у него не ограничивались словами или обѣщаніями; дѣло, представленное адмиралу и имъ одобренное, можно было считать исполненнымъ. Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю и нынѣ о его благородномъ стремленіи и живомъ, восторженномъ участіи, какое онъ принималъ во всякомъ добромъ дѣлѣ! Напротивъ того, съ какой нещадной ненавистью клеймилъ онъ всякое злоупотребленіе, особенно такое, отъ котораго могли пострадать его матросы; съ какой готовностью выслушивалъ всякое предложеніе, могущее повести хотя къ малѣйшему улучшенію. Неумолимый врагъ всякаго педантства, всякой бумажной дѣятельности, онъ отвергъ всѣ стѣснительныя, при настоящихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, формальности, и этимъ только достигъ возможности быстро и успѣшно осуществить свои намѣренія. Всѣ его дѣйствія отличались юношеской пыл-

костью; все доброе находило въ немъ заступника самаго горячаго и искренняго, и потому собственно онъ могъ порою казаться крутымъ и суровымъ, такъ какъ мысль высказывалъ прямо и откровенно, и не стѣсняясь выражалъ свое презрѣніе къ мелочности и самолюбію. Чуждый всякаго притворства, онъ никогда не скрывалъ своего мнѣнія, и высказывалъ его прямо и откровенно, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда личный разсчетъ не требовалъ этого. Однимъ словомъ— онъ былъ патріотъ какихъ мало. Онъ не считалъ достойнымъ хвалить все существующее и скрывать недостатки, а находилъ пользу въ изобличеніи послѣднихъ и въ неусыпномъ стремленіи къ улучшеніямъ.

Я помню, что по всѣмъ безчисленнымъ мелочнымъ желаніямъ и нуждамъ больныхъ постоянно приходилось обращаться къ Нахимову. Часто встрѣчались нужды, повидимому не легко или даже вовсе неудовлетворяемыя, но отъ которыхъ для раненаго ожидалось благодѣяніе или облегченіе, и Павелъ Степановичъ непремѣнно находилъ средство уладить дѣло. Можно было подумать, что покойный адмиралъ владѣетъ какимъ-нибудь неисчерпаемымъ источникомъ, благодаря которому можетъ удовлетворять нуждамъ всѣхъ и каждаго. Источникъ этотъ заключался единственно въ его неутомимой дѣятельности, энергіи, вниманіи ко всему что́ его окружало, и въ его тепломъ сердцѣ! Онъ говорилъ, что ненавидитъ поэзію, но душа его была проникнута ею. Во время осады, одинъ поэтъ доставилъ къ Синопскому герою хвалебное стихотвореніе: «*Если этотъ господинъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ удовольствіе*»—сказалъ мнѣ при этомъ случаѣ Павелъ Степановичъ—«*то ужъ лучше бы прислалъ нѣсколько сотъ ведеръ капусты, для моихъ матросовъ*». Удостоившись, по окончаніи послѣдняго бомбардированія Севастополя, получить въ награду отъ Государя Императора зна-

чительную аренду, онъ только и мечталъ о томъ, какъ бы деньги эти употребить съ наибольшею пользой для матросовъ или на оборону города! «*Нельзя-ли*—говорилъ онъ—*выписать за эти деньги по почтѣ бомбы?*» По многочисленнымъ занимаемымъ имъ должностямъ и долговременной службѣ, Нахимовъ получалъ значительное содержаніе, но не имѣя семейства и живя со скромностью древняго философа, онъ не только никогда не имѣлъ денегъ, но постоянно прибѣгалъ къ копельку своихъ адъютантовъ, для раздачи милостыни бѣднымъ, а въ особенности на пособіе матросскимъ семействамъ и пр. Не могу удержаться, чтобы не привести случаевъ, которыми выражалась его заботливость о страждущихъ, потому что они могли только проистекать изъ безпредѣльно-нѣжнаго сердца. Мнѣ нерѣдко случалось находить у раненыхъ офицеровъ различнаго рода лакомства, нелегко доступныя. На распросы мои, откуда достаются они, я получалъ постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ: «*прислалъ Нахимовъ!*» Во время болѣзни Тотлебена, я всегда находилъ у постели его свѣжіе цвѣты, доставленные, само собою разумѣется, отъ Нахимова! И такъ, при тяжкомъ бремени должностныхъ занятій, подъ самымъ градомъ бомбъ, герой нашъ находилъ время повиноваться благороднымъ побужденіямъ своего нѣжнаго сердца! Въ такихъ подвигахъ гораздо болѣе поэзіи нежели въ цѣлой сотнѣ поэмъ.

Разговоръ его былъ всегда занимательный, одушевленный, полный живаго сочувствія къ предмету. Главная, постоянная его забота была о Севастополѣ и флотѣ! Не мнѣ описывать то горе, съ какимъ оплакивалъ онъ потерю своихъ доблестныхъ сподвижниковъ: Корнилова, Истомина, Юрковскаго, и увяданіе подъ вражьими выстрѣлами лучшаго цвѣта Черноморскаго флота! На его глазахъ погибли его храбрѣйшіе товарищи, его любимѣйшіе питомцы, и это

было для него невыносимымъ. Онъ неоднократно говорилъ мнѣ, въ искренней бесѣдѣ, что переживъ двукратное бомбардированіе Севастополя, третьяго пережить не въ состояніи! (Адмиралъ пережилъ пять бомбардированій). Въ послѣднее время онъ страдалъ различными припадками—болями въ желудкѣ, рвотою, головокруженіемъ, даже обморокомъ. Состоявшіе при немъ, преданные ему офицеры, никогда не пропускали увѣдомлять меня объ этихъ случаяхъ. Самъ онъ всегда говорилъ мнѣ откровенно о своемъ положеніи, которое тщательно старался скрывать отъ всѣхъ прочихъ, но увѣрялъ, что о леченіи теперь и думать нѐчего: стòитъ ему только прекратить сегодня обычный кругъ дѣятельности, чтобы впасть завтра въ совершенное изнеможеніе. «*Да*,—присовокупилъ онъ къ этому,—*если мы сегодня заключимъ миръ, то я убѣжденъ, что навѣрное завтра же заболѣю горячкою; если я держусь еще на ногахъ, то этимъ я обязанъ моей усиленной, тревожной дѣятельности и постоянному волненію*». И въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность его, непрекращавшаяся до самой послѣдней минуты, возрастая почти до лихорадочнаго состоянія и держа его цѣлыхъ десять мѣсяцевъ въ безпрерывной тревогѣ, переступала почти границы естественнаго. Лучшимъ для него утѣшеніемъ были поѣздки верхомъ по бастіонамъ, гдѣ находился онъ между матросами, столько имъ любимыми, среди которыхъ и постигла его наконецъ смерть. $\frac{28 \text{ іюня}}{10 \text{ іюля}}$ поѣхалъ онъ на третій бастіонъ, откуда слышалась жестокая перестрѣлка. Всѣ усилія желавшихъ остановить его, подъ предлогомъ болѣзни, остались напрасными. «*Мнѣ дышется свободнѣе на бастіонѣ*»,—сказалъ онъ и поѣхалъ далѣе, чтобы возвратиться покойникомъ на свою квартиру. Онъ благополучно миновалъ третій бастіонъ, но на Малаховомъ курганѣ, гдѣ пали Корниловъ и Истоминъ, нашелъ смерть и онъ. Вмѣсто того

чтобы дѣлать наблюденія, подобно прочимъ офицерамъ, сквозь амбразуры, онъ, по своему обыкновенію, сталъ смотрѣть въ трубу прямо черезъ брустверъ. Напрасно окружающіе убѣждали его сойти съ банкета. Въ это время одна пуля попала около него въ земляной мѣшокъ. «*Они довольно мѣтко стрѣляютъ*!»—сказалъ онъ, и едва успѣлъ произнести эти слова, какъ мгновенно упалъ безъ крика и стона: пуля попала ему въ лѣвый високъ на вылетъ.

Много погребено свѣтлыхъ и благородныхъ личностей въ Севастополѣ, но имя «Нахимова» займетъ между ними самое почетное мѣсто въ исторіи Россіи и будетъ вѣчно запечатлѣно въ сердцахъ грядущихъ поколѣній.

Такими бѣдствіями окончился для насъ іюнь мѣсяцъ. Оба столба севастопольской защиты были низвержены: Нахимовъ, герой Синопа, палъ, а русскій Вобанъ, какъ даже враги называли Тотлебена, лежалъ на одрѣ страданія.

Мѣсяцъ іюль. Іюль мѣсяцъ, подобно іюню, прошелъ при одинаковомъ почти бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ и довелъ изнуреніе какъ осажденныхъ, такъ и осаждающихъ до высшей степени.

Непріятельскія ядра, даже штуцерныя пули, долетали въ отдаленнѣйшія части города. При этомъ, нашъ уронъ постоянно увеличивался, потому что непріятель, сосредоточивъ свои выстрѣлы на извѣстные пункты, успѣвалъ постепенно приводить все въ разрушеніе. Въ іюлѣ непріятельскіе снаряды уже постоянно падали около Николаевской батареи, Екатерининскаго дворца и Графской пристани. Зрѣлище это было особенно великолѣпно послѣ заката солнца, когда каждую отдѣльную бомбу можно было видѣть, и когда онѣ, въ свѣтлую ночь, подобно большимъ звѣздамъ, поднимались медленно и величественно, громадными дугами, и падали съ постепенно-возрастающею быстротой.

Если принять во вниманіе огромное количество выпущенныхъ бомбъ, наша потеря окажется относительно мала, и если бы можно было вычислить, сколько чугуна лежало на днѣ бухты, то прежде всего невольно пришла бы благоговѣйная мысль о благости и защитѣ Провидѣнія, которое столь рѣдко дозволяло людямъ быть тамъ, куда падали бомбы. Штуцерныя пули, при всемъ своемъ абсолютно-громадномъ вредѣ, причиняли относительно такой же малый уронъ въ нашихъ рядахъ, и утверждаютъ, будто вычислено, что изъ 10.000 пуль достигала цѣли только одна. Потому-то Нахимовъ говорилъ: «*Не всякая пуля попадаетъ въ лобъ*». Какъ жестоко однако поступали съ нами и штуцерныя пули, пришлось убѣдиться на томъ же Нахимовѣ и Тотлебенѣ, не говоря уже о младшихъ офицерахъ, погибшихъ безъ слѣда и безъ славы. Сколько было такихъ, которые почитали себя счастливыми, если имъ удавалось найти уголокъ въ сѣняхъ на лѣстницахъ Николаевской батареи для ночлега; а если бывало, привыкнувъ къ нимъ, послѣ нѣсколькихъ дней найдешь свободное мѣсто и полюбопытствуешь узнать, гдѣ они? — товарищи отвѣчали обыкновенно: «*убитъ*». Ежедневно повторялось, что кого-нибудь изъ людей, къ которымъ чувствовалось расположеніе, или изъ знакомыхъ уже лицъ, которыхъ часто случалось встрѣчать на перевязочномъ пунктѣ, по случаю какой-нибудь царапины, вдругъ приносили смертельно-раненаго.

Ежедневное желаніе, ежедневная молитва гарнизона была о штурмѣ союзниковъ. Не слѣдуетъ удивляться, если наша армія, подъ вліяніемъ этого бездѣйствія, желала открытаго боя; даже непріятельскія войска, положеніе которыхъ было гораздо благопріятнѣе, тѣмъ не менѣе требовали того же. Большая часть союзныхъ войскъ стояла внѣ выстрѣловъ, и только артиллерійская прислуга при орудіяхъ и рабочіе

на новыхъ ближайшихъ батареяхъ подвергались дѣйствію нашихъ орудій.

Сраженіе при Черной рѣчкѣ.

Послѣ сраженія при Черной рѣчкѣ, $\frac{4}{16}$ августа, осада приближалась къ развязкѣ. Не желая вдаваться въ объясненіе значенія этой битвы, нельзя не сказать съ медицинской точки зрѣнія, что успѣхъ ея для непріятеля былъ не болѣе какъ отбитый штурмъ. Французы даже не преслѣдовали серьезно наши войска̀. Генералъ Пелисьѐ сообщилъ своею первою телеграммой слѣдующее: «*Русскіе потеряли 2.500 убитыми, 30 офицеровъ; 1.620 солдатъ поступили на перевязочные пункты; убито 3 генерала и взято нами въ плѣнъ 400 челов.*». Въ своемъ позднѣйшемъ, болѣе подробномъ донесеніи, Пелисьѐ показалъ слѣдующія цифры: «*Русскихъ, похороненныхъ нами, — 2.129 челов., а русскими—1.200, всего—3.229 челов. Французами подобрано русскихъ раненыхъ 1.814 челов. Русскими отведено раненыхъ съ поля около 6.000 челов. Всего—почти 11.000 челов.*».

По нашимъ же свѣдѣніямъ, потеря наша составляла около 7 тыс. челов.

Перевязочные пункты.

Нерѣдко случалось, что во время подбора раненыхъ и убитыхъ, стрѣляли съ обѣихъ сторонъ по людямъ, подающимъ помощь. Это явленіе повторялось почти въ каждомъ дѣлѣ и казалось неизбѣжнымъ. По нашему мнѣнію, такая стрѣльба до послѣдней минуты служила явнымъ доказательствомъ, что обладаніе полемъ битвы оставалось нерѣшеннымъ и спорнымъ.

Пелисьѐ жаловался князю Горчакову на нашихъ стрѣлковъ, что въ то время, когда его войска̀ были заняты подборомъ раненыхъ, наши по нимъ стрѣляли, однимъ словомъ—будто мы стрѣляли по непріятельскому перевязочному пункту.

Этотъ упрекъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, свое основаніе, но былъ-ли онъ справедливъ—сомнительно. Мы могли бы взвести

на враговъ подобныя же обвиненія. Попытка поднять тѣла нашихъ генераловъ стоила намъ нѣсколько безполезно-убитыхъ людей, такъ какъ непріятель подпускалъ солдатъ совершенно близко къ трупамъ, и затѣмъ убивалъ ихъ наповалъ; но еще болѣе страдали люди, занимавшіеся переноскою раненыхъ; часто офицеры и нижніе чины, уже раненые одною пулей, при переноскѣ, были настигаемы еще тремя-четырьмя. И это случалось въ то время, когда мы уже отступали. Однако за все это мы не порицали врага, хотя и оплакивали напрасно проливаемую кровь. Мы поняли, что непріятель, желая причинить намъ возможно большій вредъ, пускаетъ несмѣтное число выстрѣловъ и такимъ образомъ волей-неволей попадаетъ въ наши перевязочные пункты и въ нашихъ раненыхъ. Также мало заслуживали порицанія и мы, когда старались отражать непріятельскихъ застрѣльщиковъ, тѣмъ болѣе, что, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ этотъ самый день наши трупы и раненые были обобраны и ограблены непріятельскими солдатами самымъ возмутительнымъ образомъ, такъ что непріятельскій главнокомандующій выразилъ въ приказѣ свое негодованіе по этому случаю. Но это еще не все! Нашъ перевязочный пунктъ въ Севастополѣ находился во время всей осады подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи, благодаря которой страдали наши врачи и не только наши, но даже непріятельскіе раненые. Мы однако не думали этому противодѣйствовать и смотрѣли на такое обстоятельство какъ на неотвратимое слѣдствіе войны.

Иногда былъ возбуждаемъ такой вопросъ: такъ какъ въ цивилизованной войнѣ слѣдуетъ съ обѣихъ сторонъ какъ можно болѣе щадить больныхъ и по возможности облегчать ихъ бѣдственное положеніе, то не возможно-ли было бы отправлять какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ раненыхъ

моремъ въ Одессу? Для этого стоило союзникамъ допустить безпрепятственный проѣздъ одного корабля изъ нашей гавани, подвергнувъ его предварительно самому строгому контролю. Казалось бы, для подобной мѣры, нужно только взаимное соглашеніе во имя человѣколюбія. Но нельзя было и ожидать, чтобы непріятельскіе главнокомандующіе дали свое согласіе: безпрепятственное отправленіе раненыхъ развязало бы наши руки, освободило бы насъ отъ величайшихъ заботъ о продовольствіи, отдало бы тѣмъ самымъ въ распоряженіе нашего начальства тысячи фуръ для транспорта войскъ, фуража и боевыхъ припасовъ. Можно-ли было ожидать отъ непріятеля такой уступки?

Пятое бомбардированіе.

Послѣ сраженія при Черной рѣчкѣ, которое было исходною точкой предстоящей развязки, положеніе наше еще ухудшилось. Съ $\frac{5}{17}$ августа началось пятое усиленное бомбардированіе города, которое продолжалось—то въ уменьшающихся, то въ увеличивающихся размѣрахъ—до нашего выступленія изъ Севастополя.

Огонь преимущественно былъ направленъ на Корабельную и, по близости непріятельскихъ батарей, онъ производилъ ужасное опустошеніе. Вообще августъ мѣсяцъ былъ для насъ самымъ тяжелымъ и стоилъ, исключая сраженія при Черной рѣчкѣ и послѣдняго штурма, ежедневной потери, среднимъ числомъ, въ 1.000 челов.

Причина такого стѣснительнаго положенія на Корабельной состояла въ томъ, что непріятель, во первыхъ, очень близко подошелъ, а во вторыхъ — поддерживалъ здѣсь безпрерывный огонь. Гарнизонъ отступалъ шагъ за шагомъ, пока наконецъ на Павловской батареѣ и вокругъ нея, т. е. на самой удаленной оконечности Корабельной стороны, не накопилось такого числа людей, какое только могло вмѣстить въ себя это тѣсное пространство.

Въ провіантскихъ магазинахъ подлѣ Павловской бата-

реи, со втораго бомбардированія до паденія редутовъ, находились: сперва—главный перевязочный пунктъ, въ моемъ вѣдѣніи, а послѣ—второстепенный перевязочный пунктъ. Теперь пришлось перевести его сначала въ погреба этихъ зданій, а потомъ, для безопасности,—въ самый нижній этажъ Павловской батареи.

Положеніе главнаго перевязочнаго пункта на Николаевской батареѣ становилось также весьма опасно. Бомбы падали въ большомъ числѣ на площадь у этой батареи; нѣсколько бомбъ попали на крышу пороховаго магазина и зажгли ее. Пожаръ, впрочемъ, былъ прекращенъ безъ дурныхъ послѣдствій. Бомба ударила въ квартиру коменданта Кизмера, гдѣ жилъ графъ Остенъ-Сакенъ, и пробила потолокъ. Ядра попадали во многихъ мѣстахъ въ каменные столбы коррндора; при этомъ одинъ врачъ былъ контуженъ. Наконецъ, осколки бомбъ и куски камней постоянно били окна казармы: у князя Васильчикова пришлось нѣсколько разъ вставлять новыя стекла, равно какъ и въ казематахъ, гдѣ жили врачи. $\frac{12}{24}$ августа попала бомба съ западной стороны въ корридоръ втораго этажа, пробила сводъ, и лопнула въ галантерейномъ магазинѣ пристроившагося здѣсь каранма. $\frac{17}{29}$ августа взрывъ французскаго пороховаго погреба на Камчатскомъ люнетѣ произвелъ такое сильное сотрясеніе, что не только всѣ стекла, но даже цѣлыя оконныя рамы разлетѣлись въ дребезги. Во многихъ казематахъ даже перестали вставлять стекла, такъ какъ ихъ существованіе продолжалось бы не болѣе нѣсколькихъ часовъ, а разрушеніе было неминуемо. На перевязочномъ пунктѣ также перебиты всѣ стекла, и пока были вставлены новыя, приходилось оперировать при открытыхъ окнахъ. Ночью же мы должны были закрывать ихъ одѣялами и рогожами, такъ какъ сквозной вѣтеръ мѣшалъ горѣнію свѣчей; но часто приходилось си-

дѣть въ потьмахъ, когда сильный порывъ вѣтра поднималъ одѣяла и тушилъ свѣчи. Невозможно было сдѣлать даже шагу изъ батареи, не рискуя быть раненымъ бомбою или пулею. Такой же опасности подвергался каждый и при переправѣ черезъ бухту.

Хирургическая дѣятельность.

Хирургическая дѣятельность, при всемъ широкомъ полѣ для казуистики, представляла однакоже однообразіе, имѣвшее что-то утомительное. Вѣчный циркулярный разрѣзъ, принятый нами за нормальную методу, не допускалъ, за исключеніемъ случаевъ съ отдѣльными особыми указаніями, никакихъ значительныхъ варіацій и измѣненій. Да объ этомъ здѣсь и думали мало: все вниманіе было устремлено лишь на то, какъ бы операцію сдѣлать скоро и хорошо. Большая часть врачей на перевязочныхъ пунктахъ пріобрѣла такой навыкъ въ циркулярномъ разрѣзѣ, что операція эта казалась всѣмъ уже слишкомъ обыкновенною. Если случалось вылущеніе въ суставахъ плеча или ноги, всѣ наличные врачи брались, съ необыкновенной поспѣшностью, за эту операцію, предоставляя большому числу клієнтовъ, которымъ требовался циркулярный разрѣзъ, искать себѣ другихъ патроновъ. Болѣе интереса представляла еще рана штуцерной пули, для извлеченія которой необходима была иногда сложная операція.

Для насъ, врачей, утрачивалась большая часть интереса еще по той причинѣ, что нельзя было наблюдать за оперированными до окончательнаго ихъ излеченія, а приходилось отправлять ихъ на Сѣверную сторону, по недостатку мѣста и ради безопасности. Правда, сначала я оставлялъ ампутированныхъ отъ 10 до 14 дней подъ своимъ надзоромъ, отсылая только чистыя и заживающія раны, но впослѣдствіи принужденъ былъ отсылать и ампутированныхъ, тотчасъ же послѣ первой перевязки, по случаю громаднаго

наплыва раненыхъ. То же самое случалось со сложными переломами и резекціями; такихъ раненыхъ также немедленно отвозили на Сѣверную сторону, по наложеніи первой перевязки. Только небольшую часть ампутированныхъ я оставлялъ до конца подъ своимъ надзоромъ. Это были вылущенія въ суставахъ ногъ; въ этихъ случаяхъ я желалъ наблюдать результаты, смотря по способу и выбранному мѣсту операціи.

Очень часто приходилось слышать, будто Севастополь представлялъ въ свое время широкое поле для наблюденій разнообразныхъ ранъ. Какъ ни естественно казалось бы это предположеніе,—съ нимъ однако невозможно безусловно согласиться. Раны.

Правда, встрѣчалось много ужасающаго и нужно было имѣть такое сильное возбужденіе, какое находили мы, въ жалобныхъ крикахъ и мольбахъ сотенъ людей, нуждающихся въ нашей помощи, чтобы не содрогнуться при страшномъ зрѣлищѣ, которое намъ часто представлялось. Не думаю, чтобы я когда-нибудь увидѣлъ такія страшныя увѣчья, какія приходилось встрѣчать въ послѣдній періодъ осады. Къ самымъ страшнымъ принадлежатъ безспорно нерѣдко-случавшіяся раны въ животѣ, когда срывало брюшные покровы и внутренности лежали въ брюшной полости обнаженными. Когда такихъ несчастныхъ приносили на перевязочный пунктъ, они могли еще говорить, обладали нѣкоторымъ сознаніемъ, и жили иногда еще нѣсколько часовъ. Въ другихъ случаяхъ вырывало мягкія части и стѣнки таза со стороны спины, такъ что внутренности вываливались назадъ. Такіе раненые теряли движеніе въ нижнихъ конечностяхъ, но также сохраняли сознаніе и жили по нѣскольку часовъ. Самое ужасное впечатлѣніе производили, безъ сомнѣнія, тѣ несчастные, которымъ ядра отрывали лица, ли-

шая ихъ образа человѣческаго. Представьте себѣ существо, у котораго лицо и вся голова замѣнены безобразнымъ кровавымъ комкомъ, не видно глазъ, носа, рта, щекъ, языка, подбородка, ушей, и которое стоитъ на ногахъ, двигается и протягиваетъ руки, заставляя предполагать, что оно еще сохранило сознаніе. Въ другихъ случаяхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы привыкли видѣть лицо, болтались лишь какіе-то куски кожи, покрытые кровью. Эти увѣчья ужаснѣе всего что̀ только можно себѣ представить въ такомъ родѣ. Я помню, какое незабываемое и болѣзненное впечатлѣніе произвелъ на меня впервые видъ несчастныхъ съ оторваннымъ носомъ и верхнею губой. Они тоже потеряли человѣческій обликъ, но видъ ихъ едва-ли можно сравнить съ видомъ мучениковъ, описанныхъ выше.

Большой интересъ въ физіологическомъ отношеніи представляли головныя раны, хотя онѣ для хирургіи были совершенно безплоднымъ полемъ. А именно чрезвычайно достопримѣчательно было вліяніе разнообразныхъ ранъ на отправленія мозга, и съ трудомъ удалось бы подвести ихъ подъ извѣстныя правила или соединить въ какую-либо краніологическую систему. Бывали раны на головѣ, которыя обозначались наружнымъ вдавленіемъ на различныхъ мѣстахъ черепа и съ самаго начала сопровождались потерей сознанія. У другихъ, съ такими же наружными признаками, не замѣчалось не только нарушеннаго отправленія мозга до пятаго и шестаго дня, но даже и головной боли. Случалось наблюдать головныя раны, при которыхъ сводъ черепа былъ разбитъ на одномъ мѣстѣ и съ перваго же момента терялись сознаніе и языкъ; въ другихъ же случаяхъ никакой субъективный симптомъ не предварялъ объ ужасной ранѣ. Такъ, между прочимъ, адмиралъ Нахимовъ, которому пуля, сдѣлавъ каналъ около $2^1/_2$ дюйм. на лѣвой сторонѣ головы, отор-

вала часть височной и темянной кости, потерялъ немедленно сознаніе и языкъ. Онъ лежалъ большей частью въ сопорозномъ состояніи и ограничивался только автоматическими движеніями. Зато другіе, при подобной ранѣ, хотя лишались употребленія языка и свободной умственной дѣятельности, но вмѣсто того чтобы лежать въ сопорозномъ состояніи, качались въ постоянномъ безпокойствѣ до самой кончины. На нихъ нападалъ родъ бѣшенства, продолжавшагося до кончины, которая наступала иногда только послѣ 48 час.

Припоминаю себѣ живо одного раненаго, которому оторвало лѣвую сторону черепа, височную, часть лобной и часть темянной кости, причемъ онъ потерялъ и часть мозга въ кулакъ величиной. Онъ провелъ два дня въ безпрестанныхъ, раздирающихъ сердце крикахъ и стонахъ, не принимая даже глотка воды. Невозможно было изслѣдовать, обладаетъ-ли еще этотъ несчастный какимъ-нибудь сознаніемъ, такъ что рождался вопросъ, есть-ли этотъ жалобный крикъ выраженіе боли. Я встрѣчалъ и другія очень обширныя раны на головѣ, при видѣ которыхъ казалось удивительнымъ, что не послѣдовало нарушеніе умственныхъ способностей. Такъ напр., одному солдату штуцерная пуля сверху пробила дыру, величиною въ гусиное яйцо, и упала съ осколками почти до основанія черепа. Я извлекъ оттуда какъ осколки, такъ и пулю, и раненый не только не потерялъ сознанія, но даже не жаловался на какую бы то ни было боль. Я говорилъ съ нимъ во время операціи,—отвѣты его были связны и внятны; по извлеченіи пули, онъ самъ всталъ съ операціоннаго стола и, поддерживаемый за руку, отправился на свою кровать. Спустя сутки только началъ онъ терять сознаніе. При этомъ случаѣ не могу не замѣтить, что со стороны искусства при ранахъ головы почти ничего не было

сдѣлано. Всѣ опыты трепанацій, при какихъ бы указаніяхъ ни были они предприняты, не давали желаемыхъ результатовъ, такъ что я впослѣдствіи совершенно отъ нихъ отказался.

Должно быть, кромѣ механическаго раздраженія и давленія, существовалъ постоянно еще другой враждебный моментъ, который, несмотря на удаленіе перваго вліянія, причинялъ смерть,—это сотрясенія и ушибъ самаго мозговаго вещества.

Между наиболѣе рѣдкими и достойными вниманія поврежденіями, которыя я когда-либо видѣлъ и которымъ подобныхъ не могъ найти въ хирургической литературѣ, былъ совершенный вывихъ позвоночнаго столба, причиненный обваломъ земли. Вывихъ находился между 11-мъ и 12-мъ позвонками груди, однакоже такъ, что нижняя часть позвоночнаго столба была вывихнута во-внутрь. Верхняя часть позвоночнаго столба выдавалась надъ нижней на $1^1/_2$ дюйма. Цѣлую периферію 11-го позвонка можно было обойти пальцемъ. Онъ былъ въ полной связи съ позвонкомъ надъ нимъ лежащимъ и образовалъ выступъ, какой встрѣчается при горбѣ (Kyphosis), но съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь подъ самымъ позвонкомъ, нижнюю гладкую поверхность котораго можно было частью ощупать, находилось пустое пространство, покрытое кожей. Я приказалъ положить больнаго животомъ на подушку, и при умѣренномъ натягиваніи нижнихъ конечностей, мнѣ удалось вправить позвонки. Разумѣется, что отправленіе нижнихъ конечностей было совершенно прекращено, равнымъ образомъ какъ и дѣйствіе запирающихъ мышцъ; но всего замѣчательнѣе продолженіе жизни при совершенномъ разрывѣ спиннаго мозга, тогда какъ смерть въ этомъ случаѣ неминуемо должна бы наступить. Еще 8 дней наблюдалъ я этого больнаго и находилъ

все въ томъ же состояніи. Но со времени отступленія, среди общаго хаоса, я потерялъ его изъ вида и не могъ ничего болѣе узнать о немъ. До самаго дня отступленія, субъектовъ со смертельными поврежденіями, къ которымъ принадлежали почти всѣ проницающія раны трехъ главныхъ полостей, причиненныя снарядами и рѣдко представлявшія надежду на благопріятный исходъ, почти никогда не перевозили на Сѣверную сторону, для того чтобы въ послѣднія минуты жизни не увеличить напрасно страданій неудобною перевозкой. Ихъ помѣщали въ маленькій Екатерининскій дворецъ, подлѣ гавани, и только въ послѣдніе дни осады имъ отвели мѣсто подъ сводами Николаевской батареи.

Уходъ за этими несчастными, самый трудный и самый изнурительный, какой только можно себѣ представить, все время принимала на себя одна изъ сестеръ милосердія— госпожа Поджидаева. Она посвятила себя этому служенію не только съ величайшимъ самоотверженіемъ и христіанской любовью, но еще подвергалась при этомъ опасности болѣе всѣхъ другихъ сестеръ милосердія, находясь въ помѣщеніи, вовсе незащищаемомъ отъ бомбъ. Служба ея была до того утомительна, а постоянный видъ страданія, смерти и борьбы долженъ былъ подѣйствовать такъ разрушительно на психическую сторону сестры, что опасаясь за ея здоровье, предложили другой сестрѣ милосердія, госпожѣ Бакуниной, которая также выказала не мало рвенія, замѣнить на нѣкоторое время Поджидаеву. Но Бакунина отказалась отъ этого предложенія. Дѣйствительно, для ухода за этими несчастными необходимо было не только огромное самоотверженіе, но еще желѣзные нервы, какими женщины рѣдко бываютъ надѣлены. И при всѣхъ жертвахъ и трудахъ, служба Поджидаевой была самая неблагодарная. Посвящая постоянно всю свою заботу только смерти и могилѣ, не видя никогда радостной минуты выздоровленія, не встрѣчая въ глазахъ больнаго луча надежды на лучшее, не получая

ни ласковой улыбки, ни признательнаго пожатія руки, она испытывала очень мало утѣшительнаго, и нужно было имѣть много теплой вѣры, чтобы не ослабѣть въ подобной дѣятельности. Достопочтенная сестра несла до послѣдней минуты трудную службу въ отдѣленіи безнадежныхъ. Между другими сестрами нельзя не упомянуть еще объ одной, по имени Мещерской, которая была любимицею всѣхъ медиковъ. Всегда ласковая, неутомимая, кроткая, готовая на всякія услуги, присутствовавшая, какъ ассистентъ, съ истинно женскимъ самопожертвованіемъ, при самыхъ трудныхъ операціяхъ, никогда не имѣя въ виду самое себя, какъ бы ни были велики ея заслуги, — она воодушевляла не только больныхъ, но и врачей своимъ ободряющимъ примѣромъ и благотворнымъ вліяніемъ.

Такъ проходили дни въ кровавомъ однообразіи, а для врачей перевязочныхъ пунктовъ — въ производствѣ вѣчныхъ циркулярныхъ разрѣзовъ. Ежедневно по нѣскольку разъ наполнялись и выносились большіе деревянные сосуды съ дюжинами человѣческихъ членовъ, для того чтобы черезъ нѣсколько часовъ опять быть наполненными и вынесенными.

Шестое бомбардированіе.

При такихъ условіяхъ приближалось 24-е августа. Въ 5 час. утра $\frac{\text{24 августа}}{\text{5 сентября}}$ насъ разбудилъ страшный шумъ. Этотъ шумъ превосходилъ все бывшее до сихъ поръ, и могъ только сравниться съ безпрерывно-продолжающимся раскатомъ грома.

Видно было, что непріятель началъ дѣйствовать такъ, какъ до сихъ поръ еще не дѣйствовалъ. Началась стрѣльба, вслѣдствіе которой мы потеряли въ одинъ день отъ 2 до 3 тыс. людей. Слѣдующее $\frac{\text{25 августа}}{\text{6 сентября}}$ не принесло съ собой никакихъ перемѣнъ. Вечеромъ того же дня загорѣлось наше транспортное судно «Березань», стоявшее недалеко отъ моста. Судно это заключало въ себѣ большіе мучные запасы, но спасти его было невозможно.

Непріятельскія ядра очевидно дѣлались болѣе чѣмъ когда-либо пагубными для насъ. Бомбы попадали уже во многіе корабли, и вечеромъ слѣдующаго дня, т. е. $\frac{\text{26 августа}}{\text{7 сентября}}$ загорѣлся фрегатъ «Коварна».

Въ 11 час. вечера $\frac{\text{26 августа}}{\text{7 сентября}}$ послѣдовалъ на Графской пристани страшный взрывъ отъ вспыхнувшихъ 150 пуд. пороху. Николаевская казарма получила ужасное сотрясеніе, такъ что всѣ находившіеся въ ней люди упали, всѣ свѣчи разомъ потухли, почти всѣ досчатыя стѣны, оконныя рамы и двери разрушились, а напоромъ воздуха унесло книги, бумагу и т. п. въ бухту. Въ казармѣ никто не получилъ важныхъ ранъ, развѣ только битое стекло кое-кого порѣзало, да падающія рамы и двери причинили нѣсколько ушибовъ.

Послѣдній штурмъ.

Въ полдень $\frac{\text{27 августа}}{\text{8 сентября}}$, въ то время, когда бомбардированіе немного поутихло, наши занятія были прерваны крикомъ: «*Непріятель идетъ на штурмъ*». Мы отправились на галерею, чтобы быть свидѣтелями нападенія на Малаховъ курганъ. Въ продолженіе одного часа, мучительно тяжелаго для насъ, зрителей, судьба его была рѣшена. На немъ уже столпилась огромная масса французовъ и развѣвалось трехцвѣтное ихъ знамя. Мы начали съ перевозки сестеръ милосердія на Сѣверную сторону, не желая подвергать ихъ опасности при продолжительномъ штурмѣ, потому что каждую минуту можно было ожидать рукопашнаго боя. Дежурный генералъ Ушаковъ, явившись на перевязочный пунктъ, спросилъ, нельзя-ли отправить нѣсколько врачей на Корабельную, для поданія помощи, такъ какъ тамъ накопилось до 6.000 раненыхъ. На Городской сторонѣ еще не ощущалось особенной надобности въ свѣдущихъ людяхъ, и потому тотчасъ же были откомандированы нѣсколько врачей на перевязочный пунктъ Павловской батареи. Но вскорѣ число

раненыхъ на главномъ перевязочномъ пунктѣ Городской стороны начало принимать громадные размѣры. Когда въ 5 час. пополудни графъ Остенъ-Сакенъ прислалъ туда своего адъютанта, чтобы спросить, сколько доставлено раненыхъ, нельзя было дать точнаго отвѣта, но приблизительно можно было полагать ихъ болѣе 2.000 челов. Вслѣдъ затѣмъ графъ велѣлъ сообщить втайнѣ мнѣ, какъ директору перевязочнаго пункта, что мы ночью намѣрены очистить городъ. Оперировали между тѣмъ безпрестанно. Солдаты всѣхъ возрастовъ, въ то время, когда готовились имъ ампутировать ногу или руку, говорили съ одушевленіемъ, какъ охотно они соглашаются это перенести, зная, что удалось отбить непріятеля. И дѣйствительно, непріятель былъ отбитъ съ большимъ для него урономъ со 2-го, 3-го и 5-го бастіоновъ. Раненые ликовали, какъ побѣдители, не предчувствуя, что своей кровью не спасли Севастополя; не чаяли они, что Малаховъ курганъ взятъ и что этотъ единственный успѣхъ непріятеля вынуждалъ насъ оставить Севастополь. Въ 7 час. вечера графъ Остенъ-Сакенъ прислалъ приказъ прекратить операціи. Между тѣмъ, старались перевести какъ можно болѣе раненыхъ на Сѣверную сторону. Послѣ паденія Малахова, мы тотчасъ посовѣтовали тѣмъ ампутированнымъ, которые въ состояніи были ходить, перейти черезъ мостъ, и большая часть ихъ воспользовалась нашимъ предложеніемъ. Больше трудности представляла отправка офицеровъ, желавшихъ отложить свой переѣздъ на Сѣверную сторону до слѣдующаго дня. Это можетъ служить доказательствомъ, какъ большинство было изумлено извѣстіемъ объ отступленіи, и какъ еще мало въ настоящую минуту этому вѣрили.

Отступленіе. Въ 8 час. вечера, когда никому изъ врачей, кромѣ меня, не было извѣстно объ отступленіи, а между тѣмъ въ

темнотѣ одинъ полкъ за другимъ переходилъ черезъ мостъ,— я обратился къ князю Васильчикову съ вопросомъ, могу-ли наконецъ сообщить другимъ врачамъ и медицинскимъ служителямъ объ отступленіи. Князь отвѣчалъ: «Да, съ восходомъ солнца никто не долженъ болѣе находиться въ Севастополѣ». Тогда я объявилъ это рѣшеніе и употребилъ все стараніе, чтобы ни одинъ раненый не былъ покинутъ. Цѣлую ночь продолжалось отступленіе; къ 5 час. утра все было окончено, и мостъ разведенъ.

Съ валовъ Сѣвернаго укрѣпленія можно было видѣть дымящіяся и горящія развалины Севастополя. Какое печальное зрѣлище представляла бухта, гдѣ въ зеркальной глади водъ вчера еще отражались большіе линейные корабли, гдѣ кипѣли жизнь и движеніе, а сегодня все было тихо и мертво. Мостъ разведенъ, корабли затоплены и только кое-гдѣ торчатъ верхушки мачтъ изъ глубины моря; нѣтъ ни лодки, ни челнока; уцѣлѣвшіе пароходы сиротливо жались къ сѣверному берегу, чтобы быть какъ можно дальше отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Охотники съ полуночи поджигали городъ, и безъ того уже загорѣвшійся отъ непріятельскихъ орудій; все вмѣстѣ представляло море дыма и пламени, изъ котораго кое-гдѣ выдвигались развалины капитальныхъ зданій. Отъ времени до времени раздавались болѣе или менѣе сильные взрывы, смотря по тому, достигалъ-ли огонь большихъ или малыхъ пороховыхъ магазиновъ, или нарочно взрывали какую-нибудь мину. Такъ вскорѣ поочереди взлетѣли на воздухъ Александровская и Павловская батареи съ тѣмъ шумомъ, какой можно себѣ представить, имѣя въ виду громадную силу, необходимую для разрушенія большаго и крѣпкаго четырехъ-этажнаго форта. Камеры, устроенныя подъ Николаевскою батареей, благодаря осмотрительности князя Горчакова, не были за-

ряжены. Хотя, вслѣдствіе этого, батарея эта не могла быть взорвана, но зато перевязочный пунктъ, госпиталь и цѣлый штабъ Севастополя не взлетѣли на воздухъ, что̀, при малѣйшей неосторожности и при близости непріятельскихъ орудій, легко могло случиться.

Моряки и большая часть армейскихъ солдатъ оставались безъ пріюта и были разбросаны повсюду; подъ открытымъ небомъ находили даже раненыхъ, которые не въ состояніи были добраться до госпиталя. Короче сказать — на слѣдующее утро по отступленіи, все представляло видъ величайшаго хаоса. Штабъ Севастополя разошелся; большая часть отправилась на Инкерманскія высоты, а малая помѣстилась въ Сѣверномъ укрѣпленіи, гдѣ однакоже каждую минуту можно было ожидать новаго бомбардированія, такъ какъ непріятельскіе корабли выстроились въ боевомъ порядкѣ.

Когда Павловская батарея взлетѣла на воздухъ, и это гордое зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго находился второй перевязочный пунктъ, представляло только груду камней, распространился слухъ, будто съ нимъ также взлетѣло значительное число раненыхъ. Слухъ этотъ вызванъ тѣмъ, что тамъ первоначально оставлено было около 500 больныхъ, съ медикомъ, которому князь Горчаковъ вручилъ письмо къ Пелисьѐ. Но когда на другой день непріятель еще не занялъ города и все вокругъ было объято пожаромъ, наши люди, побуждаемые состраданіемъ, нашли время перевезти оставшихся раненыхъ на Сѣверную сторону.

Потому для насъ было совершенно неожиданнымъ и вначалѣ казалось даже невѣроятнымъ заявленіе французской и англійской прессы о состояніи нашихъ раненыхъ на Корабельной. Если вѣрить этимъ заявленіямъ, несчастные лежали безъ пищи и питья, еще живые, между полусгнив-

шими; состояніе ихъ заставляло содрогнуться даже человѣка съ самыми крѣпкими нервами. Такое извѣстіе было тѣмъ болѣе неожиданно, что въ русскомъ лагерѣ и помину не было о томъ, чтобы оставили какихъ-нибудь раненыхъ. Но судя по описаніямъ и представленнымъ рисункамъ помѣщеній, невозможно считать дѣло простою выдумкой и безусловно отрицать фактъ, быть можетъ самый ужасный изъ всѣхъ фактовъ осады. Весьма вѣроятно, что подлѣ Павловской батареи, въ магазинахъ морскаго вѣдомства, непріятелю могла дѣйствительно представиться эта ужасающая картина. Мы можемъ допустить, что тамъ помѣстили умирающихъ и совершенно безнадежныхъ раненыхъ, которыхъ, при большой поспѣшности, невозможно было перевезти. Въ полной увѣренности, что непріятель послѣдуетъ за нами по пятамъ, мы должны были предполагать, что эти несчастные вскорѣ попадутъ подъ защиту нашего противника и найдутъ у него необходимую заботу, и что, наконецъ, если бы даже непріятель еще не вошелъ въ городъ, ихъ откроютъ его мародеры. Однако, вопреки подобному разсчету, союзныя войска вступили въ городъ только на четвертый день, вслѣдствіе чего большая часть этихъ несчастныхъ погибла отъ голода, жажды и отъ недостатка ухода.

Нашъ уронъ въ августѣ мѣсяцѣ былъ громаденъ.

Число раненыхъ и операцій по книгамъ перевязочныхъ пунктовъ.

Съ $\frac{5}{17}$ августа книги перевязочныхъ пунктовъ даютъ слѣдующія цифры:

На Городской сторонѣ:

	Раненыхъ	Ампутированныхъ
$\frac{5}{17}$ августа	251	38
$\frac{6}{18}$ »	214	32

	Раненыхъ	Ампутированныхъ
7/19 августа	88	20
8/20 »	175	30
9/21 »	135	22
10/22 »	92	8
11/23 »	139	11
12/24 »	120	19
13/25 »	102	8
14/26 »	82	11
15/27 »	101	17
16/28 »	98	9
17/29 »	79	22
18/30 »	87	18
19/31 »	91	21
20 августа / 1 сентября	130	28
21/2 »	99	13
22/3 »	168	18
23/4 »	116	18
24/5 »	932	100
25/6 »	853	96
26/7 »	732	76
27/8 »	—	—
Всего . .	4.884	635.

На Корабельной сторонѣ:

	Раненыхъ	Ампутированныхъ
5/17 августа	1.065	69
6/18 »	920	56
7/19 »	797	47
8/20 »	640	49
9/21 »	676	44
10/22 »	505	31
11/23 »	589	22
12/24 »	622	24
13/25 »	632	26
14/26 »	535	17
15/27 »	499	49
16/28 »	414	
17/29 »	446	20
18/30 »	582	15
19/31 »	576	24
20 августа / 1 сентября	552	32
21/2 »	419	18
22/3 »	533	18
23/4 »	872	34
24/5 »	871	35
25/6 »	—	—
26/7 »	—	—
27/8 »	—	—
Всего . .	12.745	630.

Въ сложности, всего раненыхъ 17.629, а ампутированныхъ—1.265. Сюда не включены числа за послѣдніе три дня на Корабельной и за послѣдній день на Городской сторонѣ. Если причислить за дни, непоказанные въ книгахъ перевязочныхъ пунктовъ, цифры гарнизонныхъ списковъ, а именно: за четыре первые дня августа—892 челов., излишекъ съ $\frac{24}{5}$ по $\frac{26 \text{ августа}}{7 \text{ сентября}}$ — въ 2.666 челов., и за послѣдній день, $\frac{27 \text{ августа}}{8 \text{ сентября}}$,— 8.066 челов., то получимъ однихъ раненыхъ въ августѣ мѣсяцѣ 29.253 челов., тогда какъ по гарнизоннымъ спискамъ раненыхъ и контуженныхъ имѣлось только 25.852 челов.

Исчисленіе нашихъ потерь.

Разница между цифрою гарнизонныхъ списковъ (25.852) и цифрою книгъ перевязочныхъ пунктовъ (29.253) не очень значительна и легко объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что въ книгахъ перевязочныхъ пунктовъ отмѣчены всѣ легко-раненые, возвратившіеся послѣ перевязки во фронтъ, которые, конечно, въ гарнизонныхъ спискахъ не показаны, а съ другой стороны—тѣмъ, что въ книгахъ перевязочныхъ пунктовъ отмѣчены такіе раненые, которые умерли въ тотъ же день или спустя нѣсколько часовъ, между тѣмъ какъ въ гарнизонныхъ спискахъ они уже показаны въ числѣ убитыхъ.

Мы показали число выбывшихъ изъ строя до $\frac{1}{13}$ іюня въ самомъ Севастополѣ въ 42.573 челов., а прибавивъ къ нему уронъ внѣ Севастополя, мы вывели всю потерю до 62 тыс. челов.

Въ іюнѣ, по гарнизоннымъ спискамъ, выбыло 9.404 челов., изъ которыхъ 1.485 убитыми и 7.900 ранеными, въ отношеніи около какъ 1 : 5½; въ іюлѣ выбыло 7.414 челов., изъ которыхъ 1.124 убитыми и 6.287 ранеными, почти въ такомъ же отношеніи; въ августѣ, по тѣмъ же спискамъ, общій уронъ составлялъ 34.224 челов., а именно 6.485 уби-

тыми и 27.739 челов. другимъ образомъ выбывшихъ изъ строя.

И такъ, отъ начала осады до $\frac{1}{13}$ іюня весь уронъ составлялъ	42.573 челов.
Отъ $\frac{1}{13}$ іюня по $\frac{1}{13}$ іюля	9.404 »
Отъ $\frac{1}{13}$ іюля по $\frac{1}{13}$ августа	7.414 »
Отъ $\frac{1}{13}$ по $\frac{28 \text{ августа}}{9 \text{ сентября}}$	34.224 »
Итого	93.615 челов.

Въ этотъ счетъ однакоже не входятъ легко-раненые въ іюнѣ, іюлѣ и отчасти въ первую половину осады, такъ что, круглымъ числомъ, всю убыль въ Севастополѣ можно полагать 100 тыс. челов., что̀, при отношеніи убитыхъ къ раненымъ какъ 1 : 5, составитъ около 16 тыс. убитыхъ и 80 тыс. раненыхъ.

По полковымъ спискамъ (*), общая потеря сухопутныхъ войскъ составляетъ 92.338 челов., а именно: 49.418 раненыхъ и 23.464 контуженныхъ (вмѣстѣ—72.882 челов.), 15.162 убитыхъ, 4.056 безъ вѣсти пропавшихъ и 238 плѣнныхъ. Разница между цифрами гарнизонныхъ и полковыхъ списковъ легко объясняется тѣмъ, что по гарнизоннымъ спискамъ легко-раненыхъ не считали, по полковымъ же—они показывались. Нетрудно объяснить разницу и въ числѣ убитыхъ, такъ какъ нѣкоторыхъ пропавшихъ безъ вѣсти обозначали въ полковыхъ спискахъ убитыми, или наоборотъ—убитые считались безъ вѣсти пропавшими. Труднѣе однакоже объяснить, почему по полковымъ спискамъ, не включая моряковъ, цифра общаго урона почти равна цифрѣ убыли по гарнизоннымъ рапортамъ, куда моряки включены. Это разногласіе можно объяснить только разницею въ

(*) См. Приложеніе № 1.

цифрѣ легко-раненыхъ, которая, по обоимъ источникамъ, дѣйствительно оказывается довольно чувствительною. Считая раненыхъ моряковъ по спискамъ перевязочныхъ пунктовъ и по спеціально веденнымъ книгамъ морскаго вѣдомства въ 10.331 челов. и прибавляя эту цифру къ вышеупомянутымъ 92.338 челов., получимъ всю убыль гарнизона въ 102.669 челов. Какъ видно, эта цифра весьма близка къ исчисленіямъ перевязочныхъ пунктовъ.

Числа эти, разумѣется, относятся только къ Севастопольскому гарнизону. Для битвъ внѣ Севастополя слѣдуетъ принять слѣдующія цифры:

При Альмѣ	5.709
» Балаклавѣ	627
» Инкерманѣ	11.959
» Евпаторіи	769
» Черной рѣчкѣ	7.000
Итого .	26.064,

что съ полученною уже цифрой составило бы всего 126 тыс. челов., и по принятому нами отношенію убитыхъ къ раненымъ какъ 1 : 5—около 21.000 убитыми.

Всего, во время осады, въ гарнизонѣ Севастополя перебывало сухопутныхъ войскъ 169.538 челов. (*). Здѣсь приняты во вниманіе какъ первоначальный составъ частей, такъ и комплектованіе ихъ новыми людьми изъ маршевыхъ частей, а равно и смѣна однихъ войскъ другими изъ обсерваціоннаго отряда Сѣверной стороны. Изъ нихъ, во время войны, убито, ранено, контужено, безъ вѣсти пропало и взято въ плѣнъ — 92.338 челов., заболѣло внутренними болѣзнями — 37.740 челов , и умерло — 8.455 челов. Такъ что весь уронъ — то постоянный, то временный — простирался до

(*) См. Приложеніе № 1.

138.533 челов. Такимъ образомъ, въ гарнизонѣ только около 30.000 челов. оставались невредимыми.

Не нужно однакоже опускать изъ вида, что не разъ одинъ и тотъ же солдатъ могъ быть показываемъ то больнымъ, то раненымъ. Притомъ, въ показанное число общей потери включены контуженные и легко-раненые, которые, или сейчасъ послѣ перевязки, или послѣ кратковременнаго пребыванія въ лазаретѣ, выписывались и отправлялись во фронтъ.

Если же принять во вниманіе, что число выздоровѣвшихъ при гарнизонѣ, какъ отъ ранъ, такъ и отъ болѣзней, составляло 53.262 челов., и вычесть это число изъ полной потери, то окажется, что гарнизонъ, какъ отъ непріятельскаго оружія, такъ и отъ болѣзней, потерялъ безвозвратно 85.271 челов. (*).

Число операцій и ихъ исходы.

Обращаясь теперь къ численному отношенію большихъ операцій, мы получаемъ весьма разнообразные результаты, смотря по тому, изъ какихъ источниковъ будемъ ихъ заимствовать. По отчету генералъ-штабъ-доктора, сдѣлано во время всей осады, за исключеніемъ резекцій костей и такихъ операцій, которыя оканчивались смертью уже на перевязочномъ пунктѣ, 4.871 большихъ операцій, именно:

Ампутацій:

Передней части руки	465,	выздоровѣло	109,	умерло	282
Верхней » »	959	»	187	»	439
Нижней голени . .	1.286	»	69	»	642
Верхней »	886	»	29	»	369
Итого	3.596	»	394	»	1.732.

(*) См. Приложеніе № 1.

Вылущеній:

Плечнаго сустава .	163,	выздоровѣло	10,	умерло	70
Большихъ пальцевъ на ногѣ	535	»	66	»	191
Сустава ноги . . .	57	»	9	»	4
Вылущеній по Шопару	17	»	3	»	14
Итого	772	»	88	»	279.

Резекцій:

Локтя	25,	выздоровѣло	7,	умерло	9
Трепанацій черепа .	20	»	—	»	20
Остопластическая операція по Пирогову	22	»	—	»	4
Нижней челюсти . .	27	»	—	»	2
Итого	94	»	7	»	35.
Всего . .	4.462	»	489	»	2.046.

Операцій въ морскомъ вѣдомствѣ—409, всего—4.871.

Пользуясь другими источниками, именно книгами перевязочныхъ пунктовъ, находившихся въ моемъ вѣдѣніи, получимъ слѣдующія числа:

Съ декабря 1854 г. до $\frac{\text{25 января}}{\text{6 февраля}}$ 1855 г., до перевода перевязочнаго пункта въ инженерный домъ, было сдѣлано . . . . . 59 большихъ операцій.

Съ $\frac{1}{13}$ февраля до $\frac{1}{13}$ іюня на перевязочномъ пунктѣ Корабельной . . . . . 970 »

Съ $\frac{1}{13}$ іюня до $\frac{3}{15}$ августа на главномъ перевязочномъ пунктѣ въ Михайловской батареѣ, а также въ Николаевской батареѣ	800	большихъ операцій.
Съ $\frac{5}{17}$ по $\frac{28 \text{ августа}}{9 \text{ сентября}}$ на главномъ перевязочномъ пунктѣ Николаевской батареи и на перевязочномъ пунктѣ Павловской батареи—1.265 операцій. Но такъ какъ на Николаевской батареѣ не отмѣчено послѣдняго дня, а на Павловской батареѣ—послѣднихъ трехъ дней обороны, то слѣдуетъ принять для этого времени, вмѣстѣ съ предъидущими, по крайней мѣрѣ .	1.500	»
Всего	3.329	»
Къ этому нужно прибавить тѣ операціи, которыя были сдѣланы до моего прибытія на перевязочномъ пунктѣ, числомъ	385	»
Сюда же слѣдуетъ еще включить операціи, сдѣланныя Пироговымъ и подъ наблюденіемъ его съ половины ноября по $\frac{1}{13}$ іюня, въ Симферопольскихъ госпиталяхъ, въ баракахъ на Сѣверной сторонѣ, на Бельбекѣ и на перевязочномъ пунктѣ Южной стороны въ продолженіе февраля, марта, апрѣля и мая; можно принять ихъ круглымъ числомъ въ	1.000	»
Всего	4.714	операцій.

Кромѣ того, сюда не включены операціи, дѣланныя ежедневно въ главномъ госпиталѣ Сѣверной стороны, а также въ различныхъ госпиталяхъ Симферополя, Николаева, Херсона, и въ госпиталяхъ морскаго вѣдомства. Для этого мы не имѣемъ никакихъ чиселъ, даже приблизительныхъ. Но если бы мы хотѣли опредѣлить число операцій по числу раненыхъ, то найдемъ, что въ августѣ на главномъ перевязочномъ пунктѣ операціи относились къ раненымъ какъ 1 : 8.

Желая примѣнить это отношеніе ко всему числу раненыхъ въ теченіе августа и уменьшая это отношеніе до 1 : 10, мы получили бы, что въ одномъ августѣ на 29.000 раненыхъ было сдѣлано 2.900 операцій. Пришлось бы, слѣдовательно, причислить къ операціямъ, произведеннымъ на перевязочныхъ пунктахъ въ августѣ мѣсяцѣ (1.500), еще 1.400, и такимъ образомъ составилась бы цифра въ 6.100 операцій. Сверхъ того, сюда еще не включены операціи, произведенныя послѣ сраженій при Альмѣ, Балаклавѣ, Инкерманѣ и Черной рѣчкѣ, такъ что вышеприведенное число нельзя не признать слишкомъ малымъ. Зная, что въ первое время, особенно послѣ сраженій при Альмѣ и Инкерманѣ, было произведено очень мало операцій, по недостатку хирургическаго пособія, мы должны полагать, имѣя въ виду отношеніе 1 : 12, всѣхъ операцій въ Севастополѣ и окрестностяхъ только 7.800, а въ теченіе всей Крымской кампаніи— 10.000, если принять за основаніе наше предъидущее исчисленіе и предположить, что съ самаго начала операціи производимы были по тѣмъ же указаніямъ и въ томъ же отношеніи. Во всякомъ случаѣ можно принять безошибочно 8.000 операцій.

Что же касается смертности послѣ операцій, мы видимъ изъ донесенія генералъ-штабъ-доктора, какъ она была

значительна. Онъ приводитъ, что изъ 4.871 числа оперированныхъ, умерло 2.046, т. е. болѣе половины, а выздоровѣло всего 489 челов. Правда, изъ этихъ чиселъ нельзя вывести не только абсолютнаго, но даже приблизительнаго отношенія смертности, но во всякомъ случаѣ положительно вѣрно, что она больше половины, тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть операцій приходится на августъ мѣсяцъ, и число выздоровѣвшихъ въ 489 челов. доказываетъ незначительность отношенія благопріятныхъ исходовъ.

Изъ 3.329 операцій, сдѣланныхъ подъ моимъ наблюденіемъ, имѣются нѣкоторыя опредѣленныя данныя, но и я могъ въ точности прослѣдить только 636 ампутацій, вылущеній и резекцій до ихъ окончательнаго исхода.

Изъ этихъ 636 челов. выздоровѣло всего 137, или около 20%.

Операціи съ правой стороны	338,	выздоровѣло	63,	около	$18^3/_4$%
Операціи съ лѣвой стороны	298	»	74	»	25%
Верхнихъ конечностей .	258	»	84	»	32%
Нижнихъ »	318	»	54	»	13%
Ампутаціи бедра . .	269	»	24	»	9%.

КОНЕЦЪ

Карта перевязочныхъ пунктовъ и госпиталей въ Севастополѣ и въ окрестностяхъ его въ 1854-1856 г.

Бат Константин
Бат Михаиловская
Бат N 4
Бат 12 Апостол
Голландия
Бат Александровск
Бат N 10
Бат N 9
Бат N 7
Бат Николаевская
Бат Павловская
Бат Парижская
Бат Святославская
Бат N 1
Бат N 6
Бат N 2
Бат N 5
Бат N 3
Бат N 1
Малахова башня
Сарь Прокофьева
Р Шварца
Х Багрова
Кладбище
Оборонная казарма
Большая бухта
Дуванкер бухта
Севастопольскій рейдъ
Георгіевскій порох погреб
Инкерманскій мостъ
Развалины Инкермана
Х Байтани
Инкерманскій дол
Мартыновская балка
Графская балка
Сухарная балка
Сухарн зав
Мачтовая балка
Мачтъ
Куриная балка
Барак
Пантелеева
Сухая балка
Х Микрюкова
Камень балка
Каменоломн обр
Волгова балка
Инкерманская балка
Сверн балка
Сверн балка
Сверн

ПРИЛОЖЕНІЯ

(№ 1)

А. ВѢДОМОСТЬ

ЧИСЛИТЕЛЬНОСТИ УБЫЛИ СУХОПУТНЫХЪ ВОЙСКЪ ВЪ СОСТАВѢ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО ГАРНИЗОНА.

	Состояло	Прибыло на укомплектованіе	Убыло	Выздоровѣло
Бѣлозерскій пѣхотный полкъ	2.294		1.337	173
Олонецкій	2.238		1.826	369
Шлиссельбургскій	2.281		1.053	81
Ладожскій	2.368		1.212	34
Великаго князя Владиміра Александровича.	2.367		34	8
Вологодскій.	1.528		54	30
Костромской	1.693		275	7
Галицкій.	1.638		320	12
Муромскій	2.669		3.346	1.265
Смоленскій	1.966	1	65	118
Могилевскій	1.616	7	77	125
Витебскій	1.785	1	28	114
Полоцкій	2.061		155	117
Графа Дибича Забалканскаго.	2.962	548	4.395	1.803
Полтавскій.	2.757	515	3.601	1.199
Алексопольскій.	2.932	583	3.691	1.614
Кременчугскій.	3.012	471	4.653	1.742
Елецкій	2.786		3.147	1.171
Сѣвскій	3.047	8	3.137	1.137
Князя Горчакова.	3.477		4.200	1.842
Князя Паскевича Эриванскаго	3.023		3.162	644
Екатеринбургскій	3.517	1.134	5.528	2.267
Тобольскій.	3.331	698	5.229	3.061
Томскій.	3.349	1.124	4.386	1.774
Колыванскій	3.093	1.147	4.818	2.304
Селенгинскій	2.531	710	3.449	1.773
Итого . . .	66.321	6.947	63.178	24.784

	Состояло	Прибыло на укомплектованіе	Убыло	Выздоровѣло
Якутскій	2.282	923	2.594	731
Охотскій	1.624	2.683	3.943	1.839
Камчатскій	3.332	1.040	4.320	1.829
Азовскій	3.161		562	57
Днѣпровскій	3.291		923	8
Украинскій	3.519		1.380	441
Одесскій	2.997		833	514
Волынскій	3.836	671	5.867	2.948
Минскій	3.452	1.629	7.271	3.446
Подольскій	3.143	927	3.912	897
Житомірскій	3.180	443	2.655	435
Владимірскій	2.262	1.046	4.419	1.839
Суздальскій	2.671	468	2.590	285
Углицкій	1.977	296	2.959	1.416
Великаго князя Михаила Николаевича	1.883	1.024	3.722	1.526
Московскій	2.730	31	630	144
Бутырскій	3.996		2.390	1.044
Тарутинскій	3.784	2	675	382
Бородинскій	3.302		739	104
Резервная бригада	7.505	345	7.661	4.006
Сводный Резервный баталіонъ	2.121	15	1.840	171
15 резервная дивизія:—Модлинскій полкъ	2.355	82	2.205	379
Прагскій	2.255		1.464	318
Люблинскій	2.303	1	1.939	526
Итого	72.961	11.626	67.493	25.285

	Состояло	Прибыло на укомплектованіе	Убыло	Выздоровѣло
Замосцьскій	2.350		1.856	98
Пѣшій баталіонъ Черноморскаго казачьяго войска	878		623	92
Пѣшая батарея	844		1.388	958
4 стрѣлковый баталіонъ	723	125	671	214
3 саперный баталіонъ	401	280	424	365
4 саперный баталіонъ	969	185	724	319
6 саперный баталіонъ	1.008	320	1.219	562
Батарейная № 1 батарея	263		94	
Легкая № 1 батарея.	229	1	93	37
Легкая № 2 »	153	65	113	107
Легкая № 3 »	185	25	66	90
Легкая № 4 »	203	2	108	101
Легкая № 5 »	307	107	228	57
Легкая № 7 »	175			38
Легкая № 8 »	249	22	162	26
Легкая № 9 »	265	16	120	26
Легкая № 4 »	222	7	58	19
Легкая № 6 »	218			3
Батарейная № 1 батарея	198		40	29
Легкая № 1 батарея	110	78		18
Легкая № 2 »	200			
Батарейная № 2 батарея	300			34
Итого . . .	10.450	1.233	7.987	3.193
Всего . . .	149.732 + 19.806 = 169.538		138.658	53.262

B. ВѢДОМОСТЬ

убыли войскъ по полковымъ спискамъ въ Севастополѣ.

	Убыло
Переведенныхъ и командированныхъ	125
Убитыхъ	15.162
Раненыхъ	49.418
Контуженныхъ	23 464
Безъ вѣсти пропавшихъ Взятыхъ въ плѣнъ	4.294
Умершихъ	8.455
Заболѣвшихъ	37.740
Всего убыло	138.658

C. ВѢДОМОСТЬ

убыли войскъ по ежедневнымъ рапортамъ Севастопольскаго гарнизона.

	Убыло
Убитыхъ	17.015
Раненыхъ	58.272
Контуженныхъ	15.174
Безъ вѣсти пропавшихъ	3.564
Итого	94.025

(№ 2)

Для ближайшаго разъясненія вопросовъ, представляемыхъ госпитальною статистикой, считаемъ нелишнимъ разсмотрѣть цифры, показанныя въ донесеніяхъ медицинскаго управленія арміи.

Въ донесеніи генералъ-штабъ-доктора Крымской арміи Шрейбера («Воен.-Медиц. Журн.», стр. 47), общее число больныхъ къ $\frac{1}{13}$ ноября 1854 г., т. е. послѣ сраженій при Альмѣ, Балаклавѣ и Инкерманѣ, и послѣ продолжительнаго перваго бомбардированія Севастополя, показано только въ 10.517 челов. Цифра эта, безъ всякаго сомнѣнія, далеко ниже дѣйствительности. Затѣмъ, по тому же донесенію, отъ $\frac{1}{13}$ ноября 1854 г. до $\frac{1}{13}$ ноября 1855 г. поступило изъ полковъ и изъ другихъ госпиталей 492.671 челов., такъ что общее число дошло до 503.188 челов., изъ которыхъ выздоровѣло—152.733 челов., переведено въ другіе госпитали—272.484 челов., въ Южную армію переведено—3.749 челов., умерло—44.711, осталось въ пользованіи—29.511 челов. Этимъ числамъ однакоже не слѣдуетъ приписывать большаго значенія; они даже почти негодны для какихъ бы ни было выводовъ, такъ какъ больные находились по большей части постоянно въ дорогѣ и переходили изъ одного госпиталя въ другой, а такимъ образомъ одинъ и тотъ же

больной могъ быть показываемъ нѣсколько разъ. Мы могли бы исправить ошибку, если бы число переведенныхъ въ другіе госпитали (272.484 челов.) совершенно исключили изъ общаго итога. Но такая поправка была бы позволительна только тогда, если бы въ число переведенныхъ не было включено такихъ, которые не были вывезены изъ района Крымскихъ госпиталей. Впрочемъ, въ 5-й рубрикѣ, число 3.749 челов., переведенныхъ въ Южную армію, доказываетъ, что никого не перевели въ болѣе отдаленные госпитали и что цифра 272.484 относится только къ движенію больныхъ въ районѣ Крымскихъ госпиталей.

Но для того чтобы получить полный итогъ заболѣвшихъ, должно къ даннымъ числамъ прибавить еще пользовавшихся въ госпиталяхъ холерныхъ, одержимыхъ другими болѣзнями, и выздоровѣвшихъ или умершихъ въ лазаретахъ. Этихъ послѣднихъ больныхъ показано: выздоровѣвшими— 79.339 челов., умершими — 3.857, оставшимися — 2.442 (всего—85.638), холерныхъ—8.136 челов., итого—93.774 челов. (*). Вычитая изъ общаго итога въ 503.188 челов. число больныхъ (272.484 челов.), переведенныхъ въ другіе госпитали, и прибавляя къ нему полученное нами число 93.774 челов., составится полный итогъ заболѣвшихъ въ 324.478 челов.

Число умершихъ въ Крыму составляло:

Въ госпиталяхъ.	44.711	челов.
Въ полковыхъ лазаретахъ .	3.857	»
Отъ холеры (въ госпиталяхъ) .	3.557	»
Итого	52.125	челов.

(*) См. «Воен.-Медиц. Журн.»

Прибавивъ сюда 21.000 челов., падшихъ при оборонѣ Севастополя и въ полевыхъ сраженіяхъ, найдемъ, что съ начала войны въ Крыму по $\frac{1}{13}$ ноября 1855 г. убито и умерло въ Крыму 73.125 челов.

Если же прибавить сюда 33.605 челов., умершихъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ Южной арміи съ 1853 по 1855 г., и людей, падшихъ въ военныхъ дѣлахъ на Дунаѣ, то общая потеря убитыми и умершими Дунайской, Южной и Крымской армій составитъ около 110 тыс. челов.

Самая большая смертность отъ тифа случилась въ 1856 г., преимущественно между рекрутами и ополченцами; болѣзнь эта причинила ужасное опустошеніе, такъ что даже приведенную цифру въ 110 тыс., быть можетъ, слѣдуетъ еще значительно увеличить. Мы не боимся погрѣшить въ приведенномъ нами числѣ умершихъ; но когда идетъ вопросъ о движеніи раненыхъ, которое можно опредѣлить только по разнообразнымъ вычисленіямъ,—тутъ совсѣмъ другое дѣло: а именно мы сбиваемся въ точности нашихъ выводовъ, если, сравнивая цифры движенія раненыхъ, захотимъ и въ этомъ случаѣ допустить то же предположеніе.

Отъ $\frac{1}{13}$ ноября 1854 до $\frac{1}{13}$ ноября 1855 г. больныхъ и раненыхъ показано:

$\frac{1}{13}$ ноября 1855 г. состояло .	4.856	всего 196.568 челов.	
Прибыло изъ командъ и другихъ госпиталей	191.712		
Выздоровѣло		36.772	»
Переведено въ другіе госпитали . . .		135.485	»
Переведено въ Южную армію . . .		979	»
Умерло		14.671	»
Осталось.		8.661	»

За вычетомъ изъ общей суммы 135.485 челов. переведенныхъ, останется всего больныхъ 61.083 челов., тогда какъ мы старались доказать, что число однихъ раненыхъ только въ Севастополѣ не могло быть менѣе 80 тыс. челов.

Если прибавимъ сюда 8.204 челов., выздоровѣвшихъ и умершихъ въ лазаретахъ, то всё-таки получимъ только 69.287 челов. раненыхъ.

Невѣроятно, чтобы, не болѣе какъ черезъ два мѣсяца послѣ осады, въ госпиталяхъ оставалось только 8.661 раненыхъ. Впрочемъ цифры г. Шрейбера опровергаются другимъ его донесеніемъ, въ которомъ представлены совершенно другія числа. Въ этомъ донесеніи число раненыхъ по $\frac{1}{13}$ ноября 1855 г. показано въ 86.429 челов., изъ которыхъ выздоровѣло 34.605 челов. и умерло 10.803 челов.; остатокъ же больныхъ показанъ въ 41.021 челов. вмѣсто 8.661 челов., показанныхъ въ первомъ донесеніи.

Изъ всего этого ясно, какъ мало можно положиться на цифры вышеупомянутыхъ донесеній и какъ мало пригодны онѣ для какихъ-либо выводовъ.

Сравнивая нашу смертность со смертностью французской арміи, мы знаемъ по Бодансу (Baudens), что, при численности всей французской арміи въ 309.270 челов. (стр. 403), умерло на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ въ Крыму и Константинополѣ около 63 тыс. челов., между тѣмъ какъ у насъ умерло въ госпиталяхъ по $\frac{1}{13}$ ноября 1855 г.:

52.125 челов. — въ Крымской арміи,
33.605 » — » Южной »

всего — 85.730 челов., и вся потеря съ убитыми составляла около 110 тыс. челов.

Бодансъ даетъ точную статистику о движеніи больныхъ и смертности только съ 10 апрѣля 1855 г. до перевода госпиталей во Францію, т. е. до 30 іюня и 10 августа 1856 г. Въ теченіе этого времени заболѣло 217.303 челов. и умерло 43.024, т. е. такъ какъ 1 : 5,5, или 19,79%. Изъ 33.662 челов. раненыхъ умерло 7.144, т. е. какъ 1 : 4,71, или 21,2%.

Смертность въ Крымской арміи, по нашимъ спискамъ, до $\frac{1}{13}$ ноября 1855 г. была слѣдующая: изъ 324.478 челов., находившихся въ пользованіи, умерло 52.125 челов., т. е. 1 : 6,2, или 16,1%. И такъ очевидно, что смертности у насъ было меньше, чѣмъ во французской арміи; это объясняется тѣмъ, что у насъ не принята въ разсчетъ въ этихъ цифрахъ гибельная тифозная эпидемія 1856 г., которая одна убила во французской арміи 55,3% и главнымъ образомъ содѣйствовала увеличенію смертности.

По донесеніямъ генералъ-штабъ-доктора Южной арміи Чернобаева, смертность въ временныхъ госпиталяхъ за 1853 – 54 г. относится къ больнымъ, бывшимъ въ пользованіи, какъ 1 : 18, а въ постоянныхъ—какъ 1 : 9,5 («Воен.-Медиц. Журн.», стр. 124). Однакоже, по нашему разсчету, основанному на тѣхъ же данныхъ («Воен.-Медиц. Журн.», стр. 17), мы получили для временныхъ и постоянныхъ госпиталей: больныхъ—114.031, умершихъ—13.947, т. е. какъ 1 : 8,2. Но въ 1854 – 55 г. на 137.420 больныхъ приходится 15.545 умершихъ, или отношеніе смертности какъ 1 : 9.

Труднѣе опредѣлить цифру смертности для раненыхъ, такъ какъ мы не имѣемъ въ этомъ случаѣ точныхъ чиселъ. Принимая первое исчисленіе генералъ-штабъ-доктора Крымской арміи, какъ болѣе достовѣрное, получимъ, на 61.581 раненыхъ, 14.671 умершихъ, т. е. смертность какъ 1 : 4,1.

Принимая же второе исчисленіе, изъ 86.429 раненыхъ умерло—10.803 челов., слѣдовательно получится отношеніе смертности какъ 1 : 8.

Трудно опредѣлить, которое отношеніе болѣе правильно, такъ какъ, по нашему мнѣнію, оба исчисленія неточны. По разсчету генералъ-штабъ-доктора Чернобаева, отношеніе смертности къ раненымъ въ Южной арміи оказывается какъ 1 : 7²/₃. Бодансъ приводитъ для французской арміи цифру 1 : 4,71. По этимъ даннымъ отношеніе смертности во французской арміи, кажется, было гораздо болѣе, чѣмъ у насъ, что̀ явно противорѣчитъ тому мнѣнію, будто смертность между нашими ранеными была очень велика: выходитъ даже противуположный результатъ. Кажется, все зависѣло отъ способа исчисленія, и можно предполагать, что у союзниковъ отношенія смертности не были благопріятнѣе нашихъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
33	7 и 8 снизу	Профессоръ Гюббенетъ, тотчасъ послѣ своего прибытія, отправился	Тотчасъ послѣ своего прибытія, я отправился
36	2 и 3 »	заговорилъ профессоръ Гюббенетъ;	заговорилъ я;
43	13 сверху	Пирогова и Гюббенета	Пирогова и моего
»	20 »	профессора Гюббенета	моего
65	22 »	*временемъ*	*современемъ*

въ Приложеніяхъ:

3	2 сверху	числительности убыли	числительности и убыли

ОПЕЧАТКИ

	Напечатано:	*Должно быть:*
15 страница, 10 строка сверху	$\frac{9}{21}$	$\frac{9}{21}$
131 » 1 » »	йзвѣстны	извѣстны

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ
ПОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЛОТЫ
[illegible]
[illegible] 19[illegible]
Инв. № [illegible]